

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

ЧУДАК ЧЕЛОВЕК
(сборник повестей и рассказов)

2014

Оглавление

О книге	3
Повести	5
Плата за прошлое.....	5
Записки из тайника души.....	23
Убить в себе врага.....	49
Рассказы	64
Дрессировщик	64
Любовь к теще.....	67
Пилот.....	71
Сновидение.....	75
Курортное происшествие	78
Тайна	82
Странный человек.....	83
Измена.....	86
Неприемлемость.....	90
Прораб.....	94
Поворот судьбы.....	97
Просветление.....	102
Чудак-человек	105
Любовь из прошлого	109
Дура.....	113
Вера в себя.....	116
Происшествие.....	118
На пути к.....	123
Начало конца.....	128
Все счастливы.....	130
Душевный праздник	136
Влюбленные... ..	138
Ощущение счастья.....	140
Загадка Максима Анисимова.....	142
Двойной человек.....	145
Актер поневоле	148
Покорение пути.....	151
Накатило... ..	155

С. А. Зелинский

Чудак-человек. Сборник повестей и рассказов.

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

О книге.

«Неповинной главе всех и дел-то, что ждуть топора».

И. Бродский.

С.А.

Зелинский

Чудак-человек

СБ.ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

2014

Повести

Плата за прошлое

«Неповинной главе всех и дел-то, что ждать топора».

И. Бродский.

Многое могло произойти странного. Многое уже сейчас было настолько странным, что Вячеслав Мищериков особо и не надеялся, что когда-нибудь к нему придет разрешение намечаемого конфликта. Конфликта между прошлым и настоящим. В будущее Мищериков пока не загадывал. Разобраться бы с настоящим.

.....

Когда Вячеславу исполнилось двадцать лет, он решил, что весь мир у него под ногами.

Однако так вышло, что, задумавшись о том, что и как ему сделать лучше, Вячеслав так ничего и не сделал. Оставив институт, недоучившийся студент решил, было, работать, да оказалось, что он не знает, где ему работать. Профессию историка он не получил. Работать по рабочим специальностям не мог и не хотел (их, правда, и не было, но на любом заводе могли обучить чему угодно). И над ожидаемыми Вячеслава перспективами сгустились тучи.

Вячеслав стал тунеядцем. Пока были живы родители, кормившие его, он попросту жил, проводя время или за чтением книг, или шатаясь с друзьями, точнее – с тут же записавшимися к нему в друзья представителями бывшей местной шпаны, отличие которых между бывшими и настоящими заключалось лишь в возрасте: всем им было от двадцати до двадцати пяти лет. Причем тем, которым было по двадцать – оказались совсем ему не конкурентами. По интеллекту, например. И даже не знание основ практической жизни домашний мальчик быстро компенсировал развитой наблюдательностью и умением ориентироваться в психологии людей. Пока – только непосредственно окружающих его людей. Но по всему уже было заметно, что при случае, Вячеслав сможет найти общий язык со многими. Уже со многими. Тогда как раньше...

Раньше Вячеслав рос тихим и забытым. Жизненный принцип, которым он руководствовался – не высовываться. И не то, что так для него было спокойнее. Скорее всего, так это или не так – подобного Вячеслав еще не осознавал. Он просто когда-то посчитал, что для него будет наиболее приемлемым всегда оставаться в тени. И попробовав пару раз – втянулся.

С тех пор подобный мотив поведения вошел в его плоть и кровь. И несмотря на взросление – в его психике ничего не изменялось, а желание не высовываться, оставаясь в тени, переросло в характер.

Проходило время. В жизни Вячеслава ничто, вроде как, не изменялось. Разве что он как-то приелся новыми друзьями. А еще вернее – все, что необходимо было вынести для себя – Вячеслав нашел и запомнил.

Он понял, например, что может с легкостью адаптироваться в любом коллективе. До этого он находился в одной социальной среде. Сейчас стал пребывать в другой. Сути это не меняло. На первом месте стояло знание психологии. Психологии общения и восприятия внешнего мира, психологии адаптации в социуме. И Вячеслав, никогда специально не учась по предмету, вдруг понял, что он все это каким-то образом знает. Точнее – он чувствует, как это должно быть. А если случается совершать небольшие ошибки (лучше это назвать промахами; промах -- как некое усредненное производное от ошибки, то есть если и ошибки, то без серьезных последствий), то в следующий раз подобного Вячеслав уже не совершал. Он самым удивительным образом находил первопричину. Устранял ее, проанализировав какое-то время так и этак. После чего жаждал наступления схожей ситуации – чтобы теперь уже, с учетом имеющегося у него опыта, прореагировать иначе.

И ему удавалось. Самое любопытное могло заключаться не только в том, что ему действительно все удавалось, но и в том, что судьба начала оберегать его. Отводить в сторону намечаемый удар. А то и словно интуитивно предчувствуя, Вячеслав не оказывался в тех ситуациях, которые могли бы носить критический характер. Причем, он, было, попытался как-то сознательно разобраться с тем, что и как. Да понял, что ничего у него не получится. И до поры до времени оставил все попытки найти истину в подобном вопросе. Причем сама истина могла заключаться в простейшем: во Вячеславе Мищериков многое было заложено от природы. Будучи поставленный в некие условия обитания, отличные от приемлемых доселе, Вячеславу потребовалось дополнительно мобилизовать заложенный в нем потенциал; тем самым ему действительно удалось, чуть ли не максимально раскрыться. И то, к чему, быть может, он шел бы на протяжении очень длительного времени – достигнуть почти сразу (ну или верней – за совсем непродолжительный срок).

Однако случилось то, что Вячеслав не предусматривал. По крайней мере пока (подобное могло ожидать его в некой перспективе, причем та была столь призрачна, что он даже предполагал, что ее не допустит). Вячеслав оказался за решеткой. Причем это не было ни тюрьмой, ни зоной, и

видимо вообще не относилась к пенитенциарной системе. Также как не относилась к системе армии и флота, да и вообще – многое пока было непонятно.

«Но ведь и не частные же лица выкрали нас, и поместили в клетку»,--размышлял Вячеслав (находящиеся вместе с ним пятеро друзей, прошедших когда-то зону, а иные и не по одной ходке, просто пока молчали, присматриваясь). Причем необходимо было найти мотив. А после может что-то и выстроится. Уже исходя из полученных данных. Вот только у кого их получить?

Вячеслав медленно пошел по периметру. Помещение было под открытым небом, и представляло собой обложенный кирпичом с четырех сторон некий резервуар прямоугольной формы. Высота стен была примерно четыре-пять метров. Сверху не было ни решетки, ни проволоки, но, приглядевшись лучше, Вячеслав заметил какие-то почти бесцветные нити, пронизывающие пространство над ними. Друзья, которым Вячеслав показал находку, предположили, что эти нити сделаны из какого-то особого материала, и по ним проходит ток. В любом случае, прежде чем, не узнав причину их задержания, скрываться бегством было преждевременно (еще и на самом деле были не озвучены истинные намерения похитителей; а про побег лишь кто-то заикнулся, но тут же замолчал, чего-то опасаясь).

Можно было конечно предположить, что у похитителей вообще не было никакой цели. Или, например, их заточили, руководствуясь какими-то правилами и нормами общества, в котором жил Вячеслав Мищериков с товарищами. Но возникал справедливый вопрос, почему никого помимо них в том месте, где они теперь пребывали, не было. Особенно если учитывать антисоциальный образ жизни, который вели Мищериков и его друзья. Ведь если предположить, что таким образом их направили на исправление, тогда необходимо было соблюдение еще различного рода обстоятельств. Которых пока попросту не было, как заключил Вячеслав Андреевич.

Несмотря на юные годы, Мищериков выглядел значительно старше своих лет. Ему могли дать и двадцать пять и даже двадцать семь – двадцать восемь, а то и тридцать лет. Особенно учитывая ту долю ответственности, с которой он подходил к разрешению различных задач. И теперь, оказавшись за решеткой, Вячеслав собрал совет из друзей, и они стали гадать, что да как.

Выдвигались различные предположения. Суть любых предложений, впрочем, сводилась к различного рода догадкам. Все это были только предположения. Ни одно из предположений не имело под собой реальной основы. Можно было даже заключить, что с ними приключилось нечто мистическое. И как при любой мистике – подобное невозможно было понять правилами, находящимися в спектре реальности. Требовалось нечто такое, что выходило бы за рамки

привычного восприятия бытия. Но... сколько друзья не пытались, до чего-то конкретного додуматься не смогли.

.....

Вскоре их ряды стали пополняться. Сначала привезли некоего немного загадочного по восприятию внешнего мира человека средних лет и обычного телосложения, который вскоре выдвинул предположение, что таким образом ему мстят конкуренты. По словам этого человека у него был небольшой бизнес, который таким образом сейчас могут отнять. Кто? Он не сказал. Должно быть, и сам не знал. И у Вячеслава возникло предположение, что человек врет.

Друзья Мищерикова развили тему, предположив, что этого человека вообще специально к ним заслали, чтобы он передавал своим хозяевам то, о чем они тут говорят. Поэтому при нем говорить перестали, допуская как-то уж совсем отвлеченные темы, типа погоды да мысли о том, что было бы неплохо побыстрее освободиться.

Следующим к ним поместили юношу со светлым взором и по виду нетрадиционной ориентации. От него стали вообще держаться подальше, несмотря на предложение того помочь «разгрузиться».

Друзья, прошедшие лагеря, все равно скептически отнеслись к подобному предложению, несмотря на то, что Вячеслав помнил их рассказы о том, что в тюрьмах и зонах распространено пользоваться пассивными гомосексуалистами, которых называли там «петухами».

Но сейчас Владислав держал ситуацию под контролем. Еще на воле он был невольным лидером компании. Сейчас это лидерство за ним закрепилось, и как-то вышло так, что ни у кого и мысли не возникало ему возражать. А Вячеслав почувствовал, что всеми своими действиями он и его друзья должны были сбить похитителей с толку. Он предполагал (вполне может быть и оправданно), что у тех, кто их заточил, должны существовать определенные стереотипы, согласно которым...

В общем, он взял ситуацию под контроль, и предложил собравшимся делать исключительно то, что не должно было укладываться в эти стереотипы.

«И особо не дергаться»,--улыбнулся он, объяснив, что кого-то из них все равно со временем первым вызовут на допрос. А значит и появится информация, объясняющая причину их задержания.

.....

Проходило время. Заключенных исправно кормили (причем даже более-менее сносно; и хоть друзья Вячеслава традиционно называли еду баландой, на баланду она явно была непохожа. Скорей

это была больничная еда. Причем по нормам, принятым в советском обществе, которое только недавно на тот момент прекратило свое существование).

Кроме того, все время молодые люди проводили на воздухе, что весьма благотворно сказывалось на здоровье. Да и вообще, хоть никто из задержавших их за все время так и не появился (а когда их задерживали, лиц нападавших тоже не было видно,-- те были закрыты черными масками), тем не менее угадывалась какая-то даже забота со стороны хозяев.

При этом до сих не выдвигалось каких-то требований. Но исправно кормили, да и вообще заботились. Но кто? Кто те, которые приняли решение об их задержании? Эти вопросы все чаще задавал себе Вячеслав Мищериков, и они не давали ему покоя.

И хотя он заставлял себя об этом не думать, тем не менее, все происходившее было более чем странным. Более чем.

.....

Наконец-то похитители вышли на связь. И вышло так, что люди, пришедшие к ним (а разговор происходил за одним из столов во дворике, где содержались заключенные), обосновали необходимость нахождения Мищерикова и его друзей необходимостью избавить общество от асоциальных элементов, которыми, по их мнению, были Мищериков со товарищами.

--Хороший раскладец!--запротестовал было один из друзей Вячеслава, но тут же подлетевшая охрана стала бить того резиновыми дубинками.

--Что происходит?--хотел было вмешаться Мищериков, но ему досталось тоже. Также как и всем остальным. Видимо для порядка.

Бить прекратили также внезапно, как и начали. Все это время начальство (те сразу сказали, что являются начальством) молча взидало на происходящее. Лишь однажды кто-то из них решил, видимо, дать свой комментарий, да поворот головы в его сторону главного среди пришедших – остановил его желание. И он промолчал, кивнув головой в знак того, что все понял, и больше не будет.

Что нельзя было сказать о Мищерикове. Который, вытерев кровь разбитого носа, потребовал более подробных объяснений выдвигаемым требованиям. И условий освобождения.

--Вы не поняли,--как на малого ребенка посмотрел на Мищерикова главный.—Когда Вас отсюда выпустить – решать исключительно нам. При этом мы не будем выдвигать вам каких-либо требований. Этого не требуется. Вы должны сами осознать собственные ошибки. А мы, когда убедимся, что вы действительно все осознали – вас отпустим. Причем нам совсем не надо, чтобы

вы подстраивались под нас, начав имитировать исцеление, а после с новой силой принялись за старое,—предупредил главный.— Поэтому будете сидеть столько, сколько нужно.

--Кто вы?—спросил Вячеслав, когда те уже уходили.

--Мы?—обернулся к нему начальник.—Сейчас мы те, кто хочет помочь обществу. Наша страна в опасности благодаря таким как вы, и вы, и вы, и вы...--начальник показывал пальцем на каждого заключенного.

--Последний вопрос,—попросил Вячеслав.—Вы относитесь к государственным или частным структурам?

--Государственным,—улыбнулся начальник.—Исключительно государственным.

Представители частных структур среди вас (он кивнул в сторону стоявшего поодаль мужчины, который недавно поступил, и который по его словам на воле занимался бизнесом). А в скором времени их прибавится еще больше. Так же как и лиц, подобных вам,—посмотрел он на Мищерикова. Лиц, ведущих антисоциальный образ жизни. И которые, на наш взгляд, должны заточаться в крепости, тюрьмы и подвалы-казематы, до тех пор, пока будет решаться их судьба...-- он задержал взгляд на Мищерикове, словно пытаясь оценить, понял ли он то, о чем ему только что сказали.—А теперь все. Я и так вам сказал больше, чем требовалось. Резюме: вы должны исправиться. В ином случае о свободе не думайте. Незачем вам находиться там,—произнес начальник и ушел в сопровождении своей свиты.

--Сволочи,—сказал Андрей, один из друзей Мищерикова. Андрей был или ровесник или чуть постарше Владислава. За его плечами уже было два срока (оба на малолетке). Судя по образу жизни, третий срок должен был наступить в ближайшее время. Так что нынешнее заточение вполне возможно уберегло его от наказания. Хотя сам Андрей так не считал. Будучи дважды судим, он мог обеспечить себе сносное существование что в тюрьме, что на зоне. Там был бы авторитет и знание законов уголовного мира. А что было здесь?..

.....

К вечеру поступило сразу десять заключенных. С этого времени число их постоянно увеличилось, и к концу недели набралось почти сто пятьдесят человек.

Люди были разные. Средний возраст колебался в районе тридцати лет. Было много молодежи, восемнадцати - двадцатилетних парней застигнутых в момент преступлений, или совершивших преступления раньше. Были те, кому было за сорок. Процентом восемьдесят имели судимость (многие не одну). А по внешнему виду все словно бы подобрались с более-менее одинаковым телосложением. Не было ни качков, ни спортсменов.

.....

Вячеслава удручала неопределенность положения. По всему выходило, что начальник (а за все время никто так и не узнал его имени; также как имен остальных хозяев) был настроен решительно. И можно было предположить, что по всей стране создается сеть соответствующих лагерей, в которых содержатся люди, вину которых не доказывал суд. При том, что,-- как подозревал Мищериков,-- подобный суд в любом случае состоял бы из людей начальника или тех, кто поставил начальника. А потому говорить о поисках справедливости не приходилось.

Однако и сидеть просто так не хотелось.

--Тебе стало бы легче, если бы ты узнал свою вину?—спросил пожилой мужчина, которого сразу заметил Вячеслав, и с которым периодически вел беседы о жизни (как он это называл).

--Конечно же легче,-- признался Вячеслав.—Разве человек не должен знать, в чем его обвиняют?

--Эка ты хватил,--усмехнулся Потапыч.—Если бы все знали за что сидят, заключение не превращалось бы в каторгу.

Вячеслав Мищериков тогда ничего не ответил, и только очень внимательно посмотрел на мужчину, известного ему по имени Потапыч. Мищерикову было известно, что за спиной Потапыча три срока и почти двадцать лет общего стажа заключения. Но уже три года как прошло с момента последнего освобождения, и Потапыч по его словам завязал, занимаясь дачей, и проживая все время за городом. Его там и взяли. Когда он вернулся из магазина и уже было открыл калитку, из-за деревьев вышли трое в плащах, накинутых поверх черных костюмов, и, усадив Потапыча в машину (черную «Волгу»), привезли в барак, где с ним теперь и разговаривал Вячеслав. Уже пришла осень, похолодало, и основную часть времени заключенные проводили в бараке, лишь изредка выходя на прогулки. Причем определенного времени прогулки не было (что сбивало с толку большинство бывших уголовников), и ее могло даже вообще не быть. А могли поднять всех ночью, и приказать выйти во дворик.

Периодически заключенных избивали. Охранники с овчарками загоняли всех в угол, после чего другие охранники начинали бить всех без разбору дубинками. После каждого такого избиения кого-то уводили (обычно одного-двух-трех, редко когда больше), и эти люди уже не возвращались. Можно было предположить, что их или отпускали (что мало вероятно,--поделился мыслями Михаил, друг Вячеслава), или же уничтожали (подобную точку зрения выдвинул Александр, еще один из тех друзей, которые попали вместе с ним с самого начала).

Кстати, Мищериков сблизился еще с несколькими парнями, рассудив, что его команду необходимо несколько увеличить, чтобы контролировать остальных. Только таким способом он мог обезопасить себя и удержать власть, которая была у него (сказались внутренние данные Вячеслава,

явное лидерство среди своей команды, а также то, что он и его друзья поступили в подобное заведение раньше остальных). Также сыграло свое значение и то, что среди остальных заключенных не нашлось никого, кто решил бы оспорить первенство Вячеслава. А еще он был справедлив и рассудителен. Не давая в обиду слабым (в подобных местах всегда есть те, кто стремится подавить другого), и подчиняя сильных. Сильных он подчинял выстраиваемыми против них ловушками, в которые рано или поздно те попадали. Причем только в самом начале Вячеславу пришлось использовать кулаки (он неплохо владел приемами рукопашного боя и бокса, отдав спорту в общей сложности десять лет, прежде чем начал пить-курить и вести антиаморальный образ жизни). Кстати, попав в заключение он не только бросил пить и курить (сразу и бесповоротно), но еще и стал тренироваться, тренируя в том числе свою команду. Начальник даже пошел на некоторые уступки, разрешив рано утром (до официального подъема) час тренироваться во дворе. Еще два часа они тренировались вечером. Всего три часа ежедневных занятий.

Еще три часа уходило на чтение и изучение различной литературы (с позволения начальника и после просьбы Вячеслава желающим стали выдавать любые книги, которые специально для этого брали в городской библиотеке).

Раз в неделю приходил парикмахер, который брил и стриг осужденных. После полугода нахождения в стенах учреждения разрешили всем желающим посещать дьякона, которому выделили специальную комнату, постепенно расширившуюся до размеров небольшого зала, способного вместить до полусотни человек. Кормили три раза в день. Весьма сносно и по режиму. Тренировки, малоподвижный образ жизни и питание по режиму способствовали тому, что Вячеслав прибавил в весе. Вместо своих шестидесяти семи килограммов на воле, в заключении он стал весить сначала семьдесят, потом семьдесят пять, а к концу первого года – больше восьмидесяти. Причем исключительно мышц; хотя ни штанги, ни тренажеров не было; не было даже турника или брусьев, и приходилось работать исключительно с собственным весом, да к тому же создать Вячеславу собственную методику тренировок. Которая, судя по результатам, оказалась весьма успешной.

.....

Однако ему очень хотелось узнать, когда все закончится. По его мнению, пока заключение шло ему на пользу. Но ему не очень хотелось испытывать судьбу и дальше. Поэтому было бы наиболее оптимальным – его освобождение.

.....

Ситуация одновременного нахождения в замкнутом пространстве большого количества мужчин предполагает определенные трудности. В частности – рост агрессии со стороны ряда лиц. Большую часть агрессивно настроенных субъектов Вячеславу с командой удавалось успокаивать (кого разговорами, кого запугиванием, кого кулаками). Но с ростом времени нахождения под арестом (а все воспринимали это как арест), и вследствие неопределенности будущего (никто не знал продолжительность срока, предполагая, что он может длиться бесконечно) все чаще между сокамерниками стали возникать реальные столкновения.

Казалось, администрация не обращает на это никакого внимания. А Вячеслав Мищериков все чаще стал замечать, что в его душе навсегда поселилась некоторая особая форма тревожности, которая совсем не исчезала со временем. Ему приходилось постоянно держать себя в руках.

В большинстве случаев удавалось. Но иногда он срывался, вымещая злобу, а после раскаиваясь в этом.

Вячеславу было двадцать лет. В его жизни все могло быть по-другому. И осознание того, что ничего не меняется – накладывало определенный отпечаток на его психику. После чего Вячеслав становился иной раз неуправляемый. Или же – эта управляемость стоила ему слишком дорого. Казалось, нервы были расшатаны навсегда. Он уже с трудом встречал новый день, понимая, что ничего нового тот не принесет.

Впрочем, в таком же состоянии находились и остальные.

.....

Постепенно Вячеславу начала вырисовываться картина происходящего. Прежде всего он понял, что его заточение не случайно. Ничего в жизни случайного не бывает. И мы расплачиваемся за какие-то свои грехи. Которые есть абсолютно у любого взрослого человека. И даже если мы кого невольно обидели – уже грех. Потому что тем самым принесли душевную боль другому человеку. А значит и будет оправданно, что должны когда-нибудь за это пострадать.

Мищериков подобное понимал, и был в общем-то согласен. Не согласен он был только с одним: что еще не искупил свою вину. Ведь уже прошел почти год, как он находился здесь. Неужели кому-то было действительно необходимо их заточение. Ведь, получалось, их просто держали в клетке и кормили. Даже работать было не надо. Учиться? Так что было с этой учебы, с этого самообразования, тем, кто держал их взаперти.

И получалось только одно: кто-то решил таким образом просто перевоспитать Вячеслава (и еще с ним). Не считаясь с расходами.

.....

Через год улучшили питание. Странно это было все. Странно и непонятно.

Но это было так. Было так...

.....

Случилось так, что вскоре стали отпускать сидельцев. В первый же день отпустили сразу пятьдесят человек. На другой день еще столько же. И на следующий. Причем – аж восемьдесят человек. Казалось, что-то случилось, отчего было решено в срочном порядке избавляться от постояльцев лагеря. Да и лагерь-то это был только разве что условно. По прежнему было неясно к ведению какого органа он принадлежит. К системе ГУИН? Нет. Разве что какое-то экспериментальное отделение. Но тогда оно должно быть пока сверхсекретным. Потому что, сколько Вячеслав и его команда (да и все остальные – приказ Мищериков отдал всем) не пролистывали газеты да журналы – ничего о подобном эксперименте не было. Что означало – это была инициатива кого-то, кто находился у власти, но до поры до времени решил не афишировать свою разработку. Но тогда...

Вячеслав пока только про себя предположил, что тогда администрация не должна быть заинтересованно в том, чтобы отпускать заключенных. Причем – в столь массовом порядке. Потому как любой из них мог начать говорить. И тогда пресса подхватила бы клич, разнесся по окрестностям страны.

И стало бы всем ясно, что использует его страна запрещенные методы. И исключительно тоталитарные. А о никакой демократии тогда говорить – после этого – было бы нельзя. Надо было вообще накладывать вето на любое упоминание о демократии. Потому что того, чему стал свидетелем Владислав, не могло быть ни в одной европейской стране. А он помнил, что пока жил в европейской стране. И...

Вячеслав ужаснулся своим предположениям. Выходило так, что свидетелей подобного власть не должна была оставлять. Что означало – всех кого отпустили – или перевезли в другой лагерь («быть может с худшими условиями»,--подумал он), или же – расстреляли.

От подобного предположения пошли мурашки по коже. Владислав срочно созвал совет (всех представителей команды, кандидатов в нее и сочувствующих), и решено было противостоять агрессору. То есть, когда охранники вновь войдут во дворик (сейчас была по особенному теплая

погода и все находились во двореке) – напасть на них, обезоружить, связать, и под угрозой смерти – добиться чтобы всех отпустили.

«Иного выхода нет»,--Вячеслав внимательно обвел взглядом собравшихся, думая про себя кто же из них предатель. Ведь кто-то обязательно должен быть предателем. Если уж Христа предал Иуда, его ближайший ученик, то среди команды Вячеслава наверняка должен находиться этот самый предатель. Но кто он?

.....

Среди тех, кого уже отпустили, не было ни одного человека из команды Вячеслава. Что подтверждало (пусть и косвенно) его мысль о том, что с ними решили разделаться разом. Быть может даже,--промелькнуло такое предположение,--высунуть из зарешеченных окон пулеметы – и расстрелять всех разом. Из дворека было не скрыться. Четыре стены. Прямоугольник. Окна находились только по одну сторону. «Это все равно, что поставить к стенке, и начать стрелять»,-- подумал Вячеслав. И он дал команду нападать сразу, как только появится кто-то из представителей администрации. Все равно терять уже было нечего. Почти двести человек (в последнее время дергали по одному, по два, по пять) уже были расстреляны (ну по крайней мере их не было; вполне может быть пока и не расстреляли, а согнали в какие-нибудь фильтрационные лагеря). Но суть-то одна. Уже становилось понятно, что на свободу их не выпустят. А Вячеслав с друзьями вообще находился в стенах заведения дольше всех. Значит получалось, что их уже действительно отпускать не собираются. Подтверждением чего была еще и смерть старика, Потапыча, за которым пришли, но он сказал, что никуда не пойдет пока ему не объяснят, куда его хотят отпустить, и тогда один из надзирателей достал пистолет и разрядил его в голову Потапыча. Попутно застрелив еще пару человек, находившихся поблизости, и как показалось надзирателю – захотевших броситься старику на помощь.

Вячеслав уже жалел, что тогда же не отдал команду нападать на охрану. Хотя и это было очень сложно. В двух-трех метрах от стрелявшего надзирателя стояла группа автоматчиков, и Мищериков не сомневался, что те – ради самосохранения – тут же открыли бы огонь на поражение, не считаясь, кто перед ними. Уничтожив, в том числе, и своего товарища, оказавшегося заложником.

Однако после этого случая наступило затишье. Больше никого не отпускали. Более того, кто-то из команды, проходя мимо окон, заметил, что там появились пулеметы. А потом и было объявлено о запрете приближаться к окнам ближе, чем на три метра.

.....

В последующий месяц ничего не происходило. Разве что свет теперь по ночам стал еще ярче (раньше он не выключался, но заметно прикручивали фитиль, так чтобы был полумрак), питание урезали до двух раз в день (причем на утро был только стакан чая и кусок хлеба, а на вечер – тарелка каши, без масла и на воде, тот же стакан чая и кусок хлеба; раз в неделю каждому выдавали головку чеснока или лука (витамины против цинги и прочей пакости). Тренировки запретили под угрозой расстрела. Душ раз в неделю и парикмахер остались. Однако все также поодаль стояли автоматчики, на лицах которых было написано, что они будут стрелять при первой попытке заключенных к неподчинению. Стрелять, в том числе и по своим, если тех вдруг захватят в заложники. Во имя идеи – применимы были любые средства. И начальник не мог допустить, чтобы из-за какого-то излишнего человеколюбия когда-нибудь расстреляли его. Потому что пришел приказ, что в случае если сбежит хоть один заключенный – расстреляют всю охрану. Причем, даже независимо их была смена или не их. У всех должна была быть необходимость контроля над заключенными. Их уже так и называли – заключенные. Хотя до сих пор ни одного суда не состоялось, и никому не предъявили, в чем его обвиняют.

И было интересно, что со временем действительно каждый нашел наиболее вероятный проступок, совершенный в жизни (причем всем сразу дали понять, что срок давности значения не имеет), за который ему было стыдно, или же было ясно, что должен понести наказание. Искупить вину.

--Вы даже можете забыть о нем,--сказал тогда начальник, имея в виду проступок.---Но у вас будет более чем достаточно времени, чтобы обо всем вспомнить. У каждого есть скелет в шкафу. И каждый из вас должен понести плату за прошлое. И иного не дано.

«Иного не дано»,--повторил сейчас Мищериков, и в который уже раз более чем явно понял, что никому из них просто так отсюда будет не выбраться.

.....

Ситуация произошедшая с Вячеславом и его товарищами могла показаться на удивление и интересной. Если брать во внимание несколько отвлеченный подход к тому, что происходило, участником какого события он являлся. Ведь это только на первый взгляд могло показаться, что все плохо и даже как-то непонятно. Но с другой стороны, применив иной подход в оценке случившегося, можно было заметить, что по сути ничего такого уж страшного конкретно с Вячеславом Мищериковым не случилось. Ни его, ни кого из его компании администрация не трогала. Даже было как-то удивительно, но все репрессивные меры, если таковые и возникали, каким-то загадочным образом всегда обходили Вячеслава стороной. Он мог вообще предположить,

что в отношении него было какое-то особое распоряжение, согласно которому его словно бы берегли для чего-то другого. Чего? Он не знал. Сопоставляя и анализируя все, чему являлся свидетелем и прямым участником, Мищериков действительно не мог понять, почему все получилось именно так? Почему рядом забирали людей, уводили их, кого-то даже возвращали обратно (но те, кто возвращался, предпочитали обо всем молчать), а ни его, ни членов его банды (как метко окрестил некто Лимарев, бывший, как он признался, сексот и научный сотрудник, оставшийся среди тех, кого не забрали после чисток) не трогали. На удивление не трогали. Словно бы решили, что Мищериков и его команда все осознали. И если и хотели их выпустить – да не было такой возможности.

Странно это было все. Ни Вячеслав, ни его друзья (а к концу первого года команда Вячеслава Мищерикова уже насчитывала двенадцать человек) не знали, что предполагать дальше. Было не ясно как события станут развиваться. Возможно ли будет им когда-нибудь выбраться из логова, в котором оказались. Причем, предположил Светарев (Роман Светарев из команды Мищерикова), их ведь арестовали не сразу, а сначала предупредили, и уже после заманили в ловушку. А сначала пришло сообщение, что ожидаются аресты. Светарев, получивший эту информацию, не поверил. А потому и не сообщил товарищам, и прежде всего Мищерикову. А после, когда второе сообщение получил Ивар Токов (прибалт, правая рука Вячеслава) тот неправильно его истолковал, и все оставалось по-прежнему, пока все не попали в ловушку.

Все это время Светарев молчал. И только когда по прошествии второго года (а они уже находились два года) Вячеслав получил информацию о том, что на самом деле было предупреждение о возможности ареста. Да эта информация тогда до него не дошла.

Мищериков понял, кто все это время был предателем. Однако он явно горячился. Предательством глупо считать единственно совершенную ошибку. А за все время нахождения рядом Светарев демонстрировал исключительную преданность и иные положительные качества.

Однако Вячеслав был непреклонен. Собрав совет (все члены команды) он вынес вопрос об изгнании Светарева -- на голосование. И даже, несмотря на то, что большинство проголосовало за то, чтобы Светарев остался, Мищериков своим авторитетом все же выгнал «предателя».

И как потом оказалось (а кто-то и был рад, при случае, поставить это ему в вину), не просчитал до конца ситуацию, потому что уход Светарева привел к новым последствиям. Вячеслав предлагал Светарева уничтожить. Друзья-товарищи посчитали что это слишком жестокая мера (видимо кто-то из них решил, что потом Светарева можно будет вернуть), и в итоге Светарев просто стал жить рядом с ними (из барака все равно не было выхода), но держаться отдельно.

После чего того оставили в покое. Чем в итоге и заплатились. Потому что Светарев внезапно исчез. Неожиданно. Еще вроде как недавно наблюдали его сгорбленный силуэт, и вот его уже нет. Исчез. Действительно исчез.

Кто-то, было, подумал, что Вячеслав нашел способ, как разделаться с Романом, и тот пропал с его подачи. Однако Мищериков сам был озадачен. А все знали, что он не из тех, которые стремятся к показушным эффектам. Поэтому уже вскоре все всерьез приняли факт исчезновения Светарева. Отсутствие которого косвенно подтверждало, что тот работал на администрацию (и при возникновении опасности администрация его забрали к себе, оградив от возможной мести со стороны бывших приятелей).

Но все же подобное подтверждала весьма косвенно. В ходу была версия, высказанная Лимаревым, что Светареву удалось сбежать. И, несмотря на всю абсурдность подобной версии – ей неожиданно поверили.

Более того. Стали даже изучать возможные способы осуществления Светаревым побега. Однако тут каждый раз выходила оплошность. Ни одного приемлемого способа побега так никто и не предложил. Любые попытки осуществления подобного казались настолько абсурдными, что тут же могли пресечься администрацией – расстрелом (все чаще и по каждому пустяку администрация пускала в ход оружие; причем раненных не лечили, а добивали).

Однако никто не припомнил выстрелов в день исчезновения Светарева. Ни в тот предполагаемый день, ни за день раньше, ни за день позже. Выходило, что Светарев попросту бесследно исчез. Причем то, что все произошло с подачи администрации, уже никто не сомневался. Да и невозможно было представить иное. Никто сам не смог бы убежать с места, где все находились (хоть из дворика, хоть из барака – везде была охрана с пулеметами, а также собаки, и проволока под током). Кроме того, была весьма развита система стукачества. И почти невозможно было сделать шаг, чтобы о нем сразу же не доложили администрации.

Причем некоторых стукачей знали, отлавливали, и били. Потом правда бить перестали. Решив, что лучше знать, кто стучит и обходить его стороной, чем делиться чем-то сокровенным с сексотом, а после недоумевать, как о том стало известно администрации.

Мищериков еще правда подозревал, что администрация намеренно создает видимость, что ей все и про всех известно. Наверняка если бы это было так, то...

Впрочем, подумал Мищериков, на самом деле возможно все. И стал более осторожен. Дав такое же распоряжение членам команды. А про Светарева на время было решено забыть. Все равно не было фактов. А без них – любые предположения – только догадки. И не более.

.....

Проходило время. Считая чуть ли не каждые дни (вполне распространенная практика в местах лишения свободы) Мищериков вдруг поймал себя на мысли, что сидит уже четыре года. За все это время ничего концептуально важного не произошло. Люди вокруг него то сменялись, то вновь поступали. Команда, почти вся его команда (за исключением Светарева) была в сборе. Казалось, могли уничтожить всех, но не их. И Вячеслав стал подозревать, что по отношению к ним имеется какой-то проект, может даже негласный. По крайней мере, что уж действительно точно, ничего не менялось. Все оставалось на своих местах. И это приносило новые душевные тревоги и волнения. Ведь уже можно было предположить (кто-то из команды Вячеслава предположил), что срок их заключения еще не установлен. А потому они могли еще просидеть столько же, сколько уже отбыли. «А потом еще возможно, что придется попасть и на обычную зону»,--предположил Игорь Токов (высокий, двадцатичетырехлетний, обычного телосложения, блондин с голубыми глазами). В отличие от других знакомых Вячеслава, Токов раньше не сидел. А потому свой нынешний срок воспринимал несколько напряженнее, чем остальные товарищи Мищерикова, несмотря на юный возраст уже прошедшие тюрьмы и лагеря: Александр (среднего роста, худощав, с наглым взглядом и душой романтика), Михаил (маленького роста, смуглый, упитанный, сидел два срока), Андрей, рыжий, низкорослый (имел две судимости на малолетке). Сам же Вячеслав Мищериков, высокий, под метр девяносто, спортивного телосложения и практически абсолютно лысый (волосы выпали сами; наследственность), в равной мере относился ко всем членам своей команды, не разделяя тех на бывших уголовников, и не сидевших. Тем более что теперь оказывалось, что сидят все. Пусть и статус официальности (как и законности) их задержания до сих пор был под вопросом, тем не менее, четыре года они проводили в фактическом заключении. И когда оно должно было закончиться – не известно.

.....

--Но ведь и на самом деле парадокс,--взорвался Вячеслав, когда после обеда они собрались в курилке (было снова лето, столы стояли прямо во внутреннем дворике, где и принимали пищу, а для курения было отведено отдельное место, причем оно удивительным образом не просматривалось из окон, зато прослушивалось – но явно об этом никто не знал, только догадывались).—Без предъявления каких-либо требований и обвинений нас уже держат четыре года.

--Надо готовить побег,--задумчиво произнес Ивар Токов, затягиваясь сигаретой, и сквозь дым посмотрев на собравшихся.

Собравшихся было несколько человек. Прежде всего, сам Токов и Мищериков. Помимо них – Михаил, Александр, Андрей, и еще несколько человек, которым Мищериков доверял, но которые

пока не стали членами команды, предпочитая быть сами по себе. В иных случаях подобное было конечно и оправданно (да и распространено). Вы как бы изначально полагаетесь только на себя. Никому не доверяете, чтобы потом не получить предательский нож в спину. Однако Мищериков считал, что сейчас наступили такие времена, когда необходимо было четко разделить мир на чужих и своих. Потому что уже и действительно получалось, что до сих пор не был известен срок освобождения. И даже трудно было предполагать – намечается ли оно. Или же их всю жизнь так и продержат в камерных условиях. А после выбросят за ненадобностью. Или через какое-то время уничтожат. Когда придет другая директива по поводу методов борьбы с такими как они.

--Надо встречаться с кем-то администрации,--предложил Александр-серый (у всех, помимо имен, были клички: Александр – Саша-серый, Михаил – Миша-мормон, Андрей – пугач, Лимарев, ставших с недавних пор тоже членом команды Вячеслава, получил прозвище Витя-рыбак, а Ивар Токов – лесной брат).

Александра поддержал Миша-мормон и Андрей-пугач. Категорически против оказался Лимарев (Витя-рыбак). Еще шесть человек – Кеша (кличка – прокуратор), Михей (прозвища не было), Олег (оредж), Николай (Коля-машина), Юрий (Бандерас) и Максим (акробат) сказали, что во всем согласны с Мищериковым (кстати, Мищериков носил прозвище – дед).

--Подождите,--не понял Саша-серый.—Что вы тут зехера вымачиваете. Что за расклад такой непонятный. У вас нет своего мнения?—посмотрел он на ребят, высказавшихся за поддержку мнения Мищерикова.

--Серый?—внимательно посмотрел на него Коля-машина.—Очень тебя прошу – следи за базаром. Тут тебе не фраерское отребье, тут правильные пацаны. Следи за базаром, пожалуйста.

--Ладно, не кипишуй Николай,--посмотрел на спорящих Ивар Токов.—Все еще образуется.

--Я не понял,--с удивлением вскинул вверх свои длинные брови Кеша-прокуратор.—Если кто-то тут считает, что нам пора разбежаться, так нет проблем. Как говорится – вы налево мы направо.

--Оп-ля!—захохотал Юра-бандерас.—Начали за здоровье, закончили за упокой.

--А ты тут не очень-то веселись,--предупредил его Ивар Токов.

--Да ладно, лесной брат, че ты паришься,--усмехнулся Михей.—Будет еще и на твое улице праздник.

--Вы не поняли, братва,--с удивлением посмотрел на них Мищериков.—Мы сейчас не обсуждаем, кто кого круче и как кому себя вести. Мы принимаем решение о побеге и восстании, восстании и побеге. И должны сделать все, чтобы это нам удалось. Но сначала я предлагаю встретиться с кем-то из администрации, чтобы попытаться получить хоть какую-то информация.

--Я против, встречи с администрацией--сказал Лимарев.—Они специально уходят от переговоров, чтобы нас держать в неведении и вечном ожидании, что в любой момент все закончится.

--А на самом деле попросту тянут время,--поддержал его Олег-оредж.

--И я с этим согласен,--высказался Максим-акробат.

--В общем, братва,--обвел взглядом каждого присутствующего Мищериков, по прозвищу дед.—Я так понял вы хотите действовать.

--А Че тянуть-то,--усмехнулся Юра-бандерас.

--Мочить надо гадов,--скрипнул зубами от злости акробат.

--Мочить,--кивнул Коля-машина.—мочить врага на его территории.

--Правильно, правильно,--раздались голоса вокруг.

--Ладно,--сухо сказал дед.—Дайте время решить что будем делать.

И он отошел в сторону, закурился и задумался.

.....

Выкурив две сигареты подряд и начав третью, Мищериков объявил свое решение. Необходимо было любыми путями выманить на разговор администрацию. Захватить главных лиц и уничтожить остальных. Захватить арсеналы с оружием. Вооружить всех сидельцев (к этому времени общее число заключенных вновь увеличилось до ста человек). И далее – вырваться с передовым отрядом на волю. А крепость оставить охранять всех оставшихся. «Заодно,--посмотрел на собравшихся Мищериков,—оттянем время. Враг подумает, что мы с захваченной в плен администрацией забаррикадировались в здании, и будет тянуть со штурмом, пытаясь вступить в переговоры. А мы отдаем распоряжении в переговоры не вступать, а по всем приближающимся открывать огонь. А сами забираем себе начальника, узнаем у него все и про всех, а после его уничтожаем, а остальных оставляем в заложниках в здании. До прихода основных сил».

--Но ведь основных сил не будет,--наивно предположил Олег-оредж.

Мищериков как-то отвлеченно на него посмотрел, но ничего не ответил. Вместо этого он ответил, пока все могут отдыхать.

«О начале операции всех поставлю в известность»,--сухо произнес Мищериков, и отошел в сторону.

Ребята еще постояли кое-то время, поговорив ни о чем. Серьезный разговор уже не шел. У каждого появились мысли по поводу того, что произойдет уже в ближайшее время. Было ясно, что в противостоянии администрации выживут не все. Может даже вообще большая часть окажется

убита. Но... Но быть может и выбора иного не было. «Лучше умереть в борьбе, чем сдохнуть под замком»,--решило большинство. Ну а оставшиеся с этим согласились. Да и что им еще оставалось? Выбора у них действительно не было.

.....

Однако все было совсем еще не так плохо. И даже если разобраться – было вовсе неплохо. Ведь они были живы. Сумели сохранить жизнь в условиях, где каждый день мог быть последний. Потому что до сих пор не было информации, кто и зачем их здесь держит.

Более того, оказалось, что за время их нахождения здесь сменилось начальство. Причем, как кто-то предположил, оно вполне могло смениться и в стране.

И вот таким образом брошенная кем-то мысль родила новые ожидания. И в предвкушении того, что скоро все закончится, Вячеслав с командой приняли совсем неожиданное решение – отсрочить начало восстания и побега. Каждый из них принялся себя вести так, словно было уже действительно известно, что скоро все закончится. «А если это действительно закончится,-- рассуждали они,--то есть все основания подождать. Ведь можно выйти из подобного пленения мучениками. А то еще и добиться после этого каких-нибудь благ».

Насчет благ было конечно неизвестно. Сам Мищериков рассчитывал просто оказаться на свободе. Да наверное и все остальные желали исключительно этого. Разве что прибалт Ивар Токов мечтал о какой-то компенсации. Но вскоре он обнаружил, что такой один. И уже если и продолжал мечтать, то вслух свои мечты не проговаривал. Да и вообще обнаружилось, что каждый изменился. Куда-то сама собой исчезла открытость. На место ей пришла сдержанность и недоверие даже друг к другу. И сколько Вячеслав не пытался сплотить свою команду, сплоченной она была только внешне. В душе каждый стал исключительно за себя. Ведь здесь шутить было нельзя. И при возникновении какой-либо безвыходной ситуации следовало полагаться на себя.

Быть может это и послужило тому, что в одни из дней Мищериков собрал срочное совещание, и поставил вопрос о снятии с себя полномочий. По его словам, он не мог поручиться за каждого, если каждый думал в первую очередь о себе. И когда наступит время решающей битвы (а Мищериков допускал, что когда-нибудь этот момент может наступить), нельзя будет полагаться только на свои силы; «но и,--заметил он, обведя взглядом присутствующих,--рассчитывать на плечо друга. А если таких друзей нет?»—задал компрометирующий вопрос присутствующим Вячеслав, и убедился, что все предпочли отвести глаза, и никто не решился ему возразить. А ведь собирая совет, он ждал как раз возражения тому, что скажет. Возражения, и быть может даже протеста.

А вместо этого сейчас наблюдал исключительную пассивность собравшихся. Собравшихся, каждому из которых он вдруг перестал верить. Каждому. И это было печально.

.....

То что случилось после могло показаться как странным, так и служить неким подтверждением мыслей Вячеслава Мищерикова и его команды. Команды, которая не приняла отставку своего лидера, и обязалась (выступил каждый) пересмотреть свое собственное поведение в сторону улучшения и соответствия обозначенным Вячеславом требований.

А произошло то, что через установленные громкоговорители (причем оказалось, что никто не знал, что они всегда были) объявили, что срок содержания под стражей истек, и необходимо срочно построиться в колонну по одному и покинуть заведение.

--Больше мы вас не держим,--сказал баритон, в котором все узнали голос первого начальника заведения (которого все думали что уволили, выгнали, убили и проч.)

--Мы вас больше не держим,--повторил начальник, и тут же распахнулись двери, и выходящие узники вдруг увидели, что никого и нет. А выход из двери ведет прямо на улицу. Причем на улице уже стояли автобусы, которые должны были развести всех по домам (так было написано на автобусах).

Но все дружно отказались. После стольких лет заключения хотелось просто пройтись по улице, пройтись по воле. Осознать, что ты вновь волен распоряжаться собой.

Поэтому все как-то дружно пошли сначала вместе, а потом стали расходиться в разные стороны.

И вскоре Вячеслав Мищериков заметил, что рядом с ним никого не было. И после стольких лет постоянного нахождения рядом с ним людей (все двадцать четыре часа в сутки), он испытал какое-то противоречивое чувство. Но не придал вида, и продолжал идти, лишь, быть может, непроизвольно все увеличивая шаг, пока не побежал.

Он бежал, и впереди него открывалась вся жизнь. Что она ему принесет? Какие еще удары судьбы предстоит ему испытать...

Он не знал. Да и, наверное, сейчас не думал об этом. Свобода. Это было самое главное.

14 авг. 2007 год.

повесть

Записки из тайника души

«...все – суета и томление духа».

1

Признаться, еще раздумывал я, было, стоит ли начинать подобное повествование, да так уж вышло, что началось оно уже словно бы и само.

А все что оставалось мне, это вовремя подставлять пор ручку -- бумагу. Стараясь не думать о возможных последствиях. Ну или хотя бы о том, что же это мне принесет.

--Ничего. Может так статься что и нечего,--неожиданно ответил я себе, улыбнувшись одной из тех редких улыбок, которые иной раз могу себе позволить.

--Ну а все-таки о чем речь пойдет?—допытывало меня сознание, подхлестывая воображение, и устремляясь вместе с ним в том живописный бег, который лучше наблюдать, и о котором так долго рассказывать. Да и теряет заметно он при пересказе.

Меня зовут Леонид Авербух. Еще меня иногда называют Ленечкой, Ленчик, случается... Впрочем, я всегда старался уходить куда-то в сторону от склонений собственного имени. Уж как-то воспринимаются все эти слюнявые девиации не очень хорошо. Муторно становится от них и совсем неинтересно. А жизнь, вдруг предстает на миг в той красе, что иной раз думаешь, что уж лучше бы она и вовсе не начиналась.

Но на самом деле не все так печально. Мне зовут Леонид. Фамилия моя Невзлин. Авербух что-то навряде партийного прозвища. Деньги часто приходится просить у евреев, поэтому... Да, стоило бы пояснить что это за дело, и причем тут евреи. Ну, здесь все просто. Дело – это движение за обретение гражданских свобод (как-то так, если я опять не перепутал названия). А евреи – так богатые люди очень часто евреи. К тому же евреи всегда могут помочь, рассчитывая на какие-то свои, известные зачастую только им, интересы. А если так, то почему бы не попробовать.

Мне около тридцати лет. Иной раз я говорю, что мой возраст приближается к сорока. Иногда выдаю себя за двадцатилетнего. Грим и соответствующее выражение лица. Ну, может, как шутит Мария, природные способности.

Мария – это мой помощник. Неопределенного пола и возраста девушка, Мария иной раз может быть очень красивой. В других случаях она просто сексуальна. И на первый взгляд аполитична.

Но на самом деле это не так. Я то и вступил я ряды этой партии-движения только из-за Марии. Ну, или почти только из-за нее. Как-то случайно, проходя по Невскому, я заметил девушку, с которой мог бы переспать. Видите ли, переспать я могу не со всеми. То есть физически, и если

себя заставить— могу. Но вот так, чтобы почувствовать какое-то внезапное наслаждение... При этом совсем не важно, что будет вырабатываться при самом контакте внутри нас. Я не об этом. Мне важна в данном случае некая духовность. Нечто, что практически совсем невозможно выразить словами. Хотя, Мария видимо смогла бы. Мария заканчивала литературный институт. В Питер приехала на каникулы. Побродить по городу. Ну, она так сказала.

На самом деле я мог предположить, что Мария является членом тайной организации, цели и задачи которой столь скрыты, что о них мало кто догадывается. Причем практически совсем независимо от вашего желания, участия, возможностей – вы тоже можете оказаться членом этой организации. И порой независимо от своего какого-то желания замечаете – что в один из дней таковым являетесь...

--Мария,--спросил я.—Скажи, у нас есть будущее? Ну, или может, хотя бы прошлое?

Иногда я пытал Марию подобными вопросами. На них она не отвечала. Вернее, отвечала весьма странным образом – она прислонялась ко мне, и между нами почти тут же случался секс. Причем никто (и что уж точно я) не мог бы сказать, что кто-то из нас собирался делать на самом деле. Все вроде как происходило спонтанно, и весьма хаотично. И я останавливался только когда замечал, что уже вроде как отстрелялся. Причем могла остановиться, заметив подобное, Мария. Она слезала тогда с меня, и словно бы ничего между нами и не произошло, продолжала заниматься своими делами. Правила литературные тексты, листовки, там, или прокламации. Что-то писала (неприменно революционнее, девушка тяготела к революции), или...

Меня это почти всегда удивляло. Но я никогда не выказывал и тени сомнений по поводу того, что делает она что-то неправильно. Прежде чем делать какие-то выводы, мне необходимо было что-то выяснить для себя. И уже это что-то, иной раз, уводило меня совсем в другие фантазии. И все на что я был после этого способен -- искусственно не думать ни о чем.

2

В один из дней мне почему-то показалось, что я должен непременно сделать сегодня какой-то поступок.

Признаться, делать ничего не хотелось. Я уже было подумал написать подобное желание на странность и загадочность раннего вставания (обычно я вставал несколько позже), как передо мной уже вырисовывалось событие, которое, по сути, я должен был совершить. И судя по всему, при каких-то особых обстоятельствах это событие вполне могло произойти и без моего участия. Ну, то

есть, мое участие вроде как и было необходимым. Но уже с другой стороны – было оно совсем даже не важным.

И при этом обязательным. Мне словно бы даже давали шанс. Или ставили перед выбором. Правом выбора.

Тогда я отдыхал в кишлаке, в средней Азии, и практически уже на следующий день должен был возвращаться в Москву. С чем была связана спешка, как и то, почему я оказался в кишлаке – я не знал. Некоторые события происходили передо мной совсем не так, как перед большинством других людей. И я не отдавал этим событиям должного им внимания. Словно бы и не замечая даже, что передо мной что-то проходит, или я становлюсь участником чего-то.

Так мне спокойнее. Никогда по настоящему когда, что и где с нами произойдет. Поэтому лучше, когда действительно меньше знаешь.

И ведь действительно всегда спокойнее, когда не знаешь...

Марию я потерял. Вроде как и не было между нами обязательств; да и не заметил я, но теперь вот посчитал – почти два месяца как она перебралась ко мне. Я снимал часть мансарды у своих знакомых, художников. Они получили какой-то гранд, уехали в Копенгаген, а мне разрешили пожить в части их мансарды. Причем, как я понял, для того чтобы оберегать другую часть – от... Не знаю. Я всегда считал, что художники никому не нужны. У них можно взять только картины. А картины современных художников, да к тому же еще и неизвестных, редко когда что-то стоят.

Но об этом некорректно было говорить в доме художников.

В общем, я остался, а они уехали. Полгода, может больше, я знал, что могу наслаждаться одиночеством. Я ведь любил одиночество. А тут Мария...

Я не любил вторгаться в свою жизнь женщин. Поэтому те женщины, которые были со мной рядом – входили в нее сами. Особо меня и не спрашивая.

А я делал вид, что все так и должно быть.

Ну, наверное, лишь только удивлялся самому себе. Или им. Но внешне старался ничего такого не показывать. Все должно быть словно бы хаотично, считал я, и подвержено чему-то и вовсе необъяснимому. Лучше, какой-той тайне. Загадке.

Ну, по крайней мере, сами вы не должны знать ответа, почему все произошло именно так. Что позволит, опять же, при должном мистическом настрое вашей пассивности – списать все совсем уж на что-то необъяснимое, и быть может даже сверхъестественное. Хотя все на самом деле было просто и неинтересно.

Но уже об этом я предпочитал не думать. Жизнь давала какой-то новый виток.

В предвкушении испытать нечто новое, я окунался в виток этой жизни. А когда, через время, меня выбрасывало на берег – я как будто совсем даже и не печалился. Будучи убежден, что всегда смогу начать сначала. Ну или -- попробовать еще раз.

.....

Мария вернулась через две недели.

Для меня эти две недели совсем не были неделями кошмара. Я можно сказать, уже даже стал о Марии забывать. И тут пришла она.

Причем, с первых минут своего появления постаралась сделать так, словно бы ничего не произошло. Словно бы не было этих двух недель. А она все время была рядом.

Ну, может быть, и была. Иной раз мне тоже хотелось поверить в нечто, по нереальному прекрасное. Словно бы на миг, окунаясь в сказку. Где вымышленный мир вокруг вас совсем не кажется таким. Где движется все словно бы по настоящему. А вы смеетесь и радуетесь от души.

Я поймал себя на мысли, что уже давно не смеялся от души.

Почему-то выходило так, что играл я роль разведчика. И, словно бы пребывая все время на вражеской территории, я не считал, что должен как-то выражать свои эмоции, как только не стереотипами, принятыми в обществе. Ну, или это я так полагал, что принято. И всей своей жизнью искусно подделывался под происходящее. Думаю на самом деле совсем о другом. Хотя и не мог, наверное, с полным правом признаться себе, о чем я тогда думал. Наверняка ведь и мыслить мне приходилось «по вражески». Не доверяя себе, и не раскрывая полученные секреты.

.....

Видимо я заигрался. Мне ведь было еще совсем не так много лет, чтобы начать серьезно о чем-то задумываться.

Ну, или может, уже было как раз столько, чтобы думать.

Мария пришла, а потом ушла.

Между нами даже случилось что-то навроде секса. Хотя могу сказать, что к сексу она всегда относилась как к чему-то простому и обыденному. Считая про себя, что мужчина обязательно

должен ежедневно кончать – она как бы между делом могла взять у вас в рот, и по быстрому отсосать. Думая при этом о чем-то своем.

Ну, или, используя свой маленький рост и вес – водрузиться на вас. И быстрыми-быстрыми фрикциями довести вас до оргазма. А после, приняв все в свой сосуд, как бы между делом продолжать заниматься своим делом. И ни вас ни себя больше ни к чему не обязывая.

Поистине, достаточно быстро мне понравились такие отношения. К тому же Мария была достаточно умна, чтобы вызывать как минимум восхищение. Большинство женщин были по женски глупы. Мария была не такая.

А потом Мария ушла. Ушла вновь, хотя и ненадолго.

А я не спрашивал у нее, где она пропадала. Мне казалось, любой вопрос может вызвать у нее недоверие. И наверняка покажет меня не с лучшей стороны. Хотя я иной раз и запутывался, с какой стороны я должен был (и каким) выглядеть перед Марией.

Но оказалось все просто. Мария любила меня. Любила именно такого, каким я был. И как-то написала мне, что в отношении нее я могу быть абсолютно спокоен. Она будет со мной столько, сколько потребуется мне.

--Словно бы совсем не думая о себе,--пронеслась у меня тогда такая нелепая фраза.

Но уже потом я понял что ошибался. И в подходе Марии мне нельзя было пользоваться какими-то простыми (а тем более общепринятыми) правилами. Все было просто, и до удивительности непонятно. Но как раз именно этим я и должен был благодарить судьбу. Ибо мне оказывалась интересной эта девочка. И так уж вышло, что совсем скоро я мог сказать, что мне была необходима только она.

Как бы сама Мария отнеслась к подобным словам...

.....

Я, конечно же, не мог признаться Марии ни в чем.

Тем более, слово бы предусматривалось, что между нами не было любви. Ну, или каждый из нас мог признаться себе, что совсем не понимает, что обозначает это чувство. Чувство, когда ощущаете вы в другом -- частицу себя. Понимая, что уже как вроде бы и не представляете иной раз жизни без этого человека. И еще словно бы боитесь в чем-то признаться ему. Понимая при этом, что это уже не имеет никакого значения. И все на самом деле намного выше, чем любовь.

Но что же это тогда?..

.....

А ведь ни скажи я тогда, подумал я, чего-то важного этой девушке, и быть может, не было бы между нами чего-то и по настоящему увлекательного.

Я задумался. По всему выходило, что мысли мои иной раз уж слишком опережали то, о чем я должен был подумать. Хотя и поручиться, что так это было конца, я не мог. Не был способен. Жизнь...

.....

Мне хотелось узнать о Марии побольше. Но так выходило, что я совсем не мог спрашивать себя. И в то же время я подозревал что так может случиться, что эту девушку больше не увижу.

Но она приходила сама. Я поначалу сомневался еще в чем угодно; а потом как бы понял, что все так и должно быть. Что она непременно должна приходить тогда когда захочет. И чтобы я как бы не знал об этом.

Все было слишком загадочно.

Все, видимо, становилось так. В своем сознании я угадывал достаточно размытые черты того, чего, быть может, и вовсе не существовало. Но что непременно было. Так считал я. Я и...она.

.....

По всему выходило, что сама Мария мне была как бы и не нужна.

Важен был ее образ. И присутствие рядом. Хотя бы виртуально. Вера в то, что она есть. Что в любой момент она может придти. Что вообще это возможно.

Хотя на самом деле, мне был никто не нужен. Верил я, большей частью, только в себя. И должно быть надеялся, что это в большей части взаимно. Хотя верил ли я на самом деле хоть в кого-то? Скорее нет. Я не верил даже в то движение, в которое меня любыми способами (создавалось такое впечатление) затаскивали разные полу-незнакомые люди. Которые считали, что я им почему-то должен был верить. Хотя я не верил никому из них. Как, должно быть, в тот момент не верил и себе.

.....

Так выходило, что в какой-то момент я не заметил, как растерял то видение жизни, которое еще доселе как будто спасало меня; давая как минимум надежду, что если что-то когда-то изменится – я вновь обрету свое прошлое. С которым я жил доселе (считая, впрочем, видимо его

настоящим), и которое было для меня – сейчас уже понял – намного важнее многого из того, что вообще было возможно.

.....

Марию я на какое-то время потерял из вида. В тот период поиска себя, я вдруг ощутил, что со мной живет какая-то женщина. Спросил -- как зовут. Она назвала какое-то имя. Я особо не запоминал, посчитав, что имя ложное. Почему? Не знаю. В тот период у меня видимо были как раз такие ощущения. И полагая, что нечто подобное и действительно может быть возможно, я совсем не обращал внимания на какие-либо изменения, которые могли бы вообще произойти. Да и по всему, уже как раз в тот период проходили со мной.

Все было слишком внезапно, но как уже понимаю сейчас, не было так-то уж краткосрочно по времени.

И при этом, все это как будто не говорило о том, что возможно мне будет что-либо изменить. Скорей всего тогда уже все было предрешено. И по настоящему что-то изменить, быть может, уже и вовсе станет никогда невозможно. А мне придется приспособливаться к этим новым обстоятельствам. В которых как будто оказалась моя жизнь. Жизнь, по сути странная на первое впечатление о ней.

Но проходило время. И я как бы уже должен был считать это не первым впечатлением, а постоянным. Словно бы так все и должно было быть. Да, наверное, и было.

3

И видимо так уже получается, что я совсем не был способен придти к какому-то позитивному разрешению вопроса. То есть, мне вроде как и казалось, что он должен быть. Но тут же я понимал, что это может быть и совсем даже не так. Ну и тогда уже получается, на что-то надеялся. Вопрос – на что?

.....

Любопытно становилось, что вопрос о Марии на самом деле не был для меня так-то уж важен.

Как, должно быть, и вообще о какой-либо девушке, которая вполне могла бы, подразумеваю я, жить на тот момент со мной.

Но вот жила ли какая из них, на самом деле и была уже загадка.

Как, впрочем, загадкой уже действительно было вообще все мое существование на тот момент. Ибо подразумевал я, что многое (вокруг меня) поистине удивительно и увлекательно. А меня начинает захлестывать какая-то занимательная жизнь. Находясь в которой, я вроде как еще и стремился в тот момент куда-нибудь высвободиться, освободившись от нее.

И так могло получиться, что для меня все это было уже и не так важно.

.....

Фамилии мои были не Невзлин и не Авербух. Но мне отчего-то запомнились именно эти две фамилии.

В то время как я вполне подозревал, что существуют и еще. Но только мне каким-то образом удавалось ощущать некую близость именно к этим фамилиям. И большей частью – к фамилии Невзлин. Может быть угадывался какой-то общий смысл значения имеющихся у меня фамилий с этой?

Хотя и не существовало почти никакой уверенности, что все это было именно так; было чем-то значимым для меня. И мне казалось, что кое-что и вообще мое бессознательное таинственным образом утаивает от меня. Не давая в полной мере насладиться происходящим моментом. А я, словно бы подросток, не решаюсь делать какие-то окончательные выводы. Считая, что в будущем еще все может и измениться.

4

Признаться, мне не казался вопрос таким уж важным, что он непременно требовал скорейшего разрешения.

Однако так уже выходило, что произвольно пытался я все время нащупать какую-то невидимую нить, отделявшую мое будущее от моего настоящего. И удивительным образом не находил связи между ними. Словно бы получалось, что меня вывезли на необитаемый остров. Оставили там. А после я нашел дорогу обратно (видимо все время добиваясь этого), но как бы уже и попав обратно, заметил что мне это совершенно и не надо. Что пребываю я словно бы сейчас в другом измерении. В котором все, что представлялось мне раньше в розовых цветах, ну или имело хоть какое-то значение для меня – стало безразличным. А мне словно бы уже и не страшно что это так. Скорее – я понимаю, что уже ничего не изменится. Нового не произойдет. Ну, или еще и произойдет (в будущем, которое как будто бы куда-то ушло), но для осуществления чего-то подобного мне необходимо смириться с настоящим. И смиряюсь. Худо-бедно и приспособливаюсь, и даже как будто бы выживая.

Боясь, впрочем, назвать это жизнью.

.....

В тот период своей жизни я и на самом деле увлекся каким-то движением.

Какие основные выдвигаемые требования? Видимо смесь анархизма с монархизмом, одобренное жутчайшей смесью из необходимости начала какой-либо борьбы, и противостояния власти. Причем как я уже подозревал, в случае смены власти – все равно должна была соблюдаться определенная оппозиционность. То есть протест.

Ну и при этом поддержка движения ряда философов как бы защищала от необходимости протеста ради протеста.

Хотя и виделась мне вся необходимость существования движения для большинства именно в возможности встреч и даже просто проведения свободного времени. Ибо уже понял я, что для большинства людей была серьезная проблема куда-то потратить свое свободное время. И некоторые из них оказывались просто счастливы убить его любым способом, любым образом, и этим чертовым времяпровождением.

Для меня подобной проблемы никогда не существовало. Все свое свободное время я тратил исключительно на повышение уровня самообразования. Причем со временем попал во вполне распространенную ловушку, убеждаясь, что чем больше получаю знаний, тем больше я как будто и не знаю. Но даже ужаснуться подобному бреду не было времени. Видимо судьба каким-то образом берегла меня. Полагая, что я заслуживаю нечто большего, чем на самом деле имею.

.....

В какой-то мере мне, наверное, повезло. Попадались мне девушки такие, каких желал на тот момент я. И тогда мне хотелось без каких-либо причуд идти к достижению цели. И секс в таких случаях я рассматривал как нечто необходимое для обеспечения жизнедеятельности; но совсем не то, на чем должен был я заикливаться. И в таком случае все получалось, как и нельзя было лучше. Когда мне было необходимо – девушки давали мне в пользование свое тело. При этом никаких излишних обязательств. Все только самое необходимое для удовлетворения физических потребностей. Даже иной раз с излишками, но без лирических отступлений, если того не хотел я.

Куклы. Сейчас вот подумал, что кто-то может сказать, что мои девушки походили на кукол. Ну а с другой стороны, так ли уж нужно было что-то здесь усматривать плохое или негативное. Мне нужно было продолжать жить. Они видимо хотели пребывать со мной. Если мне необходим был секс – я получал сполна все что заказывал. И даже им что-то еще оставалось. Ведь, по сути,

вообразить себе в наших отношениях они могли все что хотели. Я не только нисколько этому не противился, но и, быть может, подсознательно даже потворствовал. И был только за. Мне так было удобно.

Вообще же если говорить, видимо в тот период я жил немного не такой жизнью, какой проживали свою жизнь другие люди моего возраста. И что уж точно, выбиваясь своим существованием из шаблонов – я обретал интерес со стороны моих девушек.

Говоря слово «мои» я не имею в виду какую-то полигамию. Скорей, я просто объединяя сейчас всех тех, кто был со мной когда-то. Ведь сейчас я совсем уже другой. И так приятно вспоминать о себе былом.

Ну а, уже вспоминая об этом, я видимо подсознательно добиваюсь разрешения и интересной задачи: насколько моя жизнь могла бы пойти по иному сценарию. Внеся на одном из этапов ее я какие-то изменения в сценарий судьбы...

5

Нет, конечно, можно было бы, по большому счету, все повернуть назад.

Пусть не в любой момент, но всякий раз, мне казалось, все же удастся держать руку на пульсе. И наверняка ведь, если бы заподозрил я, что нечто происходит (происходило) не так как надо – повернул бы все в другую сторону.

Могу сказать, что лишь в какой-то мере я заблуждался. Ошибка, быть может, и вовсе особо (да и никогда) не закрадывалась в мои мысли, поступки, цели. Но если говорить насколько реально оценивал я происходящее, то быть может, какой-то такой уж реальности и не было. Ну или скажем, лишь на какую-то долю процентов верил я, что происходящая ситуация смешивается между реальностью и ирреальностью. В то время как мои попытки достичь какого-то контроля, видимо уже заранее были безрезультатны. И если что-то видел я, то...

Не знаю. Так выходило, что словно бы до сих пор нахожу я, что нечто должен или скрывать, или... Ну, в общем, это все не совсем так. Или совсем даже не так.

.....

Можно сказать, что какие-то предположения, большей частью, не оправдывали сами себя. Ну, то есть, мне что-то казалось. Но что было это «что-то»? Видимо все же это не совсем (или совсем) не отвечало действительности. И уже тогда, мое стремление отыскать какую-то правду

могло бы и вовсе показаться кому-то странным. Ну, или весьма загадочным. И наверняка бы по настоящему ни к чему не привело. Так мне казалось. Так еще до недавнего времени считал я. Совсем не зная, впрочем, чему верить на самом деле.

.....

Женщины в моей жизни с недавнего времени перестали играть существенную роль.

Был я этому весьма рад. Так как означало это ничто иное, как нравственное очищение. И возможность какой-никакой, но самостоятельности.

Вообще же, если разобраться, освобождение от влияния кого бы то ни было – это праздник. Настоящий подарок души. И можно было по настоящему радоваться всему этому. Полагая, что ничего больше не случится такого уж принципиально опасного. И ожидать после этого покоя и счастья. И исчезновения тревог.

А сам я буду заниматься совсем другим делом. Тем, к чему, по всей видимости, и был я предначертан. Таки дела.

6

Если говорить о каком-то моем пути (и видимо предначертании), то тут мне пока совсем бы не хотелось как-то заострять ваше внимание. Ну хотя бы действительно «пока». Потому как многое, видимо, еще требует своего уточнения. Тогда как даже уже того, что понимаю я, с определенных позиций может судить о нечтом действительно великом. Словно бы о провидении, спустившимся на землю, и чудодейственным образом посетившим меня.

Кто бы я?

Еще и сейчас, по прошествии уже многих лет и даже десятилетий после описываемых событий, у меня иной раз возникает подобный вопрос. Но вероятно, его скорей следует относить к пережиткам чего-то прошлого. На что когда-то так и не был получен ответ. Несмотря на все мои стремления «достучаться до истины».

Видимо, глупо и странно, что это так.

И наверняка, в чем-то мне приходилось умалчивать себя тогдашнего. Ибо уже находил я, что ситуация в реальности выглядит совсем не такой, какой представляю ее я. А значит...

В том то и дело, что это «значит» иной раз оказывалось важней, чем это было бы возможно предположить поначалу. И в итоге оно перевешивало все. И не было уже возможности как-то

разрешить вопрос. Нежели чем только еще больше погрузить себя в совсем ненужные размышления.

.....

Мне казалось, что я еще мог на что-то надеяться.

Мог, но видимо почему-то не хотел.

Ну, или стремился, но уже самым тайным образом начинал догадываться, что ни к чему это не могло бы привести. И тогда все мои стремления были ничто иной как...

Черт его знает, что это было. Возможно, я и действительно на что-то надеялся серьезное и важное. Угадывая даже какую-то предначертанность судьбы.

Чтобы после, впрочем, разувериться во всем этом. И убедить себя какое-то время ни к чему не стремиться вовсе. Понимая, что все это и не совсем так, как могло бы быть...

7

Так получалось, что я подозревал, что настоящие события даны мне словно бы для того, чтобы подготовить меня.

Подготовить, это значит, попутно испытай – дополнительно закалить характер. Совсем наверное и не считаясь с моим каким-то желанием. И даже, уже получается, особо и не спрашивая меня.

И видно получалось так, что мне все это и действительно требовалось. Ну или, может, каким-то образом я внушил себе что это так. Подозревая даже, что уже не может быть другого пути. А если все так, то значит так и должно быть. Без каких-либо нравственных возражений.

.....

Так получалось, что мне казалось, что жизнь сама придумывает удивительный калейдоскоп открытий.

И мне уже совсем не хочется разгадывать его. Кроме как представить, что это действительно когда-нибудь станет необходимо мне. Тем самым, я словно бы получал право – играть по новой.

8

История с Марией имела неожиданное продолжение.

Уже, было, навсегда распрощавшись с ней, я случайно встретил Марию, идущую по Фонтанке, в окружении двух каких-то странных парней, в костюмах, с портфелями, и деловыми взглядами.

Признаюсь, от любопытства я прошел за ними. А когда Мария скрылась с парнями в подъезде – немного замешкавшись, зашел вслед за ними.

Дома на Фонтанке старинные, старые, и практически неухоженные. Поднявшись на несколько этажей, я заметил что Мария со спутниками стучит каблучками выше. (Я еще отметил про себя, что у нее появились каблучки. Раньше она носила исключительно практичную обувь.)

На чердак я подниматься не стал. Мария скрылась на чердаке. Это уже показалось мне немного странным. Пока я не понял, что они таким образом просто запутывают след, и используют чердак, чтобы по крыше перейти в другой подъезд.

Я прислонился к стене и закурил. Дальнейшее мне стало вдруг неинтересно. Я даже начал было ругать себя за подобную глупость (глупость всей этой слежки), как услышал, что хлопнула дверь чердака, и кто-то стал спускаться.

Я решил никуда не уходить. Или устал, или мне вдруг стало абсолютно безразлично, что будет, когда Мария меня узнает. Ведь она сразу догадается, что я за ней следил.

Мимо меня прошли два уже виденных мной раньше парня. Марии с ними не было.

--Наверное я глупо выглядел бы, если бы спросил их о недавней спутнице,--невольно подумал я.

И все же мне показалось все несколько странным, и я рывком прижал парней к стене.

--Где Мария?—спросил я.

Парни переглянулись, и попытались высвободиться.

Пришлось слегка ударить их затылками друг об дружку. И вновь прислонить к стене.

--Где Мария?—повторил я вопрос.

--Она осталась там,--решился ответить мне один из парней.

Резко пробив несколько раз по животу и челюсти другого парня, я отключил его, и взяв парня, который ответил мне – повел его наверх.

--Покажешь ее,--сказал я.

Пример, учиненный с его товарищем, видимо отбил у моего спутника желание к сопротивлению.

Мне же надо было убедиться, что с Марией ничего не случилось.

Если бы случилось – я выбросил бы своего спутника с крыши. Мне он был безразличен.

Марии на крыше не было. Не было ее и на земле (я уже подумал, было, грешным делом ужасное).

Я вопросительно посмотрел на парня.

Видимо увидев что-то не совсем доброе в моем взгляде, парень кивнул на парапет.

--Вы ее сбросили?—отчего-то я обратился к парню на вы. От этого видимо опешил он и сам (ну, подобная вежливость как-то не вязалась с моей недавней агрессией), потому что повернулся, и стал смотреть вместе со мной вниз.

--Где Мария?—повернулся я к нему.

--Она ушла через соседний подъезд,--обреченно сказал он.

Я удивился.

--Не врешь?—недоверчиво переспросил я.

Парень сделал неопределенное лицо. Я понял, что он говорит правду.

Мне стало неудобно за мои действия.

--Извини меня,--я протянул ему руку.—Будем считать, что ничего не было.

--Как это не было?—неожиданно нагло ухмыльнулся он.

Это решило его судьбу. Все что я не люблю – это наглость и непочтительное отношение к себе. В данном случае было продемонстрировано и то и другое. Я ударил парня в живот, а потом толкнул его вниз.

--Лети,--зачем-то сказал я. На душе неожиданно стало легко и свободно. О том, что я только что убил человека, я не думал.

--Ну и черт с ними со всеми,--сказал я, спускаясь с лестницы. На первом этаже я заметил спутника убитого. Желая, чтобы он меня не узнал, я отвернулся к стене и постарался прошмыгнуть незамеченным.

--А... Вы... Ты...-услышал я вслед, но не поворачиваясь, прошагал мимо.

Выйдя из подъезда, я зашаг быстрым шагом. Видимо вовремя. К подъезду уже подъезжал милицейский УАЗик.

9

Можно сказать, что на протяжении собственной жизни я часто (и чуть ли не постоянно) задумывался над тем, почему в моей жизни что-то происходит именно так, а не иначе. И здесь уже могу сказать, что все чаще склоняюсь я к одному и тому же выводу. А именно – моя психика более чем какая иная, находится во власти такой ее характеристики как амбивалентность.

Исходя из данного определения, можно говорить о том, что как бы борются в ней все время как минимум два начала. По одному из них, мне непременно хочется каких-то решительных действий. По мере образования конфликта я преисполнен решимости тотчас же его разрешить.

Совсем почти и не обращая внимания на то, каким образом это будет выражаться, и, собственно, во что может вылиться.

Тогда как согласно второй ветви, во мне иногда проявляется филогенетическое влияние учености и преподавательских склонностей. Здесь уже следует вероятно говорить об интеллигентности, в результате которой я начинаю какую-либо ситуацию (по мере ее возникновения) оценивать с позиции человека наделенного каким-то определенным количеством знаний. А значит, уже невероятно сложно становится мне придти к каким-то способам разрешения конфликта силовым характером. К вопросу я начинаю подходить основательно. В итоге запутываю себя; и само разрешение ситуации как бы уже затягивается, а я, вероятней всего, уйду в сторону. Уже и сам начиная понимать, что ничего так просто не разрешится.

Я не могу сказать, что и в одном и в другом случае я действую неправильно.

И скорей всего тут уже и на самом деле от меня не так-то много и зависит. Хотя могу сказать, что я фактически стремлюсь разобраться, что же мне все-таки ближе. Хотя и уже не раз убеждаюсь, что какого-либо разрешения подобного противоречия в ближайшем времени не предвидится. Ну, хотя бы потому, что от человека в таком случае мало что зависит. Хотя и, безусловно, уже стремление к подобного рода разрешению как бы способствует постоянной тренировке ума. Что во всех отношениях видимо хорошо.

.....

Нет, конечно же, случалось так, что я словно бы и все время к чему-то стремился. Я шел к цели, веря, что цель мне подвластна. И мне совсем не требуется даже на самом деле прилагать таких уж усилий, в результате которых может наступить какое-либо замешательство. И меня, собственно говоря, даже отбросит назад.

Нет. Это исключалось.

10

Ну вот так все и получается,—подумал я.—Вроде как считаешь, что удача уже у тебя в кармане, а она выпрыгивает, прыгает вокруг, и еще над тобой насмехается.

И понимаешь ты, что уже совсем ничего нельзя поделать. А ведь словно бы и пытаешься...

Глупо. Очень глупо,—сказал я себе, понимая что, быть может, вообще и совсем давно уже не прав. А все твои запланированные (и ежесекундно прокручиваемые в голове) способы выживания совсем ни к чему не способны привести. Как только к очередному провалу.

О подобном думать не хотелось.

Я почему-то еще продолжал надеяться, что ситуация приключившаяся со мной на самом деле носит временный характер. При этом я совсем как будто не замечал, что продолжается она достаточно уже длительный период времени. Достаточный, чтобы, быть может, и пора было бы уже смириться. Признав, что на самом деле я совсем занимаюсь не тем. Надеюсь не на то. И вообще...

Что было это вообще – думать не хотелось. При этом видимо я еще продолжал надеяться на нечто позитивное, что должно было приключиться со мной. Да и как-то не верилось, что можно было бы вот так просто взять и отчаяться...

.....

Становится по настоящему грустно и пустынно. Мне кажется, что я еще могу как-то переломить ситуацию. Быть может даже кажется, что еще многое возможно.

Но я уже понимаю, что это совсем даже обманчивая уверенность. И на самом деле, чтобы стало возможным то, что сидит и колыхается у меня внутри – нужно нечто, что наверняка уже никогда и не произойдет. А мне так хочется, чтобы именно здесь я ошибался. Чтобы было что-то, что по настоящему смогло бы вывести меня вперед. Возможно ли это? Нет. Ну, или...-- задумываюсь я,--или покажет время. Время.

.....

Так выходило, что Леонид Невзлин действительно задумывался о жизни. Пусть это было и странно, и может даже нелепо. Нелепо это могло на самом деле только казаться. Потому как, что было на самом деле – не знал никто. Кто-то мог бы утверждать, что знает. Но по настоящему это было не так. И было трудно. Леониду было невероятно трудно осознавать, что жизнь продолжает задавать ему задачи. Разрешения которых он, быть может, не знает совсем. А если и представляет их разрешение, то это все на самом деле обманчиво. Весьма обманчиво. И как оно бывает...

А кто, собственно, знает, как оно бывает? Никто. Почти никто. Потому как тот, кто знает – молчит. Или делает вид, что занят в своих мыслях совсем иным. Чем? Да кто ж вам скажет...

.....

Я подумал, что мне, наверное, легче было бы жить с куклой. Резиновой куклой. Женщиной ненастоящей. И без каких-либо незапланированных причуд и желаний, возникающих у тех женщин, которые периодически бывали со мной.

Что я делал с этими женщинами? Я жил с ними. Жил, и пытался их любить. А также пытался (и, должно быть, очень желал) заставить их любить себя. Ну, вернее, не заставить. Мне тайно хотелось, чтобы у них возникло именно такое желание.

Правда, когда оно возникало, уже почти без моей воли, мне хотелось поиграть с ними. Поиграть, иной раз, изображая даже ненависть. Хотя, конечно же, никакой ненависти ни кому у меня не было. Из тех, с кем я жил. Иначе, зачем же тогда жил.

Было странно, но иногда я и сам не знал, почему жил. Почему жил с той или иной дамой. Почему влюблялся в нее, изначально как будто зная, что полюбить никогда не смогу.

Но вот удивительно. Начиная играть – я влюблялся. И заигрывался порой настолько, что переживал всерьез. Испытывая все чувства, свойственные влюбленным.

И при этом я совсем не был ненормальным. Да было бы и глупо считать так.

И оттого, мне становилось еще грустнее от подобного коварства. Ибо что это еще, как ни коварство. Когда я начинал обманывать женщину, зная, что в душе моей – мне она безразлична. И сначала словно бы делая все, чтобы влюбить ее. А потом показать, что мне она не нужна. И переживать, когда она решит уйти. Когда я ее, фактически, выгонял. Вроде как,-- и не задумываясь о последствиях.

Или наоборот, зная, что это в итоге причинит мне боль. Боль, которую подспудно видимо и ожидал, и вызывал.

Мазохистские наклонности...

11

В своих взаимоотношениях с женщинами мне конечно больше всего (и всегда) хотелось какой-то определенности.

И при этом нельзя было сказать, чтобы я так-то уж к чему-то подобному стремился. Скорей всего мне хотелось так думать. Хотелось чувствовать себя увереннее. Хотелось... Да черт его знает, чего тогда мне хотелось. Могу сказать, что многого нам и действительно не дано знать. Притом что когда открываются эти тайны, иной раз становится грустно, что все это так. И хочется повернуть время вспять. Хочется, чтобы чего-то подобного и не было, и никогда не происходило. Потому что... Больно, иной раз, что происходит это как-то так.

.....

Невзлин задумался над вопросом, зачем он вообще затеял вести эти записи. По всему, он начал подозревать, что не получается у него писать о том, о чем он действительно хотел. Ну или...

Писать-то быть может и получалось. То, что он этого хотел, тоже видимо не должно было вызывать сомнений. Но вот действительно ли это все выглядело так, а не иначе?

Леониду захотелось разгадать какой-то тайный смысл, заложенный в желании вести подобный дневник. Хотя дневником, конечно, назвать подобное было нельзя. Многое из того, о чем он писал, было выстрадано им когда-то. Сейчас же ему приходилось об этом вспоминать. И наверняка получалось так, что все это совсем уже не вызывает тех эмоций, которые предусматривались... И которые происходили когда-то...

И тогда уже скорее всего это действительно, были просто записи. Записи, быть может, и ни о чем. Стремление даже не передать состояние души, а унять существующую боль. Изжить те страдания, которые существовали. И от которых непременно надо было избавиться.

Хотя уже точно, что сделать это было и не так-то легко. Просто потому, что не всегда легко отказываться от уже существующего в тебе. Так то вот...

.....

Развитие патологии сознания может происходить, видимо, весьма различными способами. Я тут как-то почувствовал, что каким-то образом вокруг меня начинают консолидироваться люди с не совсем адекватной психикой.

Пришлось пересмотреть свое окружение.

.....

--Ты знаешь...--озорной взгляд девушки посматривал сквозь челку.—Я тут кое-что поняла о себе.

--Да? И что же?

--Понимаешь... Мне иной раз начинает неожиданно хочется очень страстного секса.

--?

--...А когда появляется возможность воплотить все в реальность...

Я слушал более чем внимательно. Ну, или вернее, старался, чтобы мое лицо выражало исключительное расположение к недавней знакомой.

Она больше не продолжила. Помешал, видимо, я. Хватило несколько минут, чтобы мой член уже входил в истосковавшуюся плоть.

.....

С Викой (кажется, так ее звали), Леонид познакомился можно сказать случайно и неправильно. Вика приходилось какой-то дальней родственницей Марии. Марию Леонид с недавних пор совсем потерял из вида. Она не звонила. Их редкие встречи, когда она приезжала словно бы случайно и совсем без предупреждения, прекратились. Вот тут-то и пришла Вика.

На вид Вике было начало двадцати. Небольшого роста, худенькая, с остро торчащими грудками, угадывавшимися в плотно облегавшей ее тело футболке, Вика поначалу показалась Леониду совсем уж недоступной. Создавалось впечатление, что ее внешность разбитной девицы весьма обманчива. А сама она если и приемлет сексуальные отношения, то только лишь с одним мужчиной. И по возможности любимым.

Все между ними произошло в течении получаса знакомства. Даже в первой половине этого получаса. Леонид обхватывал бедра девушке, а та, стоя на четвереньках, жадно налегала на его член. Член у Леонида был упругий, и истосковавшийся по женской плоти. Сексуальные контакты у него проходили весьма нерегулярно. И фактически помимо Марии, в последнее время у него почти никого и не было. Так, за исключением эпизодических встреч с дамами, имена которых уже напрочь вылетели у него из головы, несмотря на то, что прошло как вроде бы совсем и не так много времени.

.....

--Вы знаете, я больше не приду.

Еще как только он услышал обращение к себе на вы, понял что предвещало это что-то недоброе. Предчувствия оправдались.

--Что-то случилось,--как можно спокойнее спросил он.

--Нет,--девушка отрицательно покачала головой.

--Так в чем же дело?—хотелось спросить ему, но он только пристально посмотрел на нее, попытавшись поймать ее взгляд.

--Хорошо,--сказал он.—Хотя и, если честно, немного грустно. Ты мне понравилась.

--Правда?—обнадеживающим взглядом посмотрела на него Вика.

Интуитивно Леонид почувствовал, что еще все можно вернуть назад. Но у него вдруг исчезло желание предпринимать нечто подобное.

А еще у него промелькнула догадка, что психика у девушки немного неадекватная. Он не любил таких девушек. Можно даже сказать – опасался их.

Вика подошла к Леониду, прижалась, и попыталась...

Он пресек ее внезапную попытку к началу интимной близости. В отношении девушки Леонид уже все решил. Терпеть рядом с собой истеричку не хотелось. Позже, войдя во вкус,--тут же представил он,--она начнет выкидывать еще не такие коленца. А еще гляди, и начнет закатывать скандалы.

К скандалам Леонид относился крайне отрицательно. Так же как и к различным формам женских попыток самовыражения посредством истерии и прочих форм начинавшегося безумия.

Однако, пока Леонид размышлял о чем-то подобном, Вика успела расстегнуть у него ширинку, высвободить, надо отдать должное, тут же набухший член, и заключить его в рот.

Леонид решил кончить, а потом уже проанализировать, что бы все это значило.

Не получилось. Вика, приняв в себя поток его желания, быстрым отлаженным движением вытерла губы и убежала. И его начавшиеся мысли перебил телефонный звонок.

Сейчас он уже и не помнил кто звонил. Потому что почти сразу после этого к нему пришла... Мария.

С вещами.

И сказала, что вернулась окончательно.

Жизнь продолжалась.

12

Так конечно сложилось.

И может, было даже удивительно. Хотя по всему, я ощущал какую-то удивительную силу в происходящем. Притом что, по сути, какое-то достаточно продолжительное время не мог найти объяснение этому. Пока мне в голову не пришла удивительная мысль. Потом еще одна. После чего я уже все забыл. Практически окончательно. И мог бы начать новую жизнь. Но... Но с тех пор я все время ждал повторения подобного. И чтобы уже не делал я, мне казалось, что будет не так-то легко прекратить все эти мучения. Ну, так выходило...

Так выходило, я старался не задумываться о происходящем; но именно это происходящее, видимо сподвигало меня на раздумья. И мне приходилось... Да что там. Я уже как вроде бы и всецело принадлежал не самому себе. Кому? Скорее сказать «чему»? Ибо было это нечто сверхъестественное. Что, быть может, не принадлежало мне. Но уж точно, принадлежал я ему. И, несмотря на мои какие-то попытки (периодически предпринимаемые) выбраться из опутавшей мое сознание паутины – ничего у меня не получалось. Хотя я этого и очень хотел.

.....

Леониду вновь начало казаться, что мир вокруг него пускается в пляс. Нет. Если он хотел, тот, конечно же, отдавал отчет реальности. Даже, можно сказать, полный отчет.

Но вот иной раз на него находили удивительные чудеса. И вроде как и пытался он уже (большей частью случайно) возвратиться обратно. Но понимал сам, что ничего не получится. Какое-то время у него ничего не получится. И ему придется находиться в этом вымышленном мире. Мире фантазий, иллюзий, и суматошного смеха разума. Когда уже невозможно возвратиться в нормальный мир. С адекватной реакцией окружающих. И хочется насладиться (а большей частью изучить) этот чертов мир иллюзий.

А как после него замечательно было возвращаться обратно!

.....

Невзлин почувствовал, что он вновь погружается в этот мир.

Как это происходило, он не знал. Поначалу все походило на игру. И даже какое-то время он еще понимал, что игра как будто затягивается.

Затянулась.

И невозможно было выбраться обратно.

И он уже подумал, что это навсегда.

А потом отпустило.

А потом...

А потом он научился погружаться в эти состояния.

Правда вскоре уже перестал тешить себя, что приходит в них по своей воле. Скорей всего он на самом деле и не знал, как это у него получается. Вроде как находится в одном мире, и вдруг что-то щелкает в сознании. И понимал Леонид, что мир-то уже как будто бы и другой. И как вернуться обратно...

Он возвращался. Он, конечно же, возвращался. И даже понял, что будет возвращаться всегда. Просто видимо стал он участником какого-то удивительного эксперимента. И как только он понял это, почувствовал облегчение. Потому что... Ну, потому что, в принципе, все было хорошо. Так, немного скулила душа. Но душу-то усилием воли ему получалось успокаивать. Получалось...

.....

Что это был за мир, Леонид не знал. Странно, конечно, но какой-то особой тревоги он не испытывал. Быть может даже убедив себя, что все так и должно быть.

.....

Это мучительное чувство вины то ускользало, то появлялось вновь.

Но когда казалось, что уже не будет избавления от него, оно внезапно исчезало. И наступало даже после этого какое-то просветление. Сознание приходило в норму. И не только приходило ощущение реальности, но и словно бы уже казалось, что нахожусь я над этой реальностью. С полным контролем ее. Чтобы потом, впрочем, вернуть меня обратно.

И уже казалось, что я совсем ничего не мог поделать. Как будто...

Это было недолговечно. Видимо все же сознание не думало навсегда меня отпустить от себя. И я понимал, что все в порядке. Я чувствовал какую-то поддержку. Чью-то поддержку. Поддержку извне. Извне восприятия реальности. И это давало мне необходимые силы. И я чувствовал, что безумие уже не может до конца объять меня. А значит, в принципе, все хорошо. Ровно и спокойно. Хотя и подобное чувство все же было недолговечным. Но я знал, что когда-нибудь мне все равно удастся победить. И тогда уже все будет и действительно хорошо.

13

Леонид не понимал, почему же ему все-таки так тяжело.

Казалось бы, все в его жизни менялось к лучшему.

Но видимо так уже получалось, что ему совсем не нужны были эти перемены. Все, что ему было нужно, это чтобы события продолжали складываться таким образом, как это было до сих пор. Без каких-либо решающих судьбоносных поворотов. Без чего-либо такого, что могло бы показаться новым и неожиданным.

И было по настоящему грустно от того, что как раз здесь Леонид чувствовал, что он совсем не в силах что-либо поделать. Изменить ситуацию. Потому что она... Она пускалась в совсем иной бег. Который невозможно было предугадать. Предвидеть начало этого движения. И все было печально. Очень печально.

.....

Невзлин вдруг почувствовал какое-то опустошение.

Такое с ним случалось и раньше. Но он словно бы каждый раз забывал что это так. И когда этот случалось вновь -- испытывал все словно бы в первый раз.

И было грустно от того, что он совсем ничего не мог изменить. Что все происходило в соответствии какого-то удивительного сценария. С невозможностью внести изменения. И необходимостью подчиняться тому, что должно было произойти.

Грустно... Невероятно грустно было что это так. И ведь так хотелось бы, чтобы все это было сном. И когда-нибудь Леониду удалось бы проснуться. И посмеяться вместе с невольными героями этого сна. Этого страшного сна, который захотелось бы поскорее забыть. Постаравшись, чтобы ничего подобного не случилось на самом деле.

Это был не сон. К сожалению, Леонид уже понимал, что это на самом деле самая жестокая правда. И все что он мог... Ничего он не мог. Был не в силах. Не в состоянии изменить.

И приходилось ему подчиняться жестокости происходящего. Жестокости того, что было. Что будет. Что возможно... Что уже было ничего невозможно. Страшно и нелепо от всего. И обидно. Обидно, что это было так. Как? Как это было на самом деле, Леонид не знал. Он не понимал, что это так. Не понимал... Он уже ничего не понимал. Ничего...

.....

Я спасался, пытаюсь вычеркнуть из своей памяти когда-либо появлявшихся в моей жизни женщин. Любое расставание было печальным еще и от того, что за время общения – мы все каким-то образом наделяем себя частичкой души другого человека. Так же как и он, вероятно, заполнялся частичкой вашей души. Но что было для анализа кого-то, когда поставлена на кон ваша жизнь. Ваша судьба. Ваша... Ваша природа. Природа вашей души. Этой ранимой души, на которую с каждым прожитым годом обрушивалось все больше бед и страданий. Притом что какие-либо несчастья на самом деле могли и не происходить. То, что это было так, отображалось, большей частью, в вашем бессознательном. Там, где фактически было неподвластно все. Что можно было только угадывать, без какой-либо уверенности, что все это было на самом деле. Что это может быть. Было... Когда-то это на самом деле и было.

Но мне было совершенно непонятно что это так.

Грустно было от всего этого.

Хотелось избавиться от чего-то подобного.

Но тогда я находился в таком состоянии, когда чего-либо подобного совершить был не в силах.

14

Леонид решил сменить имя и фамилию.

Среди предложенных собственной памятью вариантов ничего не устроило. Можно было, конечно, еще посмотреть по книгам,--дав себе имя какого-нибудь героя, но внезапно это расхотелось. Расхотелось вообще меня фамилию, имя, и собственную жизнь, которая наверняка бы последовала после переименования.

.....

Мария вновь начала закатывать чудеса.

Она уходила. Возвращалась. Часто была выпившая. Но почти всегда, когда она приходила в таком состоянии, девушка отдавалась с таким пылом и жаром, словно бы хотела загладить за что-то вину. Искупить, совершенную ошибку. И...

Леонид все понимал. Пусть и, не зная фактов, он понимал и... прощал Марию.

Мири было двадцать шесть. Примерно. Принадлежала она к типу женщин, которым вполне можно было дать и начало двадцати, и за тридцать.

Это была высокая, стройная девушка. Вполне среднего телосложения. Совершенно не склонная к полноте. С высокой небольшой грудью и длинными, спадающими на плечи русыми волосами.

Леонид тоже в свои тридцать одинаково выглядел и на двадцать пять, и на тридцать, и на тридцать пять, и даже на возраст около сорока.

Он был чуть выше среднего роста. Худощавый. С черными волосами, спадающей на лоб челкой, и необычайно красив.

Казалось, своей красоты Леонид не замечал. Можно было, конечно, угадать в этом некую особого рода самокритичность. Но за весьма развитой самокритичностью обычно следовала какая-либо из форм патологии сознания. А о нашем герое так думать не хотелось.

.....

Возникал весьма справедливый вопрос: что ждал Леонид от своих отношений с Марией? Ведь уже убедился он, что это была весьма своенравная девушка. Предпочитающая надеяться только на себя. Да и любить, должно быть, тоже только себя.

Хотя и тут достаточно легко можно было найти некий компромисс. Потому как – замечал Леонид, что девушка тянулась к нему. Каким-то образом ей видимо все-таки требовалась его доброта и внимание. Ведь Леонид был весьма добрым, чутким, даже может быть ранимым молодым человеком. Не позволявшим себе в отношении с женщинами чего-то лишнего. Хотя иной раз и что-то восставало в нем. Ну обычно тогда, когда ощущал он, что дальнейшая либеральная политика приведет к чему-то не очень хорошему. И тогда приходилось ему совсем даже не популярными мерами ставить женщин на место.

Здесь вот надо бы заметить, что женщины Леониду словно бы нарочно попадались такие, которым все эти меры весьма нравились. Во всяком случае, не возникало у них какого-либо протеста, неподчинения. Ну или вернее – неподчинение было достаточно показным. После чего -- всеми доступными способами стремились они искупить вину.

И все сводилось к сексу.

.....

Леонид любил секс.

Можно было только представить реакцию его, когда объяснял он кому-то свое нежелание сексуальных отношений с женщинами по причине... Ну, тут причин Леонид находил множество. Фантазия у него была отменная. Воображение работало прекрасно. Так что, в том чтобы найти оправдание – каких-либо трудностей у нашего героя не возникало.

Вообще-то можно уже сказать, что иногда возникал весьма справедливый вопрос: кто кого выбрал своим героем? Потому как Леонид Невзлин и на самом деле представлял собой достаточно самокритичную личность. Человека, который знал что хотел. И...

Ну, вот тут немножечко аккуратней. Потому что так можно было бы судить о Леониде, если окинуть его совсем уж поверхностным взглядом. А на самом деле... На самом деле Леонид был всегда разным.

Да и друзьям своим он казался всегда то одним то другим.

И можно было бы уже действительно посчитать, что вы знаете о Невзлин все. Понимаете его. Можете предвидеть дальнейшие его шаги поведения.

А потом внезапно Леонид выкидывал такое, что все ваши теории да уверенности летели в никуда. И вы понимали, что ничего-то на самом деле вы о нем не знаете. И даже не понимаете, как

такое могло произойти. Когда Леонид становился участником различных событий. Наступление которых совсем уж невозможно было предугадать. Просчитать. Предвидеть.

И вы тогда, раздумывая над этим, начинали понимать, что и действительно психика индивида весьма загадочна. И совсем не имеет значение, что кого-то из этих индивидов вам доселе удавалось просчитывать. То было раньше. И вполне может быть даже неправда. А тут, с Невзлиным, надо было делать такие погрешности, что все грозило и вовсе исчезнуть.

Но подобная самокритичность была неоправданна. Все было совсем не так, как это было на самом деле.

Просто потому, что Леонид Аркадиевич Невзлин принадлежал к типу индивидов, которых весьма сложно было просчитать. И не потому, что было как-то сложно, нет. Поступки они делали порой совсем неадекватные. При этом сами были вполне нормальные. Ну, может, с небольшой долей психического отклонения. Которая в обычной жизни была даже и не особо заметна. И проявлялась лишь в критических ситуациях.

Другой вопрос, что для подобных людей критичной могла быть сама жизнь.

Но это уже разговор другого повествования...

24.05.2007

повесть

Убить в себе врага

«...во mnogой мудрости много печали...»

Екклесиаст 1:18

Часть 1

Глава 1

Все выходило так, что для него уже и на самом деле не было никакого спасения.

Осознание тяжелой боли, в которой повинен был он, тяжким грузом и навсегда повисло в его душе. Подтачивая его силы. И медленно ведя к смерти.

Кто установил эту медленную смерть?

Сам он хотел умереть сразу.

Но жизнь распорядилась таким образом, что если бы он ушел сразу, то причинил бы еще больше боли. Уже другим людям.

Среди которых были те, кто в этом совсем был не повинен.

.....

Иногда осознание произошедшего (от воспоминаний прошлого) настолько переполняли Владимира, что ему хотелось разом закончить эту муку.

Успокаивался. Постепенно он успокаивался, заставляя себя не мучиться прошлым настолько, чтобы прекращать настоящее. Еще было рано. Еще надо было жить. Жить, превращая жизнь в мучения, и уже этими мучениями искупая вину. Вину перед близкими, которых предал в обмен на призрачный свет любви. В итоге так и не состоявшейся любви. Но с момента предательства, смерти, и того, как расстался он с виновницей раздора -- прошло несколько лет. И уже почти столько же прошло с тех пор, как остался он один. Теперь уже совсем один.

Да и ни с кем жить ему не хотелось. Разве что с теми, кто по его черствости ушел из жизни. Но их было уже не вернуть.

.....

Мне становилось мучительно больно от того, что совсем невозможно было вернуть прошлое. Наверное, в этом уже была какая-то закономерность, что сначала мне приходилось что-либо совершать (будучи при этом уверенным в своей правоте на тот момент). А после – уже мучительно раскаиваться в совершенном.

Можно было, конечно, предположить, что такая жизнь. Но уже тогда – к черту такую жизнь. Жизнь мучительную и нелепую. Жизнь наверное даже несчастную. Притом что как-то не очень хотелось признавать это несчастье. Но ведь и иного, наверное, не дано.

И уже возникал выбор: страдать или не страдать. Если страдать, то почти наверняка это означало, что мне предстоит и в дальнейшем обрекать себя на все новые страдания. И как бы ни пытался я выкарабкаться из этого, не так-то и просто подобное было сделать, а то и вовсе невозможно.

И тогда возникал практически один способ избавиться от всей этой мучительной навязчивости. И способом этим было – заставить себя перестать страдать. Представить, что все на самом деле не совсем так печально, как было. Что есть силы, способные исцелить меня. И уже если так, то почти наверняка в таком случае можно было надеяться, что мне действительно удастся избавиться от этой мучительной боли внутри меня. И станет легче. Станет наверняка легче.

Глава 2

Конечно, я понимал, что судьба сама посылает все новые испытания.

И при этом самое любопытное было – что я считал их оправданными. Вероятно, так и на самом деле должно быть. Ну, исходя из того, что попросту совсем ничего не бывает в природе случайного. И все что происходит с нами, подчинено закономерности. Закономерности, понять алгоритм которой быть может и не представится возможности. Но по всему, это быть может и не так уж важно. Необходимо само написание исповедальных вариаций. Ну а уже то, к чему это на самом деле приведет?.. Так может и ни к чему.

И зачастую выходит так, что мне иной раз казалось, что может совсем и не стоит далее мучиться, а попросту признать все совершенное и совершаемое ошибкой. Я уже понимал, что считать так окажусь не способен.

Просто обстоятельства складывались таким образом, что я, во что бы то ни стало, должен был продолжать бороться. Должен уже хотя бы потому, что в ином случае, стоило мне остановиться и сдаться,-- и последующим шагом... да и вообще,--уже означало бы это как бы мое признание ошибочности произошедшего со мной. И наверное даже,--признание того, что я на самом деле больше ни на что не способен. Кроме как...

А вот тут уже была очередная загадка. Ибо, в такие минуты я ловил себя на мысли, что на самом деле и не способен в полной мере ответить, на что я могу быть способен. В плане позитивной полезности существования.

Ибо получалось так, что я словно бы изначально чувствовал свое какое-то предназначение. И всей своей последующей жизни должен был это предназначение оправдывать. И что уж точно – двигаться параллельно ниспосланного свыше движению. Ну, или как это мне виделось, что это так. А если предположить, что уже изначально в подобные мои расчеты-размышления закрадывалась ошибка... Ну, подобного я себе попросту не мог позволить. В ином случае и совсем необязательным было бы продолжение жизни. Ибо мое земное существование...

Вот тут, видимо, следовало быть внимательнее.

Ну а вообще, если разобраться, чувствовал я, что по большому счету попадаю в капкан, инсценированной жизнью. Ведь получалось, что я с одной стороны стремился к размышлению каких-то внутренних противоречий. А с другой... А с другой я понимал, что фактически с каждым таким разом еще больше запутываюсь. И чтобы мне выпутаться уже из этого безумия, времени потребуется намного больше того, что привело меня в эту яму. Парадокс.

Глава 3

Владимир Сергеевич Снегирев стремился ухватить прошлое.

Подспудно он понимал, что в какой-то мере именно в этом заключается его спасение. И спасение, и противостояние миру настоящему. Ведь, по сути, давно он уже мог признаться, что в настоящем мире бессознательно стремится воспроизвести прошлое. То прошлое, которое каким-то образом было самым желанным. И при возвращении которого он с ложным правом мог бы признать, что никакого будущего и не надо. А самое что ни на есть настоящее при таком раскладе будет самым желанным, каким бы оно и вообще могло быть.

Нелегко было так жить. Понимая что когда-нибудь непременно придется начинать жить будущим, Владимир, тридцатисемилетний аспирант инженерного факультета Лесотехнической академии, стремился каким-то образом все же вернуть прошлое; чтобы уже, отталкиваясь от него – войти в настоящее.

Пока ему это не удавалось.

Как-то выходило так, что на каком-то этапе он уже вроде как и пребывал у цели. А потом все обрывалось. И ему приходилось возвращаться назад, фактически начиная сначала. Ну, или еще верней -- это самое настоящее отбрасывало его, совсем не считаясь с его какой-то волей, желанием, да и вообще – стремлениями.

Тяжело с такими мыслями.

Хотелось, непременно хотелось, во что бы то ни стало каким-то удивительным образом форсировать события. Чтобы оказаться там, где ему, по большому счету, очень (и всегда) хотелось быть.

Но вот насколько это было возможно...

.....

С какой-то стороны в подходе восприятия Владимира Сергеевича через рефлексии его психики можно было заметить одну занимательную деталь. Он и сам, впрочем, часто обращал на это свое внимание. Могло бы показаться удивительным, но даже к своим годам он до сих пор окончательно не выбрал модель, на которой ему, собственно, и следовало бы остановиться. То есть, по одному, Владимиру Сергеевичу хотелось бросить все, уехать куда-нибудь в малодоступное место, и заниматься там какими-то исследованиями, совсем не обращая внимание на какую-либо последующую доступность этих исследований людям. По другой, Снегирев-Зассульский (полная фамилия нашего героя) непременно должен был находиться в эпицентре событий. Являться участником светской жизни. И такое его раздвоение самым коварным образом удручало Владимира

Сергеевича. Превращая в иных случаях его и вовсе в подобие некоего существа с затуманенным разумом. Существа запутавшегося в своем настоящем. С неопределенным будущим, и совсем уж загадочным прошлым.

Казалось, тут не было никакого спасения. Но и при этом, каждый раз словно бы оттягивало Снегирева-Зассульского решиться на окончательный выбор. То есть периодически тот может и угадывался. Но потом – куда-то непременнойшим (и почти всегда обязательным) образом удалялся. После чего, какое-то время Владимир Сергеевич пребывал в полнейшей прострации. Порой теряясь в совсем уж простейших вещах. И не зная как ему реагировать в тех или иных жизненных ситуациях. А разрешение этих самых жизненных ситуаций иной раз откладывалось на неопределенный срок. И становилось совсем непонятным -- как жить дальше.

Тем более что периодически возникала мысль: а может и не жить?

Жить или не жить – к подобным вопросам Снегирев-Зассульский относился очень даже загадочно. Можно было предположить, что в иные моменты ему уже было откровенно безразлично то, что происходило или произойдет с ним. И при этом очень трудно было скрывать, что в иные разы душа Владимира Сергеевича стремилась к настоящему празднику. Этот праздник угадывался во всем, что его окружало. Он словно бы казался, в иных случаях, и обязательным к осуществлению.

А случалось,-- все исчезало. И тогда Снегирев-Зассульский сидел, обхватив голову, и печально размышляя о собственном нелегком состоянии. Заставлявшем его заниматься совсем не тем, чем по настоящему хотелось.

И порою печаль доходила до своей максимальной стадии. После чего срабатывал какой-то защитный механизм в психике Владимира. И все становилось на свои места. Он был вновь весел и уверен в собственном будущем. Ничто не тревожило его. И хоть он знал, что так будет лишь какое-то время,-- он был в общем-то спокоен. Спокоен – пусть и временной – но какой-то уверенностью в завтрашнем дне. В осуществлении (пусть и мимолетном) каких-то своих желаний. В желании – действительного достижения будущего. И что уж точно – стремлении к нему. Без каких-либо отступлений и шагов назад.

И Владимир Сергеевич Снегирев-Зассульский был рад, что ему удавалось осуществить подобное. Был рад... Ну в общем, он был рад. А что ему еще оставалось? Печаль и так всегда сопутствовала ему. А так хоть какая-то отдушина...

Глава 4

Он был негодяем.

По сути, если анализировать жизненные поступки, а тем более мысли Снегирева-Зассульского, он был негодяем. Полнейшим. И единственный выход -- избавление общества от него. Что в свою очередь могло заключаться в изоляции Снегирева-Зассульского.

Но вот дело в том, что еще добрая четверть общества (как минимум) была со схожей симптоматикой души. И что касается общества, то в той стране, где жил Снегирев-Зассульский, оно было больно. И наверное даже без какой-либо возможности на исцеление. Разве что требовался тут достаточно длительный курс мер реабилитационного характера. Но чтобы их начать – уже сейчас необходимо было спасать людей. Людей, которые окружали Снегирева-Зассульского. И которые в большинстве своем – добрая их часть – были еще большими негодьями и нравственными уродами. И сам Владимир Сергеевич никогда не вписывался в общепринятые рамки. И на самом деле какой-либо его интерес к публичности был искусственным, и в какой-то мере вынужденным. Необходимым для выживания. А все, чего ему по настоящему хотелось – это побыть как можно больше времени в одиночестве. Чтобы никто не беспокоил его, и никого бы не беспокоил он. И это, наверное, и действительно было самое желанное у Владимира Сергеевича. Потому что никогда в полной мере он не стремился к какому-то общению. А если ему и было необходимо оно, то лишь только в тех случаях, когда он полностью контролировал ситуацию. Общаясь с людьми, с которыми чувствовал какую-то внутреннюю близость; находил душевные точки соприкосновения. Да и вообще -- ему было интересно.

Хотя, справедливости ради стоит заметить, что Владимир Сергеевич на самом деле разговаривать мог практически любого человека.

Иногда ему даже приходилось участвовать в подобных экспериментах. И тогда он, выдавая себя за корреспондента какого-либо издания, брал интервью у различных людей. Не столько получая удовольствие от этого, сколько стремясь лучше прочувствовать ситуацию. И уже от осознания всего этого, достигал Снегирев-Зассульский каких-то своих, может даже и одному ему известных, целей. И в какой-то мере это было нормально.

Глава 5

Владимир недоумевал. Все у него вроде как и начиналось неплохо. Он уже научился бороться со своими депрессивными состояниями. Ему удалось избавиться от мучительного чувства вины. И

вдруг все оказалось что не так. Что ему только казалось, что от всего этого удалось избавиться. А на самом деле состояния его не только возвратились; да и еще как будто усилились.

Более того. Владимир вдруг почувствовал, что ему совсем нет спасения. Что его преследует необратимое стремление к разрушению собственной личности. А если и удавалось что-либо сделать, так лишь только остановить процесс. Практически уже зная, что он начнется вновь.

--Видимо следует ликвидировать причину...--задумался Владимир.

Он, конечно же, понимал, что должен что-то делать. Понимал – что непременно обязан что-то делать.

Но совсем не знал – как.

Точнее, способов и методов было столько, что он терялся, не зная каким же из них воспользоваться.

Наконец, путем мучительных раздумий ему все же удалось прийти к какому-то относительному знаменателю. Знаменателю лишь и действительно относительному. Потому как это совсем не было еще тем способом, который мог привести его к победе. На наверняка,--задумался Владимир,--могло являться отправной точкой избавления от будущих страданий. Будущих, потому как страдания и на самом деле на какой-то миг его отпускали. Отпускали, чтобы потом начаться вновь. И в иных случаях – даже с новой, ужасающей, силой.

Что было ему делать? Мог ли он надеяться, что когда-нибудь избавится от обволакивающего его негатива, негатива в собственном сознании, которое порой то служило ему верой и правдой, то насмехалось над ним.

.....

Какое-то время потребовалось нашему герою, чтобы выработать какую-то более-менее общую позицию по поводу своего отношения к действительности. Выходило так, что с одной стороны он вполне мог воспринимать жизнь такой, как она была; а с другой -- что-то заставляло его задуматься над происходящим. Попытаться выработать, быть может, ключевые позиции противостояния безумству, во власть которого периодически он скатывался. Хотя и до конца, конечно, не скатился.

У него было еще время противостоять злу разума. Противостоять... Противостоять...

А было ли это время? Так ли уж в действительности сложно приходилось ему? Не было ли тут каких-либо подводных камней, которые при иных раскладах вполне заслуживали более

пристального к себе отношения. Чтобы добиться даже чего-то такого, что позволило бы, в дальнейшем, и вовсе исключить нечто грустное и неопределенное.

Но внезапно Владимир понял причину происходящего с ним. Ну, или скорее уже не причину, а некое следствие.

А все дело в том, что Владимир угадывал в своей психике стремление к подчинению. Нечто такое, что словно бы вынуждало его, как будто уже и возносившегося на вершины подчинения собственного духа – падать вниз в объятия окутавшего его страха. Страх и неуверенности. Грусти и безответственности перед своим здоровьем. Ибо наносило это его унижение себя – непоправимый вред здоровью. И даже не столько, сколько здоровью, а скорее даже социальному положению Владимира. Ибо не позволяло оно подняться. А как только поднимался он – опускало его. Делая из уверенного в себе мужчины какого-то забитого подростка. И это несмотря на то, что возраст его уже приближался к сорока. И вполне можно было подытоживать события жизни.

Ну, так он и подытоживал. Себе в минус. И от этого иной раз становилось ему так грустно, что он терялся, не зная где же выход из создавшегося положения. Подозревая, что вполне может так получиться, что выхода этого совсем и нет. А есть горе и несчастье. Да еще, наверное, страдание.

И не было избавления от этого страдания.

Но когда он уже и действительно считал так – все как будто изменялось чудодейственным образом. И Владимир понимал, что совсем еще ничего и не потеряно. А еще и вполне даже можно было добиться раннее поставленных целей.

И все было бы хорошо, если бы потом не начиналось все сначала. И судьба не продолжала играть с ним таким вот образом. Грустным и отчаянным.

И все это повторялось до бесконечности. А сам Владимир, вполне уже подозревал, что так быть может и должно быть. Ну а почему нет?

Глава 6

Владимир, в который уж раз, задумался над жизнью. Можно сказать, что ему достаточно часто приходилось таким вот образом задумываться. Хотелось во что бы то ни стало выработать какое-либо разрешение мучивших противоречий, во власти которых иной раз он пребывал. Стремясь... Стремясь конечно же выбраться. Но вот удавалось ли ему? Нет. Пока вполне можно было заметить, что не удавалось. Потому как... Да вероятно очень много было причин, по которым выходило так.

Но если разобраться (а к этому Владимир так или иначе все время стремился), иногда ему все-таки удавалось приблизиться к разрешению конфликта с собственным «Я». Вот только уже вроде как, начав торжествовать победу, Владимир самым безбожным образом порой забывал о способе, приведшем его к победе. А потому фактически ему каждый раз приходилось начинать сначала.

Но он не разочаровывался. Может показаться удивительным, но ведь он и действительно не разочаровывался. А даже наоборот, после произошедшей ошибки стремился достигнуть былых результатов. Попытаться достигнуть. Что у него не всегда получалось. И уже кто-то мог предположить, что это и вовсе грозило превратиться в своеобразную игру. Но ведь так было не всегда. И у Владимира на самом деле была цель. Цель – исцеления, уничтожения собственных страданий. Что было, в общем-то, вполне возможно. Особенно если предположить удивительную настойчивость нашего героя. Стремившегося во что бы то ни стало подчинить себе разум, сознание, и все что находилось в реальности. Именно в реальности, а не в том призрачном нечто, во что он иной раз опускался. И страдал. Конечно же, страдал.

.....

Достаточно забавным казалось отношения Владимира к женщинам.

На каком-то этапе наблюдалось его полное отдаление от женщин, связанное... наверное прежде всего связанное с его робостью. Он как бы и хотел общения с ними, но видимо все же большей частью где-то в подсознании его общение это сводилось к стремлению к удовлетворению сексуального желания. А уже те, словно бы замечая такой интерес молодого человека – боялись этого.

Заметим, что позже Владимиру вполне удалось удовлетворить эту страсть. Причем – почти и исключительно в извращенных вариантах.

После чего вновь наступила пауза. Которая продолжалась достаточно длительное время. За которое он, уже было, подумал что «все». А потом началось такое беспутство, что уже было бы и лучше, если бы было «все».

Но потом все нормализовалось. К его нынешним годам, разумеется.

И все-таки, если говорить о сексуальной жизни нашего героя, то почти наверняка следовало бы заметить, что носило оно весьма выборочный характер. К тому же увлечение Владимира некоторыми науками (иной раз весьма забавными, и скорее даже псевдонауками, типа астрологии, уфологии, хиромантии, экстрасенсорики, парапсихологии, телепатии, черной магии, ясновидения, и прочими оккультными чудачествами) словно бы позволяло предположить о некой сублимации в

творчество. (Если все же допускать, что занятия подобными лжеучениями это какое-никакое творчество. По типу – чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало.)

Хотя и почти тут же следует заметить, что на самом деле у Владимира была немало увлечений. Но ни к чему путному пока это не привело. Но можно было предположить (с долей условности, разумеется), что в случае с ним пока шло накопление знаний. А условности – потому как, судя по возрасту – определенная часть таких знаний уже вполне должна была накопиться. Ну да видимо каждому свое.

Глава 7

Наконец-то Владимиру как будто удалось нащупать причину одолевших его страданий.

И уже стало удивительным, что показалось ему, что на самом деле таких-то уж страданий он и не испытывает. А было лишь нечто, что сейчас вполне казалось занимательным. А раньше словно бы и наоборот – весьма удручало его.

Как ни странно, разрешить подобное противоречие Владимиру помог его новый знакомый. Ну, или точнее – знакомый весьма старый. Но с которым достаточно длительное время он не общался. А тут вдруг словно бы случайно встретились. И поняли, что все это время были, оказывается, чуть ли не лучшими друзьями. В изгнании.

Дело обстояло так, что новый-старый приятель открыл Владимиру некие законы управления энергией. Означал этот закон, что вы могли достаточно успешно управлять своим будущим посредством совершаемых поступков через мысли. Мысли должны были желательно носить позитивный окрас. И все что вам представлялось – следовало не принимать сразу и всерьез, а сначала какое-то время прокрутить в своем сознании-подсознании (точнее – в сознании, дабы оно запечатлелось в подсознании), а после уже вы и сами не замечали, как использовали наработки, рождавшиеся в результате подобного удивительного симбиоза знаний, технологий, и самого настоящего вымысла. Именно как вымысел Владимир и окрестил идею, изложенную Яковом (так звали знакомого).

Но Яков не обиделся. От природы он был проходимец и шарлатан, вполне наживавшийся на доверчивости попавших к нему на удочку граждан необъятной страны России (случалось, Яков гастролировал в поисках приключений). И если гнали его из одного места – появлялся в другом. «Вы их в дверь – они в окно»,--вспомнил Владимир песенку Высоцкого. И тут же заметил, что Яков пристально смотрит на него, ожидая какой-то реакции на нечто сказанное.

«Знать бы еще что»,--подумал Владимир. И постеснявшись переспросить – поспешил свернуть разговор, и убраться восвояси.

Сделать это было не так-то просто. Яков почувствовал подвох, и попросту повторил вопрос. Оказывается он предлагал Владимиру чуть ли не занятия совместным бизнесом. Правда, в чем должен был заключаться этот бизнес, Владимир не понял. Но переспрашивать не стал. Ему попросту это было неинтересно.

Знакомые подобные Якову с тех пор достаточно часто стали появляться в зоне видимости Владимира. Ну вполне можно предположить, что появлялись они и раньше. Просто он их не замечал. Не обращал внимания. А тут, уже получается, вдруг начал. Хотя и видимо все весьма относительно. Весьма.

.....

--Как же я устал,--внезапно задумался Владимир. Душевная усталость действительно накопилась. Скорей всего так происходило от внутренней неустроенности. Стипендия аспиранта не приносила должного дохода, вынуждая Владимира искать подработку на стороне. И выходило как-то удивительно, что ничего подходящего найти ему не удавалось. Подходящего для души. Ведь не на всякую работу он мог и пойти.

И от того, что финансово не окупалось желание Владимира заниматься любимым делом, периодически на него накатывали совсем неподходящие сомнения. Которые ему хоть и удавалось до поры до времени разрешать, но вот все эти разрешения все больше походили на нечто не слишком хорошее. А то и на откровенную гадость. Вернее – гадостью и ничтожеством он мог бы считать себя сам, если бы не был... Ну в общем, пока он себя любил. Удавалось себя любить. Хотя и не удавалось вздохнуть полной грудью.

.....

Он верил, что в скором времени это закончится. Но практически из года в год повторялось одной и тоже. Хотя и вполне можно заключить, что анализ действительности делал из него вполне неплохого специалиста. Но... предложения на рынке вакансий не было. И он вынужден был довольствоваться тем, что было. А значит – влачить... в принципе, влачить достаточно жалкое существование. Хотя и мало кто из тех, с кем он общался – знали что это так. А Владимир... Да только ли у Владимира была схожая проблема. Можно сказать, что большинство людей, в той или иной мере, мечтало бы найти для себя нечто лучшее.

Но ведь и интересно было не это. Намного любопытнее проследить причину, выяснить, почему так все произошло. Ведь по большому счету вполне можно предположить, что среди знакомых нашего героя находилось немало тех, кто был искренне рад ему помочь. Вопрос вот только был, что подспудно Владимир отказывался от этой помощи. Ему так хотелось быть в глазах друзей успешным и... Стоп. Закралась небольшая ошибка. А все дело в том, что на самом деле в глазах-то друзей Владимир мог позволить себе быть искренним. А вот для знакомых, для тех кто знал его еще недостаточно – Владимир и стремился (большей частью подсознательно, наверное) выглядеть успешным. Таким, каким он должно быть и был в своих мыслях. Да и, быть может, так уже получалось, что мысли эти удивительным образом проецировались на его поступки. И именно это было причиной того, что Владимир не добивался тех результатов, к которым внутренне был уже давно готов. Но к достижению коих просто не мог себя заставить приложить усилие, направленное на слом себя, своей психики, изменении ее. Трудно ему было. А кому легко.

Часть 2

Глава 1

Владимир Сергеевич отдавал себе полный отчет, что он заигрался.

Это уже не входило ни в какие рамки. И грозило... Грозило тем, что у него вдруг исчезнет возможность возвращения обратно. И став сумасшедшим после имитации – таким и останется. И станет очень грустно от того, что он не сможет до конца проконтролировать ситуацию. И не заметит, как начавшаяся игра столкнет его в пропасть. Откуда может и не будет возвращения.

--Все. Хватит,--решительно произнес Владимир Сергеевич, вставая и делая несколько шагов по комнате.—Заигрался...

Он вспомнил, как все началось. Будучи аспирантом инженерного факультета, он решил, что ему почти ничего не стоит получить еще какое-нибудь образование. Программа давалась достаточно легко. Да он впрочем и вообще никогда не испытывал каких-либо затруднений в учении. Иной раз и задумавшись над окончанием известной суворовской фразы, как бы она звучала, если учитывать что в случае с ним выходит все наоборот. Да так это и было. Наоборот. У него вся жизнь была такой. В один момент он мог загореться какой-то идеей. И достаточно быстро выполнить задачу. А потом скучать, не решаясь какое-то время придумать себе что-то еще.

Решив получить новое образование, Владимир выбрал факультет психологии. И достаточно быстро его закончил. А после окончания, или может даже еще учась в вузе, Владимир попробовал написать некое произведение о себе (по крайней мере, главный герой назывался его именем,

отчеством и фамилией), где в жанре своеобразной полуфантастической мистики – начал описывать состояние своей психики, как если бы это была не совсем его психика, ну или же его – но пораженная жестоким недугом психопатологии. Начала какой-либо психопатологии.

И ведь поначалу даже не придавал этому роли, воспринимая все происходящее как своеобразную игру. Или, скажем, практикум -- в письменной форме.

Владимир не заметил, как стал сливаться со своим героем. Явление можно заметить весьма распространенное. Своеобразная проекция, где действующими лицами выступает один и тот же человек, но в двух персонах: вымышленной и настоящей. Что если и может быть увлекательно, то лишь на каком-нибудь начальном этапе. А потом все. Ловушка может захлопнуться. Причем – в любой момент. Что весьма печально.

Владимир все понял достаточно быстро. Но будучи уверенным в своих возможностях, продолжал играть. Искренне веря, что сможет выскочить из поезда несущегося в пропасть в любую минуту.

А потом, случайно проверив двери, попросту понял, что те заблокированы. И...

Ему не хотелось знать, что это за «и».

Ему не хотелось верить, что уже действительно «все».

Да он, должно быть, и не признал бы это. Он даже боялся повторить подобное предположение в своих мыслях. Боялся материализовать мысли. А потому, решив словно бы об этом и не думать (или думать о чем-то другом, но только не об этом),--надеялся уже на каком-то параллельном плане интуитивно нащупать правильное решение (словно увидев его боковым зрением). А потом нанести решающий удар. И победить. Расправившись с начинавшимся в нем безумием. И снова зажить обычной жизнью. Вполне обычной жизнью аспиранта лесотехнической академии, готовящегося защитить диссертацию по своей инженерной специальности.

Глава 2

Два мощных начала по-прежнему разрывали Владимира на части.

С одной стороны, ему хотелось быть наедине с собой, копаться в собственной душе, и вести, по сути, замкнутый образ жизни.

С другой, -- он бы вполне мог стать и каким-то общественным деятелем. По крайней мере, ему хотелось самых активных и решительных действий. Хотелось куда-то бежать, с кем-то спорить, что-то кому-то доказывать, и убеждать в собственной правоте.

И при этом в какие-то моменты ему претило и первое и второе.

И уже ничего не хотелось. Кроме как... А вот тут следовало быть осторожным. По крайней мере, пока. До времени. Веря, что это время непременно наступит. Ну а почему нет?

.....

Снегирев-Зассульский почувствовал, что все с ним происходящее совсем даже и не игра. Ну, то есть, она могла бы стать игрой. Но какие для этого должны были наступить условия -- Владимир не знал. А уже словно бы наоборот, с полным правом начал отдаваться новому чувству. Выражающемуся, быть может, и совсем в черт знает чем. Хотя вполне может быть -- и в чем-то вполне адекватном для восприятия психики.

А еще ему начало казаться, что то, что происходило с ним, было и на самом деле. И если начиная произведение Владимиру казалось что фигурировал там вроде как и вымышленный герой (просто под его фамилией), то сейчас он уже мог предположить, что это и на самом деле был он.

Ну, или в какой-то момент все самым удивительным образом смешалось. Удивительным -- и независимым ни от чего. А он, он Владимир Снегирев -- стал и на самом деле Снегиревым-Зассульским. Добавив словно бы уже и в жизни к своей фамилии приставку вымышленного героя. Хотя уже и действительно по поводу вымысла все было весьма относительно. Потому как уже и действительно начинал склоняться Владимир, что все было на самом деле. Да может так и было. А он все выдумал, ну или не выдумал, а на каком-то этапе вымысел подменил какую-либо реальность. И получилась...

Что получилось -- Владимир уже понял. Получилось на самом деле черте что.

.....

Удивительно, но уже через какое-то время он так не считал. Вернее -- у него появились первые сомнения, что это так. Да и стало казаться ему, что словно бы намеренно кто-то запутывал его жизнь. Вынуждая иной раз совершать поступки, о возможности которых ранее он не представлял. И по совершении их -- почему-то считал, что так все и должно быть. Что желание совершить нечто подобное к нему пришло самостоятельно. А анализировать нечто подобное как будто и не имеет смысла. Пока не имеет. А потом...

Что будет, что должно быть потом, Владимир не знал. Ему хотелось что-то понять. Он понимал, что понять это был обязан. Но и уже почти тут же ему приходили мысли, так ли это уже обязательно надо было делать? Действительно ли стоит задаваться столькими (и такими) вопросами, или на самом деле все, что ему необходимо было делать – писать, писать, и писать. Писать и не думать ни о чем. Бессознательно надеясь, что разгадка появится сама и словно бы независимо от его каких-то ожиданий.

Все вполне возможно.

Глава 3

Иногда Владимира удивительным образом захлестывало его воображение. И даже не то, что он подменял истинный мир ложным. Скорее нет, чем да. Просто, видимо, можно было говорить о том, что он хотел, бессознательно пытался изменить этот мир. Повернуть его в лучшую сторону. И иногда это получалось.

Здесь бы можно кое что сказать о материализации мысли. Ну, так ведь и сам Владимир пока в свои годы не до конца разобрался в этом вопросе. Иногда ему казалось, что он вполне на правильном пути. А иногда все вроде как и происходило грамотно, да результат оказывался столь ничтожен (и обратен ожидаемому), что получалось нечто совсем нереальное. И в иных случаях – даже печальное. Хотя так было и не всегда.

И уже вполне можно сказать, что со временем Владимиру Снегиреву-Зассульскому удалось выработать некую концепцию, согласно которой он нашел противостояние жизненным невзгодам. Обретая какое-никакое (пока, к сожалению, относительное) жизненное здоровье. Выражающееся...

А вот тут вышла некая заминка. С одной стороны все вроде как должно было складываться вполне хорошо, и даже более менее адекватно. Его повседневная жизнь стала разделяться на два плана. В одном – была хоть и несколько относительная но реальность. В другом – существовал некий (и судя по всему достаточно небольшой) вымысел.

Но вот в том то и дело, что со временем Володя просто запутался. Это было неприятно, но это было так. У него как-то выбилось из головы, какой он должен быть настоящим. Все время перед глазами (стало так в последнее время) стали возникать какие-то псевдообразы. Которые вроде как и вели его к чему-то. Указывая, наверняка указывая какой-то путь. Но вот что это был за путь, и куда он на самом деле вел – разобраться было не только трудно, но и вполне может быть – даже и невозможно.

И это порой невероятно удручало нашего героя. Он вроде как и понимал, что находится рядом с какой-то удачей. Она поблизости. Но вот в чем эта удача могла заключаться, понять, по

всей видимости, было и вовсе невозможно. Ну, или пока – не представлялось возможности. А значит, уже была надежда. Ну, или не было. Он, по всей видимости, просто запутался.

А потом все закончилось. Так неожиданно, что он даже не успел ни о чем подумать. Владимира сбил грузовик, выскочивший на красный свет. И все действительно закончилось. Оборвавшись на полпути. Такое бывает...

8 июня 2007 год.

Рассказы

Дрессировщик

1

«Я не думаю, что это настолько плохо».

Поршневич повторил фразу несколько раз, отметил про себя, что она в принципе ему нравится, и решил что надо, собственно, приступить к работе.

То ли работать он не хотел, то ли еще по какой причине, но Поршневич внезапно осознал весь ужас недавно произнесенного предложения.

Теперь оно ему не только не нравилось, но и явно Марий Каспарович начал испытывать к ней антагонизм. Еще немного и он ее возненавидит.

«Действительно, какая-то хрень...»,-- подумал Поршневич.

Внезапно ему расхотелось что-либо делать. Да так получалось, что он и раньше то не особо стремился к каким-то занятиям. А тут...

.....

Марий Каспарович был среднего возраста мужчина, с ярко выраженным полысением головы, и отсутствием каких-либо признаков ума.

Нет, конечно же, полным идиотом он не был. В каких-то жизненных ситуациях он даже мог выглядеть вполне сносным рассказчиком; если, конечно, особо не вслушиваться в то, о чем он рассказывал.

А еще у Поршневича была одна замечательная черта. Он мог видеть ваше изображение таким, какое оно могло бы быть, если вы поместите его в различные геометрические предметы. Кубы, квадраты, параллелепипеды, круги.

Зачем это было нужно Поршневичу, объяснить он не мог. В какой-то день он просто осознал в себе наличие подобного умения. Ну а так как пока не придумал, как извлечь из этого какую-то выгоду – тренировался. Заключая образы встречавшихся ему людей в геометрические фигуры; отчего те растягивались, суживались, ну, в общем, изменялись. А Поршневич, представив это, хохотал. Отчего окружающие думали, что он с приветом. А сам Поршневич так не думал. И на самом деле, если только узнать о чем он думал, так можно и самим сойти с ума. Потому что мысли в голову этого человека лезли отвратительные. А иногда даже и гнусные.

А потому и выражение лица у Поршнева было дурацкое. И поступки он совершал неадекватные. Да и сам, по всему, был дурак дураком. Но что уж тут поделать. Какой есть.

2

В какой-то из дней нашего времени (к несчастью, Марий Каспарович Поршневич был не только наш современник, но и я этого человека знал лично) Поршневич решил, что должен сменить работу. До этого он работал художником-оформителем в небольшом цирке. А теперь вдруг решил стать... дрессировщиком.

--Милый мой,--увещевал, готовый разволноваться всерьез главный кадровик.—Ну ведь у тебя нет никаких навыков обращения с животными. Звери тебя съедят, наконец.

Кадровик, слегка полноватый пожилой мужчина с выделяющимся брюшком, устало посмотрел на Поршневича, отметив про себя, что у того какой-то уж слишком непонятный взгляд. Взгляд полного идиота, и одновременно с этим просветленный взгляд гения. Притом что...

--Я хочу работать дрессировщиком,--перебил мысль кадровика визг Поршневича.

--Вы серьезно?—кадровик заинтересованно посмотрел на Поршневича. Было заметно, что в его мозг закралась какая-то идея.

--Серьезно,--кивнул Поршневич.

--Хорошо,--кивнул кадровик.—Я сейчас же отведу вас в клетку.

--Зачем в клетку?—не понял Поршневич.—В клетку к кому?

--Ну, к зверям, разумеется,--уверенно, как о чем-то уже давно решенном, произнес кадровик.—Идемте...

--Зачем...Зачем к зверям?—произнес, не двигаясь с места Поршневич. Его дыхание стало прерывистым. На лбу выступили крупные капли пота.

--Как зачем?—непонимающе взглянул на оформителя кадровик.—Знакомиться.

Поршневу постоял еще несколько секунд, потом неожиданно сорвался с места и убежал.

Кадровик покрутил у виска, потом улыбнулся, вздохнул, и вспомнив, что на сегодня еще должен проследить за оформлением на работу одной из гимнасток, пошел к себе в кабинет.

А Поршневич в это время уже почти добежал до выхода, как внезапно остановился. Секунду-другую подумал, и побежал обратно.

--...Итак, вы прибыли к нам из другого города,--проговорил кадровик, обращаясь к стоявшей перед ним гимнастке, и только он опустил вниз глаза, чтобы прочитать лежащие у него на столе документы, как дверь распахнулась, и на пороге возник запыхавшийся Поршневич.

--Оформляйте!--радостно произнес он, словно бы ему дали время подумать, и он наконец-то решился.

--Кого?.. Кого оформлять,--испуганно переспросил кадровик.

--Оформляйте меня на должность дрессировщика! Я пойду к тиграм!

Гимнастка с восхищением посмотрела на Поршневича. Она была новенькая, и не знала... Она ничего не знала. И могла с полным правом признаться, что ничего не понимает. Потому что начальник отдела кадров, до того сидевший перед ней за своим столом, вдруг схватил пепельницу и метнул ее в голову дрессировщика.

Полет пепельницы сопровождал крик: «в-о-о-н»!!!

Поршневич резко крутанулся на месте, и убежал.

--Действительно идиот,--тут же успокоившись, подумал кадровик, и повернулся к гимнастке: «Так на чем же мы, милочка, остановились?»

.....

Поршневич бегал по цирку в течении двадцати минут. Потом он прокрался к гримерную дрессировщика, нашел там колпак, фрак, и какой-то камзол; одел это все на себя, снял с гвоздя висевший там хлыст, и с криком: «Банзай»! -- выбежал на арену.

В это время там шло представление, и был номер акробатов, стоявших друг у друга на плечах, и жонглирующих предметами различной формы.

Выскочивший Поршневич сбил их с ног, и акробаты, на миг повиснув в воздухе на страховке, спустились вниз. А Поршневич в это время стал щелкать хлыстом, и по всему явно перепутал акробатов в одинаковых сизых камзолах со зверями.

--Апорт! Взять! Фас!-- раздавались команды из уст спятившего Поршнева.

В зале раздался дружный хохот.

--Прекратить!—истощный вопль выбежавшего из-за кулис кадровика слился с потоком аплодисментов благодарных зрителей, уверенных, что это все продуманно изначально.

Когда на арене цирка началась рукопашная схватка, часть зрителей дружно стало листать программку, тщетно пытаясь понять, что же это за номер.

Наконец, дружными усилиями акробатов и главного кадровика удалось скрутить брыкавшегося Поршнева, которого тут же унесли за кулисы.

.....

Из цирка Мария Карповича выгнали. Хотели, было, еще сдать его в милицию за хулиганство, но решили ограничиться только этим.

А Поршнев... А Поршнев неожиданно выпал у меня из виду. Вокруг меня иной раз итак слишком много собирается придурков. Поэтому я был доволен, что на одного стало меньше.

30. 01. 07 год.

рассказ

Любовь к теще

Я не думал, что будет так больно. Быть может, на самом-то деле больно и не было. Скорее неприятно. Досадно, быть может. Да и что такое боль, если мерить не физическим, а моральным аспектом? Так, ничего. Ничего как будто бы и не произошло. Просто меня бросила девушка. Хорошая такая девушка. С длинными желтыми волосами и голубенькими глазками. Стройная и высокая. У девушки (звали ее Люда) была хорошая попка. И Люда очень любила сосать мой член. Даже в то время когда я пытался думать о чем-то светлом и прекрасном, Люда тянулась к моему члену. Я думаю, это выходило у нее интуитивно. Она словно бы чувствовала какую-то тревогу. И снимала ее таким образом.

Люду я понимал. Она словно бы занимала свое место в жизни мужчины (мне было двадцать четыре; Люде семнадцать). И по-своему добивалась этого. Ну, например, начав делать вам минет. Я думаю, она не только мне делала минет. Страсть к оральному сексу была у Люды в крови. Когда я только познакомился с ее мамой, Людина мама покорила меня тем, что отослав дочку в магазин – стала сосать мой член. Я удивился подобному гостеприимству. Оно мне даже понравилось. Но когда тоже самое предложил сделать Людин папа, я стал с опаской приходить в их дом. В этом доме меня могли изнасиловать родители Люды. На пару. Почему-то такое появилось у меня предположение. А Люда удивлялась: почему я так редко захожу к ее родителям? Да я быть может и

вообще бы не заходил, если бы Люда не упрасивала меня, перед этим подолгу сосав мой член. Словно в благодарность я соглашался.

Людиной маме было тридцать четыре. Если бы она была не замужем и не была мамой Люды – я бы на ней женился. Очень была эффектная женщина. И такая гостеприимная.

Папе Люды было не больше сорока. Людин папа работал помощником оператора на Ленфильме. Я думаю, он хотел когда-то стать режиссером. По крайней мере я знал, что он специально этому учился. И даже пробовал снимать фильм. Как я понял – неудачно. То ли смета была составлена неверно, то ли пленки закупили не то количество, но только снято было полфильма. Людин папа обвинил директора в коррупции. Продюсер хотел директора картины посадить. Тот эмигрировал в Израиль. Прихватив с собой снятый фильм. И оставив записку, что доснимет его там. В душе директор наверное хотел стать режиссером.

После этого Людиному папе фильмы снимать не доверяли. Успехом было то, что он стал помощником оператора.

Родители Люды были хорошими людьми. Ее маму я по-родственному называл по имени. Ее папа-гомосексуалист мне чем-то импонировал. Их дочь я считал что любил. По крайней мере, она мне говорила о том, а я полагал неудобным отказываться.

Прожили мы с Людой четыре месяца. Со своим прежним бой-френдом Люда встречалась не больше месяца. Еще один, до него, спал с Людой неделю. Наши четыре месяца я считал прогрессом.

Людина мама и папа хотели чтобы мы поженились. Спросив о том Люду, я заметил, как заблестели ее глазки, и понял, что она хочет того же. Требовалось мое согласие. Я кивнул, и повел девушку в загс. Идти долго не пришлось. У Людиной мамы подруга работала начальником паспортного стола. Через ее связи в один день нас и приняли, и зарегистрировали. Через четыре месяца эта же женщина поставила в наших паспортах штамп о разводе. Люда взяла фамилию мамы. Я решил оставить свою.

После развода Люда приходила ко мне спать. Так мы прожили еще полгода. И не то что мне это не нравилось (Люда знала, чем занять мужчину в постели), но мне хотелось какой-то определенности..

--Чего же ты хочешь?— удивилась Люда.— Штампа в паспорте? Так если он нужен, его без проблем нам поставят.

Говорить девушке о любви я посчитал неудобным. Но судя по ее недоуменному лицу, она видимо все же чего-то ждала от меня. Я признался, что хочу какой-то определенности.

--Ты хочешь знать, что так же будешь заниматься со мной любовью и сегодня, и завтра, и через год?— догадалась Люда о моих мыслях, правда сформулировав их как всегда по-своему.

--Ну, что-то навряде того,-- я кивнул. Я вообще предпочитал соглашаться с женщинами. Пока это мне не надоедало, и я не посылал их на хуй.

--На чей-нибудь другой хуй, что ли?— заинтересовано переспросила Люда, когда я ей сказал что-то подобное.

Я смутился. Я не имел в виду такую буквальность. Скорее мои мысли простирались где-то в плоскости абстракции. Люда же хотела конкретики. Мы были разными. Писатель, я больше летал в облаках. Люда считала своим долгом опустить меня на землю. Я подозревал, что она просто не знает как внизу плохо. Газет она не читала. По телевизору смотрела только сериалы. Не работала и не училась. Типичная проживательница жизни. И в том смысле, что постоянно что-то жевала тоже. Если в ее рту не была жевательной резинки или чупа-чупса – она сосала мой член. Говорила, что ей это очень нравилось. Я ей верил. Член у меня действительно был хорош. Большой и упругий. Если его правильно поддерживать, он мог стоять сутками. Подспудно я искал женщин, которые могли его поддерживать. Как оказалось, женщин таких было много. Когда их становилось мало, я призывал на помощь интернет. Там различных герлз было в избытке. Половина из них была согласна на любого представителя мужского пола. Женщины голодали. Я их спасал от голода. Мой член мне в этом помогал. Все оставались довольны.

.....

Несмотря на мои многочисленные половые связи на стороне, Люда со мной продолжала спать. Быть может ей просто негде было спать? А может она привыкла спать только у меня.

Когда меня не было дома (иногда я уезжал в командировки) Люда спала без меня в моей квартире. Я этому не противился. Когда она стала спать в моей квартире с другими мужчинами, я ей сказал, что с меня довольно ее блядства. Люда сделала вид что обиделась. И потянулась к моему члену. Устоять я не мог. Я жалел эту девочку. Нет, не любил. Я мало кого любил. Может даже не любил никого. Но вот жалость... Это чувство навсегда поселилось во мне. От него я не мог никуда избавиться. С ним мне приходилось считаться. У него приходилось идти на поводу. Жалость я тайно ненавидел. Но поделаться с собой ничего не мог. На каком-то этапе я смирился.

.....

Людины папа и мама желали нам только счастья. Я с ними был согласен. «Ну а почему нет? – рассуждал я.— Счастья хотел не только я. Наверняка каждый в жизни мечтал о счастье. Кто-то (я подозревал) даже стремился к нему».

Но вот что хотела Люда – так и осталось для меня загадкой. Наверняка когда-то она мечтала о чистой и светлой любви. Когда-то верила, что в моем лице нашла свой идеал. Потом поняла что ошибалась. «Идеал» как-то был не похож на действительность. Так она стала считать. А я не стал ее разубеждать. И предложил расстаться.

--Я не могу с тобой расстаться, -- сказала она.

--Почему? – удивился я.

--Но мы же и так не живем вместе?

--Да но...

--Вот в том-то и дело что «но»... -- укоризненно посмотрела на меня Люда.— В том-то и дело что «но». Каждый раз у тебя «но». На все у тебя «но». Ты... ты...

--Мне жаль, что ты меня не понимаешь,-- выдавил я из себя, изобразив обиду. Мне казалось, получилось хорошо. Следующим шагом Люда должна была начать меня жалеть. И мы должны были заниматься сексом. И меня и Люду такой поворот в наших скандалах устраивал. Он был по крайней мере понятен. Доступен для понимания. Не нужно было выдумывать какие-то методики. Достаточно просто извлечь член мужчины, и заключить его в свой рот, начав проделывать необходимые манипуляции губами. Люда это умела.

Я наверное ее удивил, что не дал ей свой член. Она готова была обидеться.

--Я же с чистой душой,-- сказала она.

Я согласился, кивнув. Но члена ей не дал.

В комнату вошла Людина мама. Женщина каким-то образом чувствовала, когда между нами начинались распри. Она выправила Люду, обещав все уладить.

Люда фыркнула и убежала. Через минуту хлопнула входная дверь. В этот момент я вставлял свой член в зад тещи. Для этого женщина наклонилась, подняв юбку и переступая через упавшие трусики. Она давно хотела настоящего секса со мной.

Когда в дверь позвонили, я еще не кончил. Я просто не считал возможным так быстро кончать. Прошло всего полчаса. И у нас с мамой Люды все только начиналось.

--Это я,-- раздался за дверью голос Людиного папы.

--«Старый пидарас может и подождать»,-- подумал я. Людина мама подумала о том же. Мы продолжили заниматься любовью. Женщина кончила уже в третий раз. Я подумал, что тоже могу кончить. Задерживать Людиного папу мне становилось неудобным. «Почему он не взял ключ»? --

подумал я, выстреливая в зад женщины семенной жидкостью. Положив руки на ее аккуратную попку, я вколачивал в нее последние аккорды страсти, когда почувствовал, что на нас кто-то смотрит. На пороге застыла Люда со своим папой. Я должен был уходить.

.....

Люда больше ко мне не приходила. Сетовать на жизнь приходил ее папа. Оказывается, Люда была его приемная дочь. Настоящая его дочь была ему еще и племянницей, и жила со своей мамой, его сестрой. Родной сестрой, ставшей когда-то его любовницей. Сестре было как и его жене, маме Люды, тридцать четыре. Его жена и его сестра приходились друг другу двоюродными сестрами. Детей они родили когда обоим еще не исполнилось семнадцати. Отчиму Люды было пятьдесят четыре. Выглядел он значительно моложе. «Геи» все выглядят моложе,-- согласился «папа» моей бывшей девушки.

Я подумал, как все перемешалось. Когда-то этот мужчина, переспав с родной сестрой, был изгнан из семьи. Взял в жены двоюродную сестру, у которой в семнадцать лет уже был ребенок. Через год после брака понял, что ему больше нравятся мужчины. Тайно стал изменять жене. Девочка подрастала. Мужчина с ее мамой перестал заниматься любовью. Он собирался выдать замуж падчерицу за своего бой-френда. Но тут подвернулся я. И самое интересное, отчим Люды подумал что я тоже гей. Поэтому и вел себя со мной более открыто, чем с другими парнями падчерицы.

...Прошло два года. Уже месяц я встречаюсь с молоденькой девочкой. Ей всего шестнадцать. Когда будет восемнадцать -- мы поженимся. Пока мы даже не спим вместе. Иногда она дронит мой член, зажимая его в ладошку. Сплю я с ее мамой. Женщине сорок два. И она сама предложила вступить с ней в половой контакт. До совершеннолетия ее дочери. Я не отказался. Мы переспали. И ей и мне понравилось. Ее дочь о моей связи со своей мамой не догадывается. Ее мама еще раз напомнила мне, что когда ее дочери исполнится восемнадцать – наш секс мы прекратим. Я вынужден был согласиться. У нас в запасе было еще два года. А за два года всякое может случиться...

02 октября 2006 год.

рассказ

Пилот

Я залез в кабину. Завел двигатель. Взлетная полоса была свободна. Я взлетел.

Через час я приземлился в другом аэропорту. Небольшом, частном. Мой самолет был небольшой. Но это был мой самолет. Мне подарил его дядя, предприниматель. И поначалу было опешивший от такого подарка, я как-то на удивление быстро закончил курсы пилотов, и стал летать.

До этого я летал только в снах. Теперь появилась возможность превратить сон в действительность.

Но самое интересное началось потом. Я помнил, что у меня была целая серия сновидений, в которых я прилетал на какой-то остров. Теперь, наяву, я как-то подсознательно стал искать этот остров. Положение несколько осложнялось тем, что мои сновидения больше не повторялись.

«Ну, хотя бы еще одно»,--умолял я, когда сжег уже сотни литров горючего и начинал убеждать себя что острова не найду.

Мне не хотелось верить, что подобного острова не существует. К тому времени у меня закончилось горючее. Несколько огромных баков дядя подарил в придачу к подаренному самолету.

Неудачный эксперимент можно было завершить. Своих денег у меня на тот момент было немного. Просить денег у дяди было неудобно. Я понял, что моя летная карьера завершена.

«Попробуй отыскать тот остров на машине»,--предложил Веня Гаврилов, мой старший товарищ, литератор, которого я взял за компанию с собой. Тем более то по конструкции он был поход на двух людей. Один был я. Второго решил взять Веню.

Я грустно улыбнулся.

«Это остров»,--напомнил я.

«Ну и что»?—не сдавался Веня.

Он что-то еще говорил. Я уже не слушал. Мне пришла идея продать машину (старенький «Фольксваген»). На эти деньги я мог заправить самолет. Денег могло хватить даже про запас.

Я поблагодарил Веню. Он удивился. Веня понимал, что на машине искать остров я не буду. И чуть прищурив глаза (как мартовский кот) посмотрел на меня. Еще мне показалось, что ему было интересно узнать, что я придумал.

Я признался. Веня захотел машину купить сам. Что для меня было немного удивительно. Я знал, что у него никогда не было больших денег. И даже получая иной раз приличные гонорары, он умудрялся спускать их за несколько дней в ресторане. Тогда вокруг него сразу начинало виться множество саттелитов. Но когда у Вени бывали деньги (что было, впрочем, достаточно редко) он не считал их. Щедро платя за всех и давая огромные чаевые официантам.

В то, что Веня купит у меня «Фольксваген», я не верил. Ему было сорок лет. Он не умел водить машину. Он был слишком тучный и застенчивый, чтобы даже пойти на курсы и получить права. Общительный он становился только когда был пьян. Тогда он даже был более чем общительный.

Веня уверил, что можно быть скромным, застенчивым, и даже полным придурком,-- и все равно управлять автомобилем. От подобной самокритичности я его зауважал.

«На дороге существуют определенные правила, и я уже их начал учить»,--продолжил Веня. Я посмотрел на него с удивлением, но удивление постарался скрыть.

Веня кивнул и видимо собирался рассеять любые мои сомнения.

Мне стало интересно. Переубедить Веню я не решился. И мне стало даже любопытно посмотреть, к чему это приведет. Тем более, признаться, деньги мне были нужны. Я по-прежнему был преисполнен решимости закупить горючего, залить баки, и полететь. К тому же я мог признаться, что после самолета на машине ездить стало неинтересно.

Перед самой продажей (Веня на самом деле нашел деньги) в мой «Фольксваген» врезался «Пежо». В «Пежо» сидела дама. Как только дама начала говорить, я понял что она настолько глупа, что... В общем, мне захотелось сесть и уехать. Хотя я понимал, что авария случилась по ее вине, а значит дама должна оплатить ремонт.

Я задал вопрос о деньгах. Дама раскрыла сумочку, и достав оттуда пачку тысячедолларовым купюр отсчитала мне семь из них. Это было значительно больше, чем я планировал продать автомобиль. Притом что машину она тоже оставила мне. И мою и свою. И улыбнувшись, села в притормозившее рядом такси – уехала.

Я остался с разинутым ртом на улице. Стали приходиться нехорошие мысли.

Я подошел к «Пежо». К дворнику была прикреплена какая-то бумажка. Надеюсь, что она поможет хоть что-нибудь прояснить, я раскрыл ее и опешил. Это была генеральная доверенность на право распоряжаться автомобилем «Пежо».

Я прикинул что «Пежо» стоит порядка 12 тысяч долларов. Повреждения были незначительны. Девушка въехала моему «Фольксвагену» сзади. У Пежо была разбита фара и чуть помято железо. И я понял одно. Мне необходимо было как можно быстрее отсюда убираться. Желательно – на двух машинах.

Я набрал мобильный Вени. Веня получил небольшой гонорар и пропивал его в ресторане. Но у меня не было выхода. Я сказал, чтобы он срочно брал такси и приезжал. Я продиктовал адрес и нажал отбой. Зная, что если Веня тотчас не перезвонит, то приедет.

Он не перезвонил. А я отогнал машины к обочине, поставив их одну за другой. Теперь ни у кого не должно быть сомнений. Машины просто остановились. Тем более по документам я был хозяином обоих.

Ни у кого никаких сомнений не возникло. Да и вообще никого кроме Вени не было. А Веня действительно приехал. И был он даже совсем не пьяный. Вдвоем мы отогнали машины к моему дому. Причем я предложил Вене продать ему еще и Пежо.

Но оказалось, что покупать машину Веня уже передумал. Он еще было пошутил, что с удовольствием купил бы у меня самолет. Но у него не было денег.

Тогда я Фольксваген ему подарил. Все равно у меня еще оставалось Пежо и семь тысяч долларов. И я уже знал, что возобновляю полеты.

У меня было радостное настроение. И мне хотелось шутить и смеяться.

А вот Веня... Веня попросил отвезти его обратно в ресторан. Там его ждала компания.

«Машину-то возьмешь?»—спросил я.

«Возьму»,--признался Веня.— «Но потом».

Я все понял. Как минимум три дня Веня теперь будет пить. Потом еще пару дней отходить от пьянки. А потом еще от нескольких дней до недели будет плакаться на жизнь. После неумеренного приема алкоголя у Вени начиналась депрессия.

.....

Веня появился уже на следующий день. Выглаженный, выбритый, и немного грустноватый.

Как я убедился, это была не грусть, а серьезность. Веня по-деловому справился, сколько он должен заплатить за автомобиль. Я еще раз сказал, что машина ему в подарок. Тогда Веня ответил, что напишет серию положительных отзывов (под различными фамилиями) о моих книгах (я еще немного писал).

Поблагодарив, я благородно отказался. Мне как-то было не с руки пролонгировать даже один из отзывов. Было лучше, если бы не писали вообще, или писали грамотно и искренне.

Тогда Веня предложил познакомиться с красивой девушкой. Я улыбнулся и отказался. Пока красивых девушек вокруг меня было достаточно.

Тогда Веня предложил мне крэк. И посмотрел на меня так, как будто я не мог отказаться.

Я отказался. Постаравшись смягчить отказ улыбкой, и попыткой убеждения его, что он мне абсолютно ничего не должен.

Веня предложил партию сигар. Я с радостью согласился. Сигары я любил. к тому же понял что Веня все равно без подарка меня не отпустит.

.....

А остров я больше не искал. Мне было и так хорошо. Я просто летал на самолете и наслаждался жизнью. И пока мне этого было достаточно...

01.11.2006 год.

рассказ

Сновидение

Как-то раз Артур почувствовал, что его сон слишком затянулся. Сначала он не обратил на это внимание. Потом, подумал, что, вероятно, так и должно быть. Пока, наконец, не понял: страх – (возникший неожиданно, сам по себе, и ощущаемый Артуром как нечто, абстрактно–неразличимое, но все же, вероятно, реально существующее; а до того, что невидимое, – то просто потому, что существует в ближайшей – к фокусу происходящего сновидения –плоскости; и, вероятно, стоит задаться целью заметить его; но, удастся это, – и не исчезнет ли он тогда сам?.. этот сон?!) – начинает постепенно заполнять его всего без остатка. И тогда, впервые – где-то рядом, пока еще тоже не осязаемое, невидимое, неосязаемое, – не явила, во всем представленном великолепии, опасность: что он, собственно, может и не проснуться вовсе.

Были, конечно, еще неуверенные попытки попытаться не придать этому значения. Мол, сон и сон; кто знает – находясь не с внешней стороны, а в самом сновидении – сколь долго тот должен продолжаться. Тем более, что и само измерение времени протекает совсем в другом временном порядке? И когда уже вполне можно было не опасаться, что чего-то не успеешь – сон-то был интересный, и, в какой-то мере, желанный – Артуру все труднее и труднее стало отвечать на неминуемые, и все чаще возникающие вопросы (а, казалось, некоторые из них уже стали прорываться в само сновидение – вопрошая его: не пора ли, собственно говоря, проснуться?); и тогда он, впервые, испугался по настоящему. Это уже была не игра. И, – как только подумал он об этом, – то, тотчас же, – проснулся. Посреди сновидения – застывшим полуответом.

Он открыл глаза; встал с измятой постели; подошел к балконной двери, и попытался ее открыть: ему сейчас просто необходим был свежий воздух. Однако, дверь не поддавалась. Мимоходом пропуская появившиеся было мысли по поводу неудачи, – Артур потянулся к форточке расположенного рядом окна. Тот же результат. Все еще игнорируя вопрос неудачи: хотя уже вырисовывалась явная загадка – Артур сделал несколько шагов и толкнул межкомнатную дверь. Потом еще раз. Та – не поддавалась?!

– Что бы это значило? – неприятный холодок (не предвещавший, – как он знал из прошлых ощущений, – ничего хорошего) пробежал по коже. Артур сел обратно на кровать; помотал головой

(стремясь отогнать остатки сна, и, подспудно предполагая, что проблема в этом). Ощущение опасности не проходило. Спать лег поздно, – пришел в голову ответ. Однако, сама голова была излишне тяжелой (и словно – ватной). Артур вспомнил, что когда подобное случалось раньше – ему всегда на помощь приходила холодная вода. Вода бодрит, – подумал он. Однако, сейчас от этой мысли Артур поспешил избавиться. Что же происходит? – нахмурил он брови и предпринял попытку подняться с постели. Но теперь ему и это не удалось. Более того, какая-то магнетическая сила тянула куда-то вниз. Появилось непреодолимое желание заглянуть под кровать и даже не просто заглянуть – а заползти, спрятаться под нее.

Борясь, какое-то время, со странным желанием, Артур все же решил – ему не противиться; и быстро наклонившись, сначала заглянул (темно), а потом и заполз туда.

Артур ничего не ощущал. Потом перед его глазами неожиданно появилось какое-то действо. Присмотревшись, Артур (словно бы со стороны) увидел себя в нем. И только тут догадался, что это продолжение сна. Правда, сновидение было какое-то другое?! Артуру ничего не оставалось, как предположить, что, во-первых, он вновь спит; а во-вторых, каким-то образом попал в совершенно другое – чужое – сновидение. Он пока не мог объяснить, но чувствовал, что это именно так; словно, – ощущая то.

Какое-то время, являясь безучастным наблюдателем, Артур наконец-то вновь обратил внимание на себя – в (увиденном им) сновидении. И, – уже ни о чем не мог думать. Сначала ему захотелось оправдать себя – (себя настоящего) – тем, что тот, другой, просто похож. Вероятно, Артуру просто не хотелось брать на себя ответственность за совершение – не совершаемых поступков.

Однако, через какое-то время, присмотревшись – (и не отметив для себя не единого – не желательного поступка; как и того, когда бы он сам – поступил бы как-то иначе), – Артур уже с еще более возрастающим интересом стал наблюдать за происходящим. И вот тогда, когда он ощутил себя единым целым с тем, другим, когда слился с ним, – внезапно, как будто, возникла перед глазами темнота; а потом Артур увидел перед собой возвышающееся кресло (вполне схожее с царскими, – отметил он); и... глаза. Вернее, – этот направленный на него взгляд. Он просто не мог его не увидеть. А еще через время, он заметил и обладателя «взгляда». Необычайно худой, словно высохший, бестелесный, старик возвышался в кресле. И какая-то (красно-черная) мантия прикрывало его тело; оставляя свободной только голову – (с бесцветными – редкими и седыми – волосами), да кисти рук (которые не просто лежали на подлокотниках, и были хищнически в них вцеплены).

И вот этот его взгляд... испепеляющий, и в то же время уверенный...

Несмотря на то, что взгляд старика не предвещал Артуру ничего хорошего, он почему-то успокоился. Быть может, потому, что прочел в этом взгляде – интеллект... А к интеллекту Артур питал странную благосклонность.

– Вы должны знать, для чего мы вас пригласили, – услышал Артур голос старика.

(Голос, казалось, ничего общего не имевший с возрастом; ибо, хоть и был он потрескивающий, – словно, пока говорил, кто-то рядом ломал сухие ветки, – но, тем не менее, чувствовалась в нем сила убеждения совсем еще не старого человека).

Только тут Артур заметил, что сам он стоит на площадке, но рядом никого нет. А, чуть ниже, – все пространство (уже, начиная, с нескольких метров от него) было заполнено людьми, с какими-то безнадежно понурыми лицами. Их было так много, что Артуру было трудно сосредоточиться на каком-то одном из них; тем более, что они все были чем-то похожи друг на друга; словно стоял (на самом деле?!) кто-то один, – а другие были лишь его зеркальными отражениями. Одинаковые, серые мантии, – скрывающие все тело, кроме головы; волосы, – такие же бесцветные, как у старика; хотя возраст их, – должно быть был, – все же меньше – стариковского.

Да и, – самому Артуру – (он внезапно вновь увидел себя) – было здесь не больше двадцати; тогда как, на самом деле, – он знал, что почти вдвое больше.

– Но я ничего не знаю?! – попытался ответить Артур, но почувствовал, что просто не может ничего сказать. Он не мог разжать губ; пытающаяся вырваться из него речь, – была не слышна окружающим.

– Какие будут предложения? – вопрошал старик уже зал, и Артур подумал, что он, вероятно, пропустил самое начало; а старик, странным образом, не видит, – что это так; что он, Артур, – просто не знает, о чем его спрашивают; как, – и не понимает, – что здесь вообще происходит... да он к тому же и не может ничего сказать?!..

– Хотя нам все понятно и так, – внезапно вынес вердикт старик, и устало попытался откинуться на спинку кресла, вероятно забыв, что ее деревянная основа намного возвышалась над его спиной...

Артур, попытался, было, сделать шаг к восседавшему на троне старику; он, во что бы то ни стало, должен объяснить тому, что это какое-то недоразумение; что, на самом деле, его с кем-то перепутали; да и возраст же – совсем другой; ведь совсем не он это...

Но не смог сдвинуться Артур с места; а прошло еще мгновение, и ощутил он, как подхватили его чьи-то руки, и понесли, понесли, понесли... и пытался он сопротивляться им; но словно тело его, – уже было и не его вовсе... потому как, не дернулся – ни единой член его... хотя мысленно

уже, – бил Артур своих обидчиков... и по голове, и по туловищу, и по ногам... но ничего у него не выходило; и вскоре ощутил Артур – свежий воздух; ибо волокли его до того, куда-то вверх по ступенькам; и – крепко стиснутый этими людьми (а держали его, не иначе, сразу десяток из них; так что и не мог бы он пошевелиться, даже если бы и хотел), он мог двигать только глазами; и, вращая ими, догадался, что находится на крыше; вокруг была темнота; быть может – ночь; и не было ни ветерка; было тепло и не жарко; так, – что невероятно хотелось жить; но, пространство вокруг, вдруг стало с какой-то необъяснимой скоростью (и в неопишемом круговороте) перемещаться; и только тут он – сразу и неожиданно – осознал, что этот круговорот, и эта необычайная (невесомая) легкость, – лишь только потому, – что он: попросту падает...

...и пока еще мелькали перед его глазами огни «большого города»... но уже не способен был понимать, кому принадлежали они?.. освещающим асфальт – фонарям?.. рекламным щитам?.. светом из окон?.. или звездам?...

...потому как, вращался он, невысказанным (по какой-то непредсказуемости) круговоротом...

А потом, как будто, лопнуло что-то... И ощутил он вспышку. Озарение. И перед глазами. И внутри себя.

И на этом все закончилось.

Какое-то время, он еще пытался, было, удивиться – почему вообще ничего не происходит?.. А потом уже все действительно и закончилось...

23 марта 2004 г.

рассказ

Курортное происшествие

Барашки волн осторожно накатывали на берег. Я сидел на песке, и мне совсем не хотелось никуда уходить. Хотя был уже вечер. Солнце только что скрылось за горизонтом. И по всему - мне все-таки пора было уходить.

"Хотя?.. Почему это пора?"--подумал было я, но вопрос не получил подспудно ожидаемого продолжения, и вскоре я как-то быстро собрался, повесил на шею полотенце, и медленно поплелся в направлении пансионата.

.....

Вот уже неделю моего нахождения в небольшом курортном городке, я уходил, в тайне надеясь покинуть пляж последним. Но всегда обязательно оставалась какая-нибудь парочка, видимо только и дожидавшаяся, чтобы я ушел. Мне это не нравилось. Но наглядно выразить то, что я обо всем этом думал, считал неэтичным. И поэтому понуро брел, краем глаза выхватывая

обворожительный ракурс тел полуобнаженных пляжных обольстительниц, понимая, что скоро они уже наденут вечернюю одежду, которая, впрочем, все равно оставит лазейки для пытливого мужского взгляда, разглядывавшего женские прелести.

При этом я вспоминал слова соседа по номеру, который искренне считал, что большинство из дам, находящихся на отдыхе, мечтают попасть в страстные мужские руки.

Я старался с ним и соглашаться или не соглашаться. Я просто ждал, когда он начнет реализовывать свою теорию в жизнь. Потому что пока он, на мой взгляд, предпринимал все что угодно, но только не то, что, как я считал, было нужно, чтобы понравится девушкам, приехавшим на юг с целью отдохнуть или достойно провести время, в душе может даже и мечтая познакомиться с принцем, который смог бы забрать их с собой, куда-нибудь в Москву, Петербург, или на бескрайние просторы Севера. А они бы тогда, например, могли родить ему наследницу нефтегазодобывающей компании или какого-нибудь прииска.

Но обычно до этого не доходило. И курортный роман на то и курортный, чтобы заканчиваться на курорте.

Хотя так мой товарищ, наверное, не считал.

Но так считал сейчас я. Точнее, отчего-то сейчас стал убеждать себя в этом, и чуть не врезался в "Мерседес", который остановился передо мной, и из него вышел... я.

--Черт побери,--невольное вырвалось у меня.

Но наваждение не проходило.

--Но ведь этого не может быть?--вероятно что-то подобное произнес я, потому что вдруг тот другой - принялся доказывать, что ничего странного не происходит. Да и вообще, все в порядке вещей.

--Да каким же образом...--не соглашался я, начиная выходить из себя.

Но видимо я другой смотрел на все иначе. Потому что он (я?) не только выслушал все мои предположения по этому поводу, но и весьма дружелюбно объяснил мне, в чем, на его взгляд, корень заблуждений. Притом что этих самых заблуждений неожиданно набралось такое количество, что я почему-то сел в машину, и был согласен, чтобы он действительно меня куда-нибудь отвез.

Прождал я, наверное, минут двадцать. Но на водительское кресло никто не садился. У меня мелькнула идея, что все это действительно мне привиделось, а я просто перегрелся на солнце, и зачем-то сел в чужой "Мерседес". "И вполне возможно,--развивал я собственные рассуждения,--в скором времени придет хозяин машины и надо будет разбираться с ним".

"Притом что он может придти с охраной или с милицией",-- тут же дополнил я сам себя, и мне сделалось как-то редкошно нехорошо в душе.

Я уже собрался, было, выскочить из машины, как... мы тронулись. Причем за рулем по-прежнему никого не было. А автомобиль вполне определенно набирал ход.

--Черт-то что,-- хотело промелькнуть у меня в голове, но не успело. Я потерял сознание.

.....

Очнулся я в пансионате, в своем номере. На соседней кровати мирно посапывал сосед.

За окном была ночь. И я совсем ничего не понимал. И, разумеется, мне во что бы то ни стало требовалось узнать, что же со мной случилось за то время, о котором я ничего не помнил.

Я принялся будить товарища.

Он не отзывался. Я встал, включил свет, и собрался повторить попытку, но только тут заметил, что это вовсе был не мой товарищ, а был... я.

Я выругался. Потом еще и еще раз.

Я все еще не мог остановиться (в свое время я чуть было не защитил диссертацию на тему русского мата, и потому, когда это было допустимо, ругался отчаянно и изысканно), а другой я -- уже открыл глаза, сел на кровать, и видимо заслушался.

Я замолчал. А он попросил подолжать, и даже потянулся к блокноту (я всегда носил блокнот в боковом кармане пиджака), чтобы пометить что-то интересное для себя.

Видимо мои глаза расширились от удивления, потому что тот, которого я принял за себя - принял облик соседа. (В зеркале я увидел себя, но это ведь и действительно был я, мое отражение.)

--Объясни мне что происходит?--выдал я из себя.

--Происходит - что?-- явно мало что понимая, пробурчал спросонья сосед. Причем голос его определенно был чем-то недоволен. А то может быть даже и сильно расстроен. А в лице стали просматриваться агрессивные черты, которых ранее я вроде как не замечал.

Он попросил объяснений.

Но что я мог ему сказать?

Рассказать те дурацкие предположения, которые переполняли меня? Или спросить у него какого-то совета?

Но я знал, что любой совет сосед способен был дать, даже до конца не выслушав вопрос. А случилось, вы его даже могли ни о чем не спрашивать, а он уже сам принимался вам что-то объяснять и доказывать.

Мне вдруг показалось, что голос у соседа был какой-то странный. И даже очень походил...

"На твой"--продолжил за меня товарищ.

Я посмотрел на него с еще большим удивлением. Он смутился. Я какое-то время продолжал смотреть на него по-прежнему, потом опустил глаза, и готов был разрыдаться. Видимо

сказалось эмоциональное напряжение. И я понимал, что у меня совсем нет плана, как стоит себя вести. И вообще реагировать на все, что может произойти. Да я и не знал - что может произойти.

Наступило молчание.

.....

Уже светало, а мы все еще не меняли первоначально принятых поз, и уставившись друг на друга, откровенно тянули время, в тайне надеясь, что это когда-нибудь закончится.

Не заканчивалось.

В наш номер стали заселяться новые жильцы. Почему-то их совсем не смущало наличие нас. И они даже (когда проходили мимо) каким-то удивительным образом огибали нас, словно боясь дотронуться. Хотя проход был достаточно узким.

Новыми жильцами стала та самая парочка, которую я заметил еще на пляже. Сейчас они видимо готовились заняться тем же, чем и занимались на песке, дождавшись, когда я уйду.

Но сейчас никого дожидаться они не стали. И девушка быстро стянула с себя футболку (рассыпав по телу значительно превышающие средний объем груди), и притянула за брючный ремень парня, который, не дожидаясь ее дальнейших движений, по-борцовски ловко развернул ее к себе спиной, слегка наклонил, и секунду-другую поманипулировав со своим органом любви - осторожно ввел его между ягодиц, тут же накрывшихся воздушной мини-юбочкой.

Девушка застонала. В ответ на это парень увеличил скорость.

Неожиданно мой товарищ предложил мне помочь им. И только тут я поймал себя на мысли, что мы неотступно и с каким-то даже азартом наблюдаем за разыгравшейся на наших глазах сценой любви. И даже испытываем что-то наподобие сексуального возбуждения от увиденного порно-зрелища.

А потом я каким-то образом абстрагировался от происходящего. И пришел в себя, когда заметил что мой член (почти до основания) погружен в лежащую на спине и захлебывающуюся от счастья девушку. Она уже не могла как-то адекватно выражать свои эмоции. Учитывая еще и то обстоятельство, что ее рот был занят пенисом моего друга, который уже видимо давно готов был финишировать, но что-то его сдерживало. Может наслаждение тем искусством, которое она демонстрировала своим языком и губами. Или наблюдение за стоявшим неподалеку парнем (его мы видели в отражении зеркала), который занимался любовью с собой, наблюдая картину трахания своей подруги и с каждым нашим новым толчком принимаясь еще быстрее орудовать своей рукой, которая уже вместе с обхватываемым ей членом раскалились, и мне даже на миг представилось, что парень размахивает перед нами красным флагом, ну или флажком.

Видимо, все закончили одновременно. Но этого я как будто и не помню. Потому что сначала погас свет. А потом мне стало... совсем холодно. И я проснулся.

И заметил я, что уже глубокая ночь. А я, омываемый по пояс теплой водой (вода в бухте действительно была теплая) лежу на пляже, с которого уже давно все ушли. А я в первый раз за все время оказался на берегу последним. И теперь могу уйти.

Или не уйти. И попробовать вновь уснуть, чтобы досмотреть, чем все закончилось.

Но мне уже все было и так ясно. А потому, повесив полотенце на шею, я направился в пансионат, думая про себя, что теперь придется извиняться перед ночным сторожем. Ранее никогда так поздно я не возвращался.

Но вскоре об этом я уже не думал. Звездная ночь, теплый ветерок, и только что испытанное счастье как-то не позволяли думать о каких-то проблемах. Все было хорошо. И наметив на завтра подойти и познакомиться с парочкой на пляже (невольными участниками моего сновидения) я зашагал побыстрее. Надо было еще немного поспать. Хотя спать и не хотелось...

20 апреля 2006 год.

рассказ

Тайна

И была у него тайна.

Насколько эта тайна была великой, Таничев не знал. Но он знал, что тайна это существует, и это тайна его. Он, именно он, был ее собственником. А если так,--рассуждал Таничев,--то он не только не обязан такой тайной с кем-то делиться, но и мог распоряжаться информацией о ней по собственному, как говорится, усмотрению.

Он и распоряжался. Он мог в какие-то дни судорожно смаковать фантазийные подробности, рождающиеся в его бессознательном, а мог (в другие дни) забыть о тайне вовсе.

Но даже тогда он все равно знал, что тайна с ним. И он не только никому ее не отдаст, но и не даже не расскажет о ней. Не расскажет, потому что Владимир Петрович Таничев верил, что просто обязан жить со своей тайной сам.

Таничев относился к тайне как к невесте, ревновал ее, и предпочитал никому показывать.

Конечно, можно было заметить (и замечали), что подобный взгляд, как и отношение Таничева, к тайне не только слишком субъективен, но и видимо странен. Таничев даже сам не раз (в минуты алкогольных возлияний) о чем-то таком говорил сам себе, но...

Но несмотря на подобное видение ситуации, Владимир Петрович продолжал существовать со своей тайной, веря в нее, и даже немножечко ее скрывая.

Если разобраться, Таничев не знал даже, что из себя эта тайна представляет. Но отчего-то верил (вернее – допускал), что в настоящем периоде времени все действительно может быть так. Тогда как наступит другой период, и что-то может измениться.

--Ну, или же не изменится,--задумался Таничев. Он теперь часто рассуждал сам с собой. Можно даже сказать, что тайна, наличие ее, в какой-то мере изменили Таничева. Хотя он и не склонен был так-то уж признаваться в наличии подобных изменений. Продолжая рассуждать про себя о многом, и допуская еще больше.

И все же тайна была. Таничев знал, что она существует. Знал, верил, и искренне стремился узнать ее. Но узнать так, чтобы об этом знании не только никто не догадался, но и не догадался даже он сам. Так было ему необходимо. Это служило залогом, что тайна останется при нем. И даже если случатся какие катаклизмы, понимал Таничев, он не изменит своего отношения к тайне. Понимая что это, быть может, единственное, что держит его на свете. Что помогает выжить. Что способствует каким-то его стремлениям, и инициирует достижения.

--А значит,--задумался Таничев,--он никогда не станет делиться этой тайно ни с кем.

И в который уж раз приняв такое решение, Таничев успокоился, и приказал себе думать о чем-то другом. Ему всегда становилось легче, когда он что-то себе приказывал. Легче и спокойнее. Да и к тому же, даже если он не думал о тайне, она все равно оставалась с ним. И это было самое главное.

3 июня 2008 г.

рассказ

Странный человек

Ему, конечно же, хотелось свободы.

В чем должна была заключаться свобода – он пока не знал. Рассчитывая что это только «пока», Виктор уверенно заставлял себя жить обычной жизнью. То, что эта жизнь периодически казалась ему странной и даже иногда не очень нужной, он старательно отметал. Правда, ему было немного не по себе, что возникали такие мысли. Но в свои мысли Виктор старался не очень-то вмешиваться, полагая, что любые мысли являются следствием каких-то им совершенных действий. Поэтому можно сказать, что как-то особенно не опечаливался, продолжая жить как жил.

Как он жил? Все сказали бы, что жил он странно и нелепо. Сам Виктор, впрочем, так не считал. Он лишь иногда замечал, что жизнь окружающих немного отличается от жизни его. Но, ссылаясь при этом на какие-то свои (другие?) мысли – предпочитал не обращать внимания.

Виктору Павловичу было 35 лет. Возраст лишь ненамного изменял его внешность, но практически не изменял внутреннее содержание. То есть можно было сказать, что Виктор Павлович

и десять лет назад периодически размышлял примерно о том же что и сейчас, и отчего-то был уверен, что будет точно также размышлять и через десять лет.

Можно было конечно признать, что он был странный человек. Но надо ли кому-то было так признавать? Сам Виктор себе даже в какой-то мере нравился. А что касалось мнения о нем других?.. Впрочем, вполне возможно, что он не обращал на других внимания. Ну или старался не обращать. Продолжая жить своей жизнью.

В своей жизни Виктор предпочитал никого не любить, полагая, что люди не совершенны, а любые виды любви (плотские или духовные) в итоге могут принести только неприятности. Кто-то сказал ему, что так может считать только тот, кому действительно любовь доставила неприятности. Но на самом деле Виктор просто предпочитал не искушать судьбу. Он жил своей жизнью, и ему эта жизнь действительно нравилась. Он за нее был спокоен. Он верил, что это и в дальнейшем позволит уберечь его от излишних волнений. Так-то волнения периодически происходили с ним. Но до какой-то высокой степени тревожности они обычно не доходили. Заканчиваясь на полпути, а может даже всерьез и никогда не начинаясь. Да и Виктору было так спокойней. «К чему искушать судьбу?»—говорил он себе, допуская при этом, что если в его жизни когда-нибудь появится такое искушение, он не отойдет в сторону. В душе ему было интересно испытать что-то такое, о чем он в детстве читал в книгах. То, что такое желание идет из детства, он не сомневался. Но как и прежде предпочитал особенно вглубь не копать, продолжая жить своей обычной жизнью.

А что эта была за жизнь?

Свою жизнь Виктор Павлович делил на несколько основных составляющих. Прежде всего, его работа. Работа для Виктора Павловича всегда была чем-то по-особенному важным. Он работал в сфере энергетики. Был юристом. Вернее, помощником юриста. Периодически, правда, его пытались повысить хотя бы до должности юриста, но Виктору Павловичу всегда удавалось обходить такие потуги начальства. Для него проще было не занимать руководящие должности и не брать на себя какую-либо ответственность. Так ему было спокойнее. Потому что основным в его жизни были все-таки его мысли. Может кто-то и сказал бы, что мысли эти ни о чем, но сам Виктор так не считал. Для него его мысли были чем-то важным и свидетельствовали как минимум о том, что он жил. А жить Виктор хотел. Даже несмотря на периодически случавшуюся с ним депрессию, во время которой он тут же прекращал любые виды деятельности, ложился в постель, и спал.

Депрессии Виктор предпочитал лечить сном. Правда, еще лет десять назад, он их лечил водкой. Но быстро понял пагубность такого вида терапии. И стал спать.

Спал Виктор подолгу. Сон вообще в какой-то мере свидетельствует о крепком здоровье. И хороших нервах. Прежде всего, нервах.

И пусть поначалу это как-то не вязалось с депрессией, позже Виктор и тут нашел выход. Он попросту стал считать, что депрессии у него нет. А его сон – лишь форма релаксации, столь необходимой в жизни.

Когда Виктор стал так считать, ему сразу стало легче. А через время незримым образом исчезла и депрессия. А еще через время он вдруг понял, что никакой он и не юрист. А бизнесмен с юридическим уклоном. Виктор Павлович открыл юридическую фирму. Нанял на работу своего бывшего начальника. Тот привел команду юристов. Виктор Павлович платил всем вдвое больше, чем они получали на прежних работах. И при случае намекал, что если будут хорошо работать, повысит зарплату. Они и работали. Пока у Виктора Павловича не закончились деньги, вырученные с продажи квартиры (он продал квартиру чтобы открыть бизнес). Но как раз к этому времени фирма Виктора Павловича стала приносить доходы. Для покупки новой квартиры, правда, пока было недостаточно, но на то, чтобы арендовать номер в гостинице (Виктор предпочитал жить в гостинице, как когда-то всю жизнь прожил его любимый писатель Набоков), и чтобы действительно повысить зарплату служащим своей юридической конторы.

Со временем Виктор почувствовал, что у него исчезло желание быть бизнесменом. Даже промелькнула мысль попроситься помощником юриста сначала в ту фирму из которой когда-то ушел, потом в свою фирму (у бывшего начальника, работавшего теперь на него), но Виктор Павлович подумал, что это может иметь не очень приятные последствия. И уж совсем будет выглядеть свинством, если смотреть со стороны. Поэтому усилием воли он распрощался с идеей пойти к кому-то в подчинение и просто забросил дела фирмы, повысив в должности своего бывшего начальника и поставив того вместо себя. А сам... А сам решил взять кредит в банке и открыть новую фирму. Виктор Павлович Тетерников вдруг понял, что еще более лучшим средством от депрессии является работа. Увеличение активности и повышение творческой деятельности. Он составил бизнес-план, ему дали кредит (что было небольшой неожиданностью для него), он открыл небольшой ресторанчик, потом взял еще кредит, и открыл продуктовый магазин.

Дела у Тетерникова неожиданно пошли в гору. Депрессии исчезли, как исчез и сон. Виктор Павлович теперь работал почти 24 часа в сутки. Попутно он расширял свой бизнес, открыв еще десять фирм. Потом Тетерников подумал, что ему надо как-то рационально распоряжаться своим временем и – главное – здоровьем. Поэтому в каждую фирму он поставил управляющего. Все его торговые точки и пункты общественного питания приносили пусть небольшой («видимо воровали управляющие»,-- догадывался Тетерников), но стабильный доход. Виктор мог уже позволить купить несколько квартир (что не стал делать, рассудив, что живет все равно один, и ему комфортнее в гостинице), два раза в год стал ездить за границу, еще больше расширил бизнес, прикупив сначала завод, а потом несколько цехов по переработке мяса, в общем, стал жить совсем

даже по другому, если сравнить это с тем, как он жил когда мы встретили его в начале нашего повествования. И тут можно было бы за него в полной мере порадоваться, но забегаая вперед признаемся, что закончил Виктор Павлович так же, как и начал. И даже никто толком не мог сказать, как и почему так произошло. И что уж точно и сам Виктор Павлович Тетерников ничего не мог сказать. Просто вдруг разом у него все исчезло. Он только прилег на пару часов поспать днем (сморила усталость), а проснулся... «Уж лучше бы он не просыпался»,--подумал Тетерников. И понял...

Он вдруг как-то разом понял, что все это был обман. Обман был вызван сном. И может быть даже не то что обман, а просто желаемое Виктор Павлович каким-то нелепым образом выдал за действительное. И когда теперь он вновь оказался в реальности, то понял, что может быть даже ничего такого уж страшного и не произошло. Тетерников вспомнил, что за последние дни очень устал, у него начиналась депрессия, а так как депрессию он лечил сном, то в это время всегда брал неделю за свой счет – недели обычно всегда хватало. И он, было, поднялся с кровати, решив идти на работу и попросить досрочно прервать его отпуск, но вдруг его озарило: он реализует то, что видел во сне – в реальной жизни. Он попросит на работе продлить отпуск, а за это время управится и с продажей квартиры, и с открытием юридической фирмы, позже расширит свой бизнес, ну и все будет так, как уже было. Во сне. Тогда – во сне. Теперь – наяву.

И Виктор Павлович не просто поднялся с постели, а вскочил. И начал действовать. И у него действительно все получилось. Ну, или должно было получиться. Или – могло бы получиться. Потому как, что произошло на самом деле, мы уже не знаем. В то время Виктор Павлович внезапно выпал из нашего поля зрения. Потом мы еще могли с ним встретиться, но судьба каким-то образом все время разводила нас. Правда, периодически до нас доходили какие-то слухи. Но слухам мы предпочитали не верить. Судьба Виктора Павловича все-таки была небезразлична нам. И мы решили подождать, когда появятся точные подробности о том, что потом с ним произошло. Или быть может появиться он сам и все расскажет.

Пока ждем.

11.09.2009 г.

рассказ

Измена

Он не думал, что так быстро все закончится. По идее, подобное могло продолжаться вечность. Ну, или еще достаточно долго. Но чтобы вот так, прервалось все в одночасье?.. Плотников отчего-то был уверен, что так быть не должно.

Вместе с уверенностью у него возникло желание разобраться в вопросе. Вопрос, по сути, был до конца не ясен, но Вадим привык идти до конца. Привык, потому что раньше, как помнил, ему всегда удавалось идти до конца. Вот и на этот раз, смахнув не к месту проступающую слезу («символизирующую утрату»,--подумал Плотников), Вадим Альбертович вытащил из кармана мобильный телефон и набрал номер.

Отвечать ему, видимо, никто не собирался, поэтому, подумав мгновение (и не дав мгновению перейти в вечность), Вадим Альбертович поспешил домой.

Он всегда шел домой, когда в его душе готовился наступить разлад. Вот и на этот раз, стоило ему узнать, что любимая женщина спит с другим, как сознание Плотникова слегка помутилось, и решив не искушать судьбу, он направился домой.

По пути Плотников не купил водки, и даже вообще не зашел в магазин. Это было на него непохоже. Духовно слабый от природы, свои проблемы достаточно длительное время Плотникову удавалось решать с помощью алкоголя. Причем он не находил подобное занятие чем-то предосудительным, допуская что в жизни всякое случается, а уж в его жизни точно. Но сейчас он решил, что вполне может обойтись и без водки. И даже, пожалуй, не то что решил, а как-то само так вышло, что вместо своего обычного в таких состояниях маршрута, Плотников не заметил, как оказался дома. А оказавшись – обрадовался (обрадовался в душе; пока он немного опасался пропускать радость в сознание).

Обрадовавшись, Вадим Альбертович Плотников решил заняться делами, выполнение которых он все время отодвигал. Сейчас понял, что время пришло.

Прежде всего, он внимательно осмотрелся по сторонам (словно вспоминая, что есть в его квартире), остановился взглядом на секретере, подошел, открыл, и засунув голову вовнутрь (так, что ушел вглубь на полкорпуса своего худосочного тела) и замер на какое-то время.

Судя по всему, в его кучерявую голову пришла новая мысль. Словно в доказательство подобного – улыбка на лице Плотникова, который к этому времени уже вылез из секретера, набрал с домашнего телефона мобильный супруги, и справился как дела.

То ли по интонации Плотников намеревался узнать настроение жены, то ли просто чудил, но уже как бы то ни было – он задал свой вопрос, и теперь с нетерпением ожидал ответа.

--Извините, вы ошиблись номером,--ответил мужской голос с интонациями супруги Плотникова. Голос жены Вадим мог узнать из тысячи. Однако сейчас он отчего-то засомневался, и секунду помедлив – набрал вновь.

--Извините, вы ошиблись номером,--вкрадчиво ответил тот же самый голос прокуренного педераста (Плотников только сейчас понял, кого ему все время напоминал голос супруги).

--Подождите,--попросил Плотников, и видимо что-то уже в его голове прозвучало такое, что трубку не положили, а вкрадчиво поинтересовались, какого черта ему надо.

--Мне надо мою жену,--признался Плотников.

Образовалась небольшая пауза, в течение которой Плотников слышал дыхание невольного собеседника, но сам отчего-то молчал.

--Позовите Соню,--попросил Плотников.

--Соню?—не понял мужчина-гей.

--Да... Соню...--уже не понимая где он и кто он, попросил Плотников, словно надеясь, что Соня сейчас действительно подойдет к телефону.

--Хотите, я буду Соней,--предложил мужчина-гей.

--Нет,--быстро ответил Плотников, и уже собрался сам положить трубку, как услышал голос жены.

--Вадим?.. Вадим, это я, Соня... Вадим?

--Да...

--Вадим... Почему ты звонишь?

Плотников хотел сказать что ждет, чтобы Соня вернулась домой. Он вдруг понял, что именно этого больше всего ждет. Сказать, что не держит на жену зла. Что он готов терпеть все ее причуды. И даже если она того захочет...

--Вадим, я не вернусь,--ответила Соня, словно угадав его мысли.

--С кем ты?—спросил Плотников.

--С товарищем по работе,--по привычке, было, ответила Соня, но вдруг поняла, что ей теперь совсем не нужно лгать, что она может стать сама собой, и даже впервые за время своего недолгого брака сказать правду.—Я с мужчиной,--призналась Соня.

Для Плотникова слова жены показались таким откровением, что он на минуту даже опешил, и преисполнился благодарностью к супруге.

--С мужчиной...--медленно повторил Плотников, словно проверяя на вкус это слово.—А кем все эти годы для тебя был я?

Соня молчала. Плотников знал, что его супруге есть что сказать. Что она, собственно, вообще всегда находила что сказать, даже в тех случаях когда сказать, собственно, было нечего. А потому ее молчание на этот раз ввергло его в небольшое замешательство.

--Соня?—позвал он.

--Да...

--Возвращайся...

--...

--Соня?

--Да...

--Возвращайся...--Плотников уже хотел сказать, что она может возвращаться даже со своим мужчиной (если жена поставит такое условие), да подумал, что это, вероятно, будет слишком.

—Соня,--на удивление твердо ответил Плотников.—Давай еще раз встретимся и все обсудим.

--Нет,--ответила Соня, и положила трубку.

Вадим Альбертович набрал вновь прежний номер.

--Алло,--спросил вкрадчивый мужской голос с явно просматривавшимися женскими нотками.

--Послушайте,--попросил Плотников.—Я только что разговаривал со своей супругой. Не знаю кто она вам на самом деле, но не могли бы вы позвать ее к телефону.

--Могу,--запросто ответил мужчина-гей чуть помедлив.—Но может вы приедете сами к нам?

--К вам?—опешил Плотников.

--К нам,--ответил мужчина-гей.—К нам с Соней.

--А вы кто?

--Ее друг,--ответил мужчина-гей, несколько не смутившись подобному вопросу.

--Вы с ней спите?—внезапно спросил Плотников.

--Разве что как с подругой, в одной постели, и не вступая в интимную связь,--подробно ответил мужчина-гей на вопрос Вадима Альбертовича.

Несмотря на явную ложь (Плотников отчего-то подумал что ложь), Вадим поверил.

Поверив, почувствовал, что на душе стало спокойнее.

--Так вы приедете?—спросил мужчина-гей.—Записывайте адрес.

--Я знаю,--сказал Плотников, и положив трубку, стал собираться.

Он действительно знал адрес. Соня работала экономистом в международной компании, занимающейся сбытом на территории России различной продукции. И Плотников вспомнил, что в ее компании как раз был мужчина-гей. Соня еще пошутила об этом, когда вернувшись в первого дня работы обо всем подробно стала докладывать Вадиму, после того как он, целый день прождав супругу один дома (он тогда приболел, и на своей работе инженера по теплосетям взял больничный), и только дождавшись возвращения жены с работы, втащил загадочно улыбающуюся женщину (им обоим тогда было по тридцать лет) в спальню, где принялся заниматься с ней любовью.

После – Соня подробно рассказала о своем первом рабочем дне, как раз и упомянув загадочного мужчину с повадками гомосексуалиста, мимоходом описав где он жил. Сейчас Плотников все вспомнил.

--Как бы этот гом тебя не увел,--подумал тогда Плотников, и сейчас вспомнив те слова, понял, как он был прав в собственных бессознательных предположениях (предположения основывались на том, что из всего штата в полтора десятка человек, Соня больше всего времени рассказывала о загадочном коллеге-гоме).

--Я приеду,-- сказал сам себе Плотников, и стал собираться.

Собирать особо было нечего. Он залез под кровать, поддел плинтус и несколько паркетных плиток, достал из ниши завернутый в тряпку предмет, развернул тот, бережно обтер, снял с предохранителя, сунул в карман, и направился в соседний дом.

Мужчина-гей жил через дорогу. Плотников когда-то встретил его, прогуливаясь с супругой по району. Тогда же они приняли предложение Вячеслава (так звали сотрудника жены) зайти на чашечку кофе. Сейчас Плотников был благодарен за ту встречу. Выйдя на улицу он безошибочно нашел нужную парадную, секунду помедлив, вспомнил даже код (как оказалось, Плотников обладал неплохой памятью), поднялся на третий этаж и позвонил в дверь.

--Кто там?—спросил мужчина-гей голосом с характерной интонацией представителя меньшинств.

Плотников достал пистолет и выстрелил несколько раз.

--Дурак...--подумал он, сползая и держась за живот, куда вошли срикошетившие от железной двери пули.

Ему оставалось жить совсем недолго. Ровно столько чтобы понять, что теперь уже точно жена никогда не вернется к нему. Потому что он умер.

31.01.2008 год.

рассказ

Неприемлемость

Глядя на Якушева, сразу можно было подумать, что перед вами откровенная сволочь. И как бы не прятал этот человек своих глаз - в них читалось все. От презрения к миру - до ненависти к вам. К вам конкретно, и без каких-то иллюзий. Которые Якушев не любил. Их боялся. И старался по возможности жить в непонятном ему мире реальности. Без всяких там абстракций и недоговоренностей. И неприемлемости любого рода лжи, провокаций, и сомнений. От которых, стоило им возникнуть, Павел Романович Якушев откровенничался самым что ни на есть простым (как это виделось ему) образом: матом и хохотом. Сквернейшим (и литературно выдержанным - Якушев был филолог) матом и диким хохотом. Так что, услышав этот смех, принимались хохотать чашки, ложечки, блюдца. И даже занавески. Больше в квартире Якушева ничего не было. Была квартира.

Были занавески (прикрывающие заколоченные фанерой когда-то им же выбитые стекла на окнах). И были чашечки, ложечки и блюдца. И даже тарелок не было. Как не было стола, стульев, секретера, комода и вообще какой-нибудь мебели. Которую Якушев порубил топором, вынес во двор, и сжег. (Чашечки, ложечки и блюдца ему вернули соседи, которые взяли их еще год-два назад, и теперь вернули. Видя что у Якушева совсем ничего нет.)

Павел Романович Якушев жил в коммунальной квартире. Многонаселенной. На десять семей. Пятнадцать комнат. А у Якушева было целых три комнаты. Две из которых он сдавал соседям (которые когда-то и попросили у него посуду), а в одной жил. Один. Потому что семьи у Якушева не только не было, но у него сразу начиналась не совсем адекватная реакция, стоило кому-нибудь заговорить о его семье. Реагировал Якушев на все - вообще неадекватно. Часто вот, например, крушил мебель. Мог даже наброситься на того, кто задал какой-то неподходящий вопрос. Притом что был вопрос "неподходящий" или нет - решал только Якушев. Хотя можно предположить, что и для него что-то было неожиданностью. Например, и такая вот его реакция. Из-за которой Якушев все время терял работу (за тридцать восемь лет жизни он сменил столько работа, что уже и сам не помнил сколько их было). Из-за которой у него не было друзей (через совсем ничтожное время он уже видел в своем недавнем друге - достаточно подозрительного и странного субъекта. С которым надо было непременно расстаться). И наверное из-за этого же, Якушев не мог находиться с женщинами. Потому что, во-первых, у Якушева был весьма завышенный идеал женской красоты; а во вторых, Якушев считал, что всем женщинам надо от него только одного. А этого он невероятно боялся. Потому что стоило Якушеву (независимо от кого и про кого) услышать хоть слово про секс, как тотчас с Якушевым готов был случиться припадок. И уж точно, если бы он увидел вблизи себя женщину (да еще и обнаженную), то сошел бы с ума. Ну, или попытался бы сойти. (Хотя я по-прежнему уверен, что Якушев и так был сумасшедшим.)

Нет, конечно, я не могу сказать, что достаточно хорошо знал Петра Якушева. Хотя, что до него, то он-то как раз считал, что не только отлично знает меня, но и имеет представление обо всем, что я буду делать, о чем думать, и вообще, наверное, Якушев каким-то образом полагал, что знает обо всем, что произойдет в моей жизни. И не раз мне о том намекал. А я лишь загадочно улыбался. Не решаясь спросить, что же в ней в действительности произойдет. И не потому, что был мнительным или не верил Якушеву (и тем более не оттого, что считал его придурком). Как раз нет. Просто мне было неинтересно, что со мной дальше произойдет. Потому что я не верил, что кто-нибудь может об этом знать. Но даже если бы и верил, все равно бы никогда не спросил. Потому что вообще не очень любил кого-то о чем-то спрашивать. Так как знал, что если начну задавать вопросы, то один начнет вытягивать другой. И мне покажется, что собеседник что-то скрывает. А я должен буду, значит, "раскусить" его.

Быть может я сам сумасшедший?

Но речь, слава Богу, не обо мне. А о Якушеве. Который уже достаточно пристально наблюдал за моими измышлениями. Стремясь, видимо, чем-то со мной поделиться.

И вот этого я больше всего и боялся. И старался, насколько будет возможность, избежать подобного разговора. Словно бы заранее видя в самом зарождении темы - какие-то патологические черты. Которые присутствовали, разумеется, у Якушева. И которые неким незримым образом проецировались на всех, кто его окружал. На меня, например.

Потому что я, к несчастью своему, был соседом Якушева по коммунальной квартире. Да еще как раз и я снял у него две комнаты. Одну для себя - другую для своей любовницы. Девочки-студентки. Которая только что вышла замуж за однокурсника. И готова была идти за своим любимым куда угодно. Даже в коммунальную квартиру. Даже в многонаселенную коммунальную квартиру. А мне не хотелось терять свою любовь. И я как дурак - вместо того, чтобы приглашать Люсю (имя ее мне, кстати, никогда не нравилось) в квартиру к себе (отдельную квартиру, где жил наедине со своими книгами с тех пор как нашел своей жене любовника), трахал Люсеньку в коммунальной комнате. Когда она забегала ко мне под каким-нибудь надуманным предлогом.

Честно сказать, моя жизнь меня устраивала не очень.

Я словно бы понимал, что близится она к какому-то логическому концу. И с каждым новым днем подспудно полагал, что как раз этот-то день и будет последним.

Но вот почти тотчас же думал я о Якушеве. Мне отчего-то хотелось спасти его. И даже, наверное, в каких-то своих фантазиях я и действительно его спасал.

Вот только жаль, что Якушев не принимал всерьез каких-то фантазий. Стремясь видеть жизнь в первую очередь такой, какая она есть. Какая она должна быть в его представлении. Ну и какой он, конечно же, видел ее. Причем, в чем-то переубедить его, было невозможно. Да и, как говорится, себе дороже. Ибо, при этом могли вы обрести такого злобного врага, что как только в моей голове проносились какие-нибудь мысли о Игоре Якушеве, меня тотчас же что-то отбрасывало назад. И я чувствовал, что как минимум на йоту становился глупее. Ну а состояние глупости я не переносил ни в каких вариантах.

И потому тотчас же уже забывал и о Якушеве, и, собственно, о "подготовленных" мной вопросах к нему.

И мне даже совсем не хотелось его видеть.

И тогда я убегал. И из коммунальной квартиры. И от Люси. И от Якушева. И даже от своей жены.

И шлялся несколько дней и ночей по каким-то полуресторанам—полупритонам. Вливая в себя бесчисленное количество алкоголя и окружая себя девицами легкого и сомнительного поведения.

А потом возвращался. Достаточно неожиданно для всех.

Причем не только возвращался, но и обычно придумывал какую-нибудь "идею-фикс".
Разумеется, заключающуюся в том: как мне спасти Якушева.

Но Якушев всякий раз забраковывал мой план. Потому что я всегда считал, что сначала обо всем должен рассказать ему.

А один раз я забыл об этом. И задуманный мной план сработал.

Вот только что было потом с Якушевым, я уже не знаю. Ибо Люся (главная участница этого плана) убедила Якушева вообще уехать из города. Потому что бросила она своего студента (экспонатиста, между прочим), оставила, разумеется, меня; и женила на себе Якушева. И они уехали в деревню, откуда, собственно, эта Люся и была.

Но это уже было не по моему плану. Хотя и основную часть его удалась осуществить - Якушев стал мужчиной (Люся стала его первой женщиной). И у него наконец-то прошел страх перед женщинами.

Но как я узнал совсем недавно (мельком встретив в районном центре Якушева и успев обмолвиться с ним парой слов. Причем он меня не узнал. И мне пришлось выдать себя за врача, у которого он когда-то был на приеме - я действительно его когда-то водил к сексологу) страх Якушева прошел только перед одной женщиной - Люсей. Тогда как он других представительниц прекрасного пола он по-прежнему шарахался в сторону.

Но тут уже вполне могло быть делом рук и самой Люси. Которая всегда была до стержности ревнива. И истерична. Хотя Якушеву эта черта в ней нравилась. И смотря вслед удаляющейся и беззлобно переругивающейся паре, я тешил себя только одним: какая-то часть моего плана действительно удалась. Пусть и в несколько искаженном варианте.

Но зато у меня появилось время подумать о себе.

Потому что я наконец-то сбросил с себя эту непосильную ношу в образе Якушева. И стал свободен.

P. S. Через год я узнал, что радоваться мне рано. Ибо Люся с Якушевым развелась. Отсудила у него две комнаты. Снова сошлась со студентом. И внушила Петру Романовичу, что во всем виноват я.

И уже несколько раз находил я в своем почтовом ящике письма, написанные рукой Якушева, с угрозами мне отомстить. Что я, конечно же, от него не ожидал. А потому сдал этого полудурка милиции. И окончательно успокоился, только когда Якушев получил год тюрьмы.

Ну, хотя бы год я мог быть спокоен. А что будет потом - старался не думать. Да и это, наверное, уже тема другого рассказа...

15 апреля 2006 год

рассказ

Прораб

– Сучий потрох! – орал на меня прораб. – На хуя ты вылил краску?!

– Случайно перевернул, – в который уж раз настойчиво повторял я, согласно этикету в той ситуации опустив глаза, и не чувствуя никакой опасности.

Я на самом деле не чувствовал опасности. Да и почему я должен чего-то бояться? Свою работу на стройке я считал чем-то навроде эксперимента. Зная, что там не задержусь. И как только закончится школьная практика, тот час же уйду.

– Нет, ну посмотрите на него! – не унималась эта свинья.

Прораб действительно чем-то походил на свинью. Лицом был схож.

– Перевернул краску, и говорит что «случайно».

Я понял, что все доводы по поводу того, почему я перевернул краску, у прораба иссякли. И скоро у него должны были остаться одни эмоции. И словно подтверждение этому, человек похожий на свинью размахивал руками, рот его открывался, лицо содрогалось в судорогах, но он ничего не говорил. По крайней мере, я не слышал. Может, я думал о чем-то другом?

– Возместишь ущерб, – видимо и сам устав от своих словоблудий, сухо произнес прораб.

– Сколько я должен? – как можно вежливее спросил я.

Прораб готов был разразиться новыми проклятиями, но только затоптался на месте, засопел, и сдержался.

Я внимательно посмотрел на этого человека. Мне показалось, что в душе он добрый. И вынужден был прикрывать свою доброту всякой хуйней, которая срывается с его языка.

– На хуй тебе приносить деньги, – подтвердил мои слова прораб. – Спизди на соседнем участке эту ебанную краску. Они все равно у нас все пиздят.

Я кивнул, не решаясь спросить как спиздить и где, собственно, этот участок.

– Все понял? – с какой-то даже отеческой добротой посмотрел на меня прораб.

Я еще раз кивнул.

Все. Необходимый минимум слов, который должен был мне сказать прораб, был им исчерпан. Поэтому он повернулся, и еще раз строго взглянув на меня, ушел. А я подумал, что теперь наверняка он про меня забудет. И можно вообще не искать никакой участок, а тем более не пиздить краску. Зачем?

Я оказался прав. Хотя и справедливости ради могу сказать, что первое время старался на глаза прорабу не попадаться. А потом я уволился. Получив расчет за месяц, который проработал на стройке.

История имела неожиданное продолжение. После окончания института (я закончил сельскохозяйственный институт), в должности агронома меня направили в близлежащий колхоз. Союз к тому времени уже был на грани распада (как и все после прихода Горбачева), поэтому, только приняв дела, я понял что здесь была как раз та работа какая мне и нужна. Ну, то есть никакая. Хозяйство разваливалось. Председатели колхоза менялись каждый год. Колхозники потихоньку разворовывали хозяйство. И вообще начинался хаос.

Меня это устраивало. Работать по специальности не было никакого желания. Да я бы и вовсе с удовольствием послал бы всех на хуй, но я учился от колхоза, получал повышенную стипендию, и поэтому просто обязан был после учебы приехать в колхоз отрабатывать потраченные на меня деньги.

То, что хозяйство скоро совсем развалится, я понял по тому, что мне предложили стать председателем колхоза. На тот момент я был самым молодым. Главному зоотехнику, главному агроному и прочим «руководящим работникам» было за пятьдесят. И они были тихими пьяницами. Колхозники были просто пьяницами. Хозяйство еще кое-как выезжало на доярках и скотницах. Усталых женщинах предпенсионного возраста, которые работали только потому, что просто не могли не работать. Вся молодежь из деревни сбежала. В город. За лучшей долей. Готов был сбежать и я. И собирался это сделать в ближайшее время. А пока готовился.

.....

В один из дней я прохаживался по вверенному мне хозяйству. Посевную мы провалили. Из обкома должны были нагрянуть на днях, разобраться с этим «вопиющим фактом», – кто-то из районного начальства позвонил, и из всех им высказанных печатных слов это было самое приличное словосочетание. Особенно меня удивило, что районный начальник любил слово «хуй». Когда он говорил «хуй» – чувствовалась, что человек светится от счастья. Да и вообще испытывает к нему симпатию. Может, он был ему чем-то дорог.

– Хуй два! – отчетливо услышал я слова партийного чиновника, когда предложил, чтобы он меня уволил за срыв посевной.

– Хуй два! – повторил он. – Будешь работать как работал. Один хуй у нас все в стране разваливается, – вздохнув, неожиданно поделился со мной он своими мыслями.

– Так, может, уйдем вместе, – хотел предложить я. Да подумал, что скажу при встрече.

– До моего приезда никаких мер не предпринимать! – четко, по военному, распорядился второй секретарь обкома, и я подумал, что у меня есть еще целый день (он должен был приехать завтра) в должности председателя колхоза. А завтра он меня или уволит или повысит в должности. Смотря по тому, как понравлюсь.

Я пошел на стройку. Мой заместитель, пожилой степенный дядька, но такой же тихий пьяница как и остальные, нанял шабашников. К осени они должны были построить новый амбар для хранения урожая. И хоть урожая не намечалось, стройка была в самом разгаре. Я собирался встретиться с бригадиром и честно признаться, что в колхозе нет денег.

Чтобы бригадир меня не побил, с собой я взял тракториста, Николая. Лет Николаю было столько же, сколько и мне. Знали мы друг друга еще с детства. Меня с братом родители привозили в деревню на лето. В деревне жили родители отца. К тому времени, как я приехал устраиваться на работу в колхоз, бабка с дедом уже умерли. И я жил в их доме. А Колька жил напротив.

С решимостью поскорее закрыть вопрос со стройкой, я распахнул дверь сторожки, где, как мне сказали, сейчас находился бригадир.

На меня уставились глаза... прораба с которым я когда-то работал на стройке. Он ничуть не изменился. Все та же свиная рожа.

– Ни хуя себе! – присвистнул он. – Прислали отбывать практику?

Вопрос предназначался мне. Мне даже не нужно было оглядываться. В сторожке никого кроме меня, Николая и прораба никого не было.

– Я председатель колхоза, – как можно строже произнес я.

Раздался гомерический хохот. Смеялся прораб. Он мне не поверил.

В последний момент мне удалось схватить за рукав Николая. Коля отчего-то не любил прораба. И когда я предложил ему пойти со мной, решил, что мы идем того бить.

Сейчас Коля, видимо, подумал что час настал, и решить проломить прорабу башку. Своим огромным кулачищем. Коля мог оторвать от земли трактор.

– Извините, – оценив ситуацию, быстро произнес прораб. – Это нервное.

– Стройку придется остановить, – выпалил я. – Колхозу нечем платить. Извините.

Прораб готов был расхохотаться вновь, но, бросив взгляд на Николая, решил, что не стоит. Вместо этого он достал из сумки, стоявшей под столом, две бутылки водки.

– Закусь я счас достану, – первым среагировал Николай.

Через час мы уже были в хлам пьяные. Сказалось... Да мало ли что сказалось. Скорее даже не что-то конкретное. А как бы все навалилось в кучу. И срыв посевной, и разбазаривание народного

хозяйства (колхозники действительно пиздили все, что плохо лежало), и общий развал колхоза. Да и, наверное, то, что строители работали уже месяц, а платить им было нечем.

Я посмотрел на прораба. Сейчас я чувствовал какую-то близость к нему. Он стал мне родным. Тем более это в какой-то мере был человек из прошлого. А прошлое я любил.

– Про бабки не беспокойся, – утешил меня прораб. – Свое мы получим и на других объектах. Главное что сказал. А так бы проебались до осени, и получили бы прогорклый хуй.

– Так вы и так его получили, – хотел было сказать я. Да передумал.

– Кстати, – загадочно посмотрел на меня прораб. – А ведь ту краску ты так и не принес?

Съебал по тихому.

Я неопределенно пожал плечами, мол, что тут говорить.

– Да ладно, не парься, – по-своему оценив мой жест, произнес прораб. – Нас все равно сразу как ты ушел, перебросили на другой объект. Да и не ты один разливаешь краску. Проехали.

Я благодарно посмотрел на него. И подумал что завтра, во что бы то ни стало, найду деньги. Стройка будет продолжена. А сегодня я решил продолжить пить. Тем более в такой душевной компании...

25 сентября 2006 год

рассказ

Поворот судьбы

Эта сука меня достала. Я познакомился с ней в баре. Меня поразила ее красивое лицо с отвлеченным взглядом. Девушка не вписывалась в стандарты питейного заведения. Музыка ее не волновала. Толпа вокруг – раздражала. Может, она не допила? Не вошла в свою привычную кондицию, когда внутренне успокаивалась, взирая на окружающих.

Я стал приглядываться к девушке. На вид ей было двадцать три – двадцать пять. Наверняка не больше двадцати семи. Чуть выше среднего роста. Худенькая. Ее большие красивые глаза излучали усталость и доброту. Губы были почти не накрашены. Глаза не подведены. Девушка вообще, судя по всему, не особо жаловала косметику. Она мне нравилась. Я любил таких девушек. За внешней строгостью внутри них таилась страсть. И в постели с ними вы могли получить настоящее удовольствие. Нужно лишь было надавить на нужные рецепторы в их мозгах. Зацепить их чем-нибудь. Хотя и изначально такие девушки мужчин ненавидят. Вокруг них вьется слишком много мужчин, желающих их тела. Тело у таких девушек всегда прекрасное. Ничего лишнего. Только то, что дала природа. Небольшая упругая грудь, бедра, худые длинные ноги, плоский живот, упругая и хорошо очерченная попа. Такая попа хорошо смотрится в джинсах. Она словно сама говорит за себя: «посмотри, какая я аппетитная».

Я любил таких девушек. Любил уложить их на живот, и, поддерживая рукой член, осторожно вводить его в их попу. Или в вагину.

Причем если уж и туда, то девушка не обязательно должна была лежать на животе. Можно было и наклониться. Мне важно было видеть ее половые губы. От них я получал дополнительное возбуждение (что-то на вроде легкого возбуждения сопровождало меня всегда при виде женщины, которая готова была мне отдаться). Их я любил целовать. В них я любил вводить пенис. Причем, даже если он еще не успел встать, при попадании в логово женской страсти, он тот час же набирал нужные объемы. Поэтому ни одна насунутая на него пизда не могла пожаловаться, что ее плохо отъебали. Я вообще считал, что если девушка решила переспать с вами, то вы должны были ее хорошенько выебать. Чтобы у нее не появилось разочарование в мужчинах. И она не захотела перейти на женщин.

То, что женщина может заниматься любовью с женщинами, мне нравилось. С еще большим удовольствием я оказывался между ними. И всаживая член в растопыренный зад какой-нибудь мадам, я с удовольствием наблюдал, как другая дама извивается от языка вылизывающего ее пизду женщины, которую ебал я.

Я любил, когда моим пенисом занимаются сразу две женщины. И, наблюдая невольное женское соперничество, происходившее при этом, я всегда с трудом сдерживался, чтобы не обхватить за голову какую-нибудь одну из них, и, всадив до самых яиц член им в рот, излить туда семя.

Обычно я сдерживался. Две девушки в постели это и дополнительная обязанность. Вы должны были тщательно их отъебать. Разочарования от секса с вами появиться у них было не должно. К тому же они должны быть готовыми при случае всегда переспать с вами. Или по быстрому сделать вам минет. Когда у вас было совсем мало времени, и вы предпочитали излить семя не в пустоту, а в чей-нибудь миленький ротик.

.....

– Вы скучаете? – подсел я к той девушке в баре.

На фоне промелькнувшего на ее лице недовольства, появилась улыбка.

– Почти, – ответила она.

– Если вам здесь скучно, поехали ко мне домой, – предложил я.

– И что мы будем там делать? – ухмыльнувшись, с вызовом посмотрела на меня девушка.

«Ебаться, милая, ебаться», – говорил я уже в своей квартире, когда девушка неожиданно решила воспользоваться моим предложением.

В постели мне пришлось с девушкой поработать. По всей видимости, у нее была нарушена психика. Потому что, в течение получаса она, то с жадностью набрасывалась на мой хуй, всасывая его в себя, то становилась на четвереньки, чуть ли не умоляя, чтобы я непременно отъебал ее в такой позе; а то и тихо всхлипывала, забравшись с ногами на мой всегда разложенный для секса диван, обхватив руками свои согнутые длинные ноги и уткнувшись в колени лицом.

Через минуту она вновь готова была ебаться. Но уже расхотел я.

«Может у нее заканчивается действие наркотиков?» – предположил я, подумав, что девушка вполне могла использовать кокаин или какую-нибудь барбитуру. И употребить это, когда пошла в туалет, после того как вошла со мной в квартиру. «Черт его знает, какую она приняла дозу», – подумал я.

– Мне действительно нужна доза, – призналась Оксана, когда я поделился с ней своими предположениями. – Но не кокаин и не барбитура... Героин. Мне нужна доза героина. И тогда я снова буду веселой, – попробовала улыбнуться она. Улыбка вышла вымученная. Видимо у девушки уже начиналась ломка.

– Ты знаешь, где достать героин? – становиться свидетелем ее мучений я не хотел.

Девушка кивнула, опустив голову, и из-под лобья подарив мне один из тех взглядов, от которых мой член подскочил, в предвкушении интересной работы.

– Сколько нам добираться до места? – по-деловому спросил я, всматриваясь в наручные часы.

– Если на такси, минут сорок – сорок пять, – быстро ответила девушка.

– Ну, тогда несколько минут погоды не сделают, – сказал я, и, повалив несопротивляющееся тело на диван (тело было одето в юбку и пуловер), лег на девушку, отодвинув в сторону мешающую моему члену ткань ее трусиков. Иногда на меня накатывало сиюминутное желание. Труссы с девушек в таких случаях я не снимал. Просто отодвигал в сторону ткань и беспрепятственно проникал в их пизду. Они не сопротивлялись, а иные из них даже радовались.

Через минуту я разрядился в девушку оргазмом. «Ей кончать было не обязательно, – подумал я. – Слишком мало времени. Да и все равно наркоманка...».

Удивительно, но то, что девушка употребляла наркотики, невероятно раскрепостило меня. И я и без этого любил то свое состояние, когда могу говорить все, о чем думаю. Если вижу сексапильную девушку – признаюсь ей, что хотел бы переспать с ней. Если какая-то мужская харя

не отрываясь смотрит на меня – спрашиваю почему он так смотрит? Готовый в любую минуту к бою.

Но иногда на меня накатывала совсем другая хуйня. Неожиданно я становился вежливым, мягким, и бесхарактерным. Если меня задевали плечом в метро – я извинялся. Если кто-то нагло пер на меня – я уступал дорогу. Я не любил такое состояние. В соответствии с ним я был «жертва». А мне хотелось стать «охотником».

.....

Девушка вылезла из-под меня. Поправила юбку. Промокнула свою пизду полотенцем, которым я до этого затыкал ей рот, чтобы она не кричала. Хотя она умудрялась стонать и сквозь него. А от женских стонов мне трудно сдерживаться. И хочется не просто кончить, а заполнить сосуды стонущих передо мной баб до краев. Чтобы даже выливалось.

.....

...Мы видимо заблудились. Девушка уверенно назвала таксисту адрес. Надавливала на кнопку звонка в ту квартиру, где раньше, как ей казалось, уже несколько раз покупала наркотики. Но дверь никто не открывал.

– Может мусора спалили хату? – предположил я.

– Да нет, эта блядь дома, – простонала девушка. У нее был озноб. На лбу выступили крупные капли. Лицо осунулось, глаза сделались злыми, улыбка с мученической сменялась на саркастическую. Ей нужна была доза. Срочно. Иначе...

– Ты выйди, погуляй около подъезда, – посмотрела сквозь меня Оксана. – Боится, – выдавила она из себя, кивнув на дверь.

– Я жду тебя на улице, – нарочито громко сказал я. – Пока поймаю тачку.

.....

– Хочу ебаться! – потупив взор, призналась девушка, когда мы переступили через порог мой квартиры. Минет она попыталась сделать еще в машине. Но я позволил ей только запустить руку в штаны, и поглаживать член, который тут же встал. Водитель пожелал нам удачи, когда помимо оговоренных пятисот я дал ему еще столик «на чай».

Оксана видимо успела шырнуться в квартире наркодилерши. И с собой купила еще две дозы. Что ей было не радоваться!

«Только не сделай передозировки», – попросил я, когда, отдыхая после многочасового траха, заметил что Оксана потянулась к сумочке. Ей нужна была еще доза.

Ответом мне была ее извиняющееся улыбка. Мол, извини, такая вот я. Но зато ты меня можешь ебать сколько хочешь. Я на все согласна.

И я снова ебал ее. С девушкой-наркоманкой не может быть будущего. Но пока она под кайфом и с вами в постели – вам больше ничего не хотелось.

.....

Когда через несколько дней кончились наркотики, подошли к концу и мои деньги. Я не горел большим желанием идти и снимать их с карточки. Она колола себе героин, я вливал в себя водку. И вообще я подумал, что устал и от водки и от секса. И знал, что если сейчас усну – просплю несколько суток.

– Ты один? – позвонила знакомая бортпроводница. Подходили праздники. Ее рейс только что прибыл в аэропорт.

У нее было несколько дней, которые она хотела провести со мной. В ближайшем будущем мы планировали пожениться. Хотя по поводу бортпроводниц у меня всегда был один и тот же стереотип: их ебут члены экипажа. Но в отношении моей бортпроводницы, на удивление, это меня только возбуждало.

Я ни разу не сказал ей о своих предположениях. Сейчас мне нужно было выпроваживать Оксану, чтобы встретить Ксюшу. Я поймал себя на мысли, что у двух моих девушек схожие имена. Притом, что у меня вообще есть гражданская жена. Олеся.

Олеся жила на Украине. Неделю каждого месяца я проводил с ней. Когда бывал в командировке. Одно из украинских издательств издавало мои книги. И я приезжал то ли контролировать процесс, то ли трахать Олесю. Олеся, Ксюша, Оксана – суть одно и то же имя. Каким-то бессознательным образом я влюбил в себя девушек, которых мог бы назвать каким-нибудь одним именем. Любым из трех.

.....

Оксана уходить не хотела, и, перевернувшись на живот, уснула. Я посмотрел на нее, сонную. Во мне проснулось желание. Пришлось отьебать девушку. А потом ее выгнать. Через час (уже позвонила) должна была приехать Ксюша.

.....

Оксана позвонила через два дня. «Я обиделась, – призналась она. – Но я очень хочу тебя». Вечером был рейс у Ксюши. Я условился с Оксаной забрать ее из того бара, где мы когда-то познакомились. «Я могу приехать сама. Сейчас», – предложила Оксана. «Сейчас не надо», – сказал я, заметив щелкнувшую задвижку двери в ванной комнате. Ксюша закончила принимать душ. И в наших планах был ужин в ресторане.

.....

Уже год я живу с тремя женщинами. Это была альтернатива одиночеству для каждой из них. Это была возможность для меня иметь в постели трех женщин сразу. Книги мои стали издавать на Западе. Олеся переехала ко мне из Украины. Ксюша уволилась из «Аэрофлота». Оксана перешла с героина на крэк. В перспективе я хотел бы, чтобы она курила только траву. Траву я курил сам. Траву я научил курить Ксюшу и Олесю. По сравнению с другими наркотиками трава была безвредна. Если не увлекаться. Мы жили втроем и в свое удовольствие.

Пока ничего другого я желать не хотел.

30 сентября 2006 год.

рассказ

Просветление

Он знал, что всегда и всего добьется сам.

Как ни странно, но Захар Максимов не верил никому, хотя по профессии вроде как верить был обязан.

По профессии он был учитель. Закончил когда-то Ленинградский пединститут им Герцена. Всеми силами своих преподавателей, казалось, должен был нацелен на доверие к окружающим.

Но окружающим Захар не верил.

Как не верил вообще никому.

Потому как открылась Максимову как-то истина. Истина была не совсем хорошая, а может даже и вредная. И суть ее сводилась к тому, что Максимов понял, что все его хотят обмануть. Но со временем это оказалось совсем ничто перед тем, что осознал Захар Максимов, что почти все люди (за малым и незначительным исключением) выдают себя за нечто большее, когда общаются с вами. Всем людям бессознательно хочется показать свою значимость. И это находит вечное утверждение в нашей жизни. Сам Захар, как только выдвинул подобную гипотезу, так тотчас же стал находить подтверждение ее. Причем это совсем уже не важно, что открывшаяся тайна поначалу его так смутила, что он не поверил сам себе. А поверив - старался даже (стыдно признаться, но это так) забыть сделанное открытие. Он понимал, что не всем людям становится комфортно от того, что на

этапе какого-то просветления им открывается нечто большее, чем остальным. Ницше с Шопенгауэром от подобного просветления сошли с ума. Фрейд двадцать лет сидел на кокаине, и если бы не тот, то вслед за гениальными философами тоже бы спятил.

Все дело в том, что видимо, как понял Максимов (Максимов после института закончил аспирантуру и защитил диссертацию), судьба выборочно относится к тем, кто стремится узнать больше о жизни, чем остальные. И хоть на каком-то этапе приоткрывает дверь - в ответ жизнь часто просит несравненно большее. Здоровье. Чаще всего - психическое (как бы заодно и страхуясь от озвученных первооткрывателями открытий).

И тогда уже не важно, что да как, потому как люди, которым уготовано судьбой совершить открытия, уже словно изначально необычные люди. И они не только стремятся, но и уже заранее готовы на многое.

Захар Максимов был готов на все. А потому он нисколько не удивился, когда понял что через какое-то время остался практически один. Вокруг по-прежнему было много народа, но эти люди уже не замечали его. Или, вернее, он не обращал внимание на них.

И все стремился к чему-то такому, отчего в душе его рождалась загадочная улыбка. А по телу растекался поток счастья.

Потому как это и действительно было счастье. Счастье еще и потому, что после всего произошедшего с ним, почувствовал Максимов необычайную силу и уверенность. И уверенность эта распространялась абсолютно на всю его жизнь. На все сферы этой жизни. На все, к чему он раньше лишь только подступался, не зная, насколько окажется способен оценить это все.

Но оценил.

А, оценив - осознал, что без этого совсем не может. Что как раз перед ним сейчас происходит все так, как он это и хотел раньше. Как он к этому и стремился. Как, наконец, он и намеревался все сделать.

И по-прежнему Захар Максимов был уверен в себе. Но сейчас эта вера значительно умножилась. Сейчас словно бы дополнительно оказывала влияние на него какая-то решающая и невидимая сила. Которая позволяла достигнуть почти и вовсе невозможного. А, достигнув этого - двигаться дальше.

И движение это поистине казалось безграничным Захару Максимова. Потому что не существовало ничего, что способно было бы остановить такое движение. Ведь не ясна была составляющая его. Это только наблюдая в одной плоскости можно было различить движение направления Максимова. А если посмотреть иначе. Если вдруг увидеть то, что ни ему, ни другому ранее было попросту незаметно. Что он если и замечал, то не считал что это-то как раз и есть то, что ему нужно, что ему не доставало.

Нет. Все дело в том, что сейчас-то как раз все и действительно было по-другому. По-другому чем раньше. Это раньше Максимов бегал по кругу; периодически уставая, но так и не достигая цели, потому как одна цель всегда наслаивалась на другую.

Сейчас все стало иначе. Сейчас Захар четко (ну, предположим, более-менее четко) видел и осознавал свое движение. Ему хотелось, чтобы было так, и это на самом деле было так. При том что если только предположить нечто (или намного) большее, то как будто уже и не заметно было каких-то негативных моментов; притом что те существовали.

И так выходило, что как раз наличие их на определенном этапе мешало Максиму. Не отвлекало даже, а, наверное, и вовсе уводило в сторону. От чего приходилось периодически сверять курс. Стараясь делать работу гораздо большую, чем этого бы требовалось при соблюдении ряда иных условий.

Но ведь оптимальные условия в большинстве случаев могут быть только в лабораторных условиях. И Максимов был практик. И оставался он практиком несмотря на то, что по складу характера на самом деле больше чем кто иной был он гуманитарий. И нравились ему в равной мере и математика и литература с историей. И, помнится, он долго не мог сделать правильный выбор, что да как. Пока, наконец, не решил, что подходит ему больше всего. А решив, стал воплощать ожидаемое - в действительное.

Можно предположить, что не все у него получалось.

Даже следует сказать, что получалось много меньше, чем он загадывал.

Но уже словно независимо ни от чего, судьба выдвигала в первый ряд совершаемого им как раз то, что в последствии, оказывалось, и было ему необходимо. Притом что во время такого выдвижения он как будто и не знал, что все получится в последующем. А вот нет - выходило что получалось.

И уже осознание этого давало Максиму какую-то свою силу и энергию. Благодаря такой энергии он двигался вперед. Благодаря такой энергии он научился не сдаваться перед первыми трудностями. Интуитивно улавливая возникновение оных, и делая шаг (в последующем так у него получалось) на опережение существующего момента. Момента, за который он действительно успевал совершить многое. Момента, при котором Максимов находил наибольшее расположение у судьбы. Судьбы, в которой ему с этих пор сопутствовала только удача. Ведь при таком раскладе он понимал, что нет больше чего-то странного да загадочного в его жизни. Жизни, которая в такие разы представала удивительно открытой ему. А его память посещали такие воспоминания, которые до этого бывали только во сне, или в результате совсем уж длительной мыслительной деятельности. Когда невообразимым образом перемешивалось все и вся. Когда он явно осознавал, что будущий

путь его выглядит весьма удивительно очерченным, ясным, и вообще таким, каким он и должен быть.

И это, наверное, было действительно главное, что понял Захар Максимов. Человек удивительной судьбы в своей настоящей, в котором жил он сейчас и находился в полном здравии рассудка. Ведь глупо было бы говорить, что он был неадекватен (как пытался говорить кто-то), или что в его сознании наступило временное затуманивание этого сознания.

Это было не так. И сейчас Максимов это знал лучше, чем кто другой. Да и не верил он другому. Как, наверное, по-прежнему не верил и себе. А просто жил в своем новом состоянии просветления. Находя его как минимум уникальным, чтобы избавляться от него.

Да и оно ему было на самом деле необходимо. Становясь уже даже тем, без чего он не смог бы больше жить, и совсем не знал (вспоминая прошлое) как жил раньше.

Но что такое раньше, когда жил он сейчас. И именно сейчас пользовался свалившимся на него счастьем. Стараясь не замечать негатив, стараясь вообще не замечать ничего лишнего. Оно было ему попросту не нужно. Он хотел только одного - счастья и покоя.

И то и другое было ему гарантировано новыми условиями его существования. И испытывал он от этого только радость.

28.11.2007год.

рассказ

Чудак-человек

1

Это было настоящее безумство. Он сам бежал от своих желаний, но при первой же возможности - удовлетворял их. И ведь не то, что желания были какие-то странные, или еще как. Тут было важно даже не это. А сам факт того, что он не мог сдержаться. Сдержаться, чтобы не дать волю пороку. Именно это его удручало.

Ну, в какой-то мере действительно удручало. Хотя и знал он, что обо всем, что происходило с ним, не будет знать никто. Потому что словно специально (а на самом деле действительно по привычке, страхуясь) Вилен Борисович уезжал из города в город соседний. Где и предавался откровенной страсти. Причем страсть его совсем не носила характер чего-то запретного. И чтобы удовлетворить ее, совсем не надо было уезжать из Москвы. А вот словно бы приходилось. Да и так, должно быть, считал он, ему будет спокойней.

И был видимо прав. Разве что права у всех различались. Так же как и понимание чего-то, что может происходить по-разному. И это Вилен Петрович понимал, и с этим соглашался.

.....

Время проходило без каких-либо особых нововидений в его жизнь. В том плане, что все было так как всегда. Разве что удовлетворение страсти он уже не считал пороком. Хотя и зарекаться было рано. Потому что совсем скоро Вилен Борисович начал испытывать столь мучительное чувство вины, что даже на миг потерял контроль над реальностью.

И этот миг растянулся удивительным образом. Потому что оказалось (позже оказалось), что успел за миг Вилен Борисович (ему был сорок один год, он был старший научный сотрудник оборонного НИИ, жил в Медведках, работал в Москве) совершил как будто столько, что позже искренне удивлялся, как это все у него получилось.

Что он совершил? Ну, прежде всего, стал откровенным негодяем. Еще? Устроился на полставки сутенером. Еще? Стал добровольным осведомителем органов правопорядка (при этом с удивлением узнал, что добрая треть его знакомых также как и он тайно стучит органам).

Среди оставшихся нескольких пунктов результата случившегося с ним можно было назвать вроде как не относящиеся к делу поступки, потому как они вполне были свойственны Вилену Борисовичу прежнему: страсть (разве что сейчас он весьма увеличил непотребство, насыщая свою жизнь дополнительными эмоциями в виде заметного увеличения числа партнерш, причем стал использовать спаренные варианты, приглашая к себе в номер девушек по парам - 2-4-6...) и искреннее желание самоутверждения.

Странно, но ведь действительно так получалось, что всеми действиями Вилена Борисовича Каримова руководило его желание самоутвердиться.

Так считали некоторые знакомые (попутчики по жизни). Но вот те, кто знал Вилена Каримова уже большее время, видели во всех его поступках просто наглость зарвавшегося еврея (как ни странно, внешне похожий на эту смесь узбека и англичанина, Каримов был еврей по маме, Саре Абрамовне; папа, Борис Мухтарович, был полу-узбек, полу-англичанин).

Притом что ни те, ни другие не ведали, что всеми действиями Вилена Борисовича как раз руководило желание высвободиться от чувства вины, окутавшего его сознание великой тяжестью, и фактически довлеющего над всеми его поступками. И тут уже как раз страсть - была именно подтверждением всего этого. Ибо пускаясь в разврат, Вилен Петрович тем самым сублимировал в страсть страх и невротическое беспокойство, являющиеся следствием развития в его сознании чувства вины. Перестуки же с властями объяснялось просто его неумением отказать. Его вызвали, провели беседу, сказали что знают, что он предоставляет мужчинам проституток, отмахнулись на его объяснение, что не проституток, а знакомых девушек, и не мужчинам, а знакомым мужчинам; и что на самом деле надо рассматривать это не как предоставление женщин для обслуживания мужчинам, а как помощь испытывающим проблемы в сексуальном плане мужчинам обрести хоть

какую-то любовь. На это ему сказали, что даже согласны, что он этим должен заниматься. Но попросили докладывать обо всем подозрительном.

Вилен Петрович не знал, что может стать этим подозрительным, и на всякий случай стал докладывать обо всем. Причем не только в устной форме, но и в письменной. И вскоре завалил сотрудников органов такой глупой и ненужной информацией, что те через время пригрозили ему всеми возможными карами и мерами устрашения. После чего Каримов смирился, и стал стучать по существу. Причем так редко, что вскоре казалось, о нем все забыли.

Ну а в институте он словно неожиданно получил повышение, став сначала заведующим подотдела, а после и заведующим отделом (включавшим в себя несколько подотделов).

Что же до страсти... Ну, что касалось страсти, то, в общем-то, все оставалось неизменным. Разве что Каримову пришлось жениться. Но жена оказалась такой не сдержанной в сексуальном плане дамой (хоть и была старше на пару лет Вилена Борисовича, у Зои Львовны была туча поклонников ее тела), что Вилен Борисович достиг с супругой что-то вроде консенсуса. И они теперь пускались во все тяжкое, но только врозь (смотреть как трахают жену -- Каримов не мог; Зоя Львовна тоже ревновала).

2

Вполне можно было предположить, что жизнь Вилена Борисовича принимает новый оборот.

Еще точнее,-- подобный оборот жизнь предпринимала каждый день. В том плане, что каждый день было все по-разному. И ведь не всегда все складывалось удачно. В иные моменты Каримов мог и раскаиваться в том, что происходило с его участием.

Но вот как-то обратил внимание, что раскаяние стало какое-то... ну, не натуральное, что ли. И даже может и не раскаяние это было вовсе. А так. Какое-то подобие ему.

Ну а раз так, то чтобы понять Каримова, необходимо было, как минимум, предположить, что было у него в голове. Ведь помимо всего прочего это был еще и очень умный человек. Шахматист. Ну а его перемены настроения... Так, в общем-то, было бы и неплохо выяснить следствием чего они являлись. Вряд ли тут прочитывалась какая патология психики. Скорее всего - просто внутренняя несдержанность и буйство души. И если это так, то была определенная надежда на то, что Каримова удастся урезонить. Привести его поведение в надлежащие рамки. Да и вообще...

Ну, в общем, все было понятно и так. И тогда все, что было необходимо, это еще хотя бы немножко понаблюдать за ним. Чтобы после, проанализировав его поведение в тех или иных ситуациях, сделать выводы. А еще позже,-- подвергнуть подобные выводы пересмотру.

Потому что было предположение, что Каримов все-таки - особенно в последнее время - стал слишком много играть. Как бы - выдавать несуществующее - за реальное. И его поступки были одни, а мысли при этом совсем другими.

Ну а если разобраться, он видимо и раньше играл. Просто игры эти не носили каких-то серьезных смысловых оттенков. Хотя и можно предположить, что сам Вилен Петрович задумывался над происходящим с ним. И даже искал какого-то выхода. Хотя?

Все-таки сложный он был человек. Тут уж можно было не отрицать. Сложный, да и не стремился к какой-то простоте...

3

И все-таки было загадкой, почему Вилен Петрович был чудаком, и был ли он им вообще? В первую очередь следовало понять градацию чудачества. И тут можно было заметить, что она заметно различалась у разных людей. Что же до Каримова, так он, по сути, несмотря на возраст, себя все еще искал. И можно было предположить, что через какое-то время себя он найдет. Ну и после этого все в его жизни изменится. Причем было даже не важно, в лучшую или не в лучшую сторону. Скорее важен был сам факт. Факт стремлений Каримова к каким-то изменениям.

И уже словно бы этот факт указывал на великий потенциал Вилен Петровича. И наверное еще многое могло быть у этого человека впереди. И что уж точно, было бы еще больше, если бы сам себя он не загонял в какие-то ненужные рамки. Обрекая тем самым если не на страдания, то, что уж точно, на непонимание. А раз так, то вполне разумно, что жизнь его становилась загадочна. И становилось непременно важным эту загадку разгадать. Тем самым облегчив судьбу. Ну, или если не саму судьбу, то что уж точно - понимание ее. Понимание и объяснение тех или иных поступков. А от этого могло стать и действительно легче. Но вот будет ли действительно от них легче самому Вилену Петровичу? Ведь уже было понятно, что он весьма сознательно усложнял свою жизнь. Словно пытаюсь запутать ее так, чтобы уже после точно было невозможно разобраться. Невозможно, да и что уж точно - весьма трудно.

Но он был к каким-либо трудностям готов. Да и вообще, в какой-то мере, был благодарен судьбе за то, что она присылает к нему такие трудности. Для испытаний. Ну и, должно быть, для роста личности. Ведь он знал, что любые трудности, противостояние им, личность закаляют. А значит и верил, что все у него будет хорошо. Верил, или убедил себя верить.

.....

Вилен Петрович вновь вернулся к своим занятиям, оставленным было на время. Теперь он подходил к исполнению их более искусно. Органам, кстати, уже не стучал. А лишь только изредка перестукивал. Устраняя конкурентов.

И вскоре стал контролировать определенную территорию, где размещались на трассе его девочки. Которые зарабатывали ему на жизнь (другие занятия кроме сутенерства он оставил; они не приносили такого дохода). А он их всячески оберегал и лелеял. Подкладывая тех клиентов, которые приносили существенный доход.

Но вскоре ему это опротивело. И он отпустил своих девочек на волю. А тех... тех почти сразу же подобрали его конкуренты.

А еще через время, начались массовые аресты в среде его недавнего заработка. И у многих людей отобрали таким образом хлеб. И принесли его Каримову. Который, поднявшись таким образом, открыл легальный бизнес: ресторан.

И пусть доходов ресторан особых не приносил (по причине воровства работников и не умения вести бизнес Каримовым), но вдосталь покушать Вилен Петрович мог.

Он и кушал. И пил. И вообще, вроде как, наслаждался жизнью. Понимая, что эта жизнь может быть абсолютно различной. Главное отличие - как вы сами смотрите на нее. Под каким углом различаете жизненные ситуации. Что для вас может быть вообще лучше. Какое жизненное поведение. Ну и вообще, понял Вилен Петрович, что можно что-либо делать и так и этак. И как только понял, стало ему значительно легче и свободней.

И он стал смотреть на жизнь только с хороших и добрых позиций. Интерпретируя все происходящее с ним исключительно в позитив. И получая от всего теперь исключительную радость. И наслаждение. Чем и жил.

27.08.2007 год.

рассказ

Любовь из прошлого

1

Я смотрел на нее и думал: «когда-то я эту женщину любил...»

Мне нравилось ебать ее.

Именно ебать, а не заниматься любовью. В занятиях любовью было что-то приличное, даже может быть эстетическое. Я занимался любовью со своей первой женщиной. Занимался любовью с девушкой, которую больше всего любил. Занимался любовью с женщиной, любви которой долго добивался. Марину же я просто ебал. Ебал там, где находило ее мое внезапно вспыхнувшее желание. Между нами не было любви. У нас был животный секс. Секс без прикрас и без

условностей. Я мог запустить руку под юбку ей на улице, делая вид, что просто прижимаю ее к себе, целуясь. Мог взять ее за руку, завести в ближайший подъезд, наклонить к стене и отьебать.

Я мог кончить быстро. Мог растянуть удовольствие на всю ночь. Мне было без разницы. Я мог и так и так. В зависимости от ситуации и от настроения Марины. В душе Марина была стерва. Она могла неожиданно начать выебываться. Ни с того ни с сего. «Стать в позу», как она усмехалась. В любой позе я ее предпочитал ебать. Когда она ощущала в себе хуй, который насилует ее – она успокаивалась. Она всегда успокаивалась, когда вы занимались с ней любовью. Иногда я действительно занимался с ней любовью. Но ей больше нравилось, когда я внезапно набрасывался на нее, срывал одежду или задираю платье, разрывал трусики, и вонзал в нее свой эрегированный член.

Она любила мой член. Иногда она использовала его в качестве средства психотерапии. В минуты грусти она просила: «дай пососать».

Я не отказывал. Отказать Марине я был не в силах. Она была странной женщиной. Тридцать лет. До меня уже побывала замужем. Вдова (мужа убили менты на допросе; муж был вор-рецидивист). Небольшого роста. Сорок килограммов веса. Женщина-подросток. Этаким зло ебучий «подросток». Марина могла не слезать с вашего хуя сутками. Все время умоляя: «еще, еще...». Я был на семь лет ее младше. Мне казалось наоборот. Для меня она так и осталась маленькой девочкой, которая постоянно хочет ебаться.

.....

С возрастом я понял, что желание Марины ощущать в себе эрегированный член партнера – есть ни что иное, как стремление защититься, укрыться от страха жизни. От той неуверенности, которая внушила ей жизнь. От тех опасностей, которые подстерегали ее. Она так считала. Подсознательно считала. И это ее подсознательное желание я каким-то (наверное, тоже бессознательным) образом угадывал. И давал ей то, что дать был способен. Свой член, находящийся в вечной готовности. Свое внимание. Свою защиту.

.....

Я никогда не говорил ей, но Марина понимала, что если ее будет ожидать опасность – я убью всех, кто встанет у нас на пути. Всех, кто захочет ее отобрать у меня. Всех, кто захочет обидеть ее.

Так это было на самом деле. В двадцать три года моя голова мне уже не принадлежала. Впервые у меня появилась женщина, с которой я мог заниматься любовью всегда, когда хотел. Всегда. И не просто заниматься любовью, а ебать ее. Ебать даже быть может со всей жестокостью. Я не обращал внимания на установленные какими-то ханжами правила и условности.

Интеллигентный мальчик из профессорской семьи, худенький, в очках, я вдруг принялся сокрушать устои общества. Те устои, которые существовали до меня. Я мог катить ногами свою связанную женщину, а потом остановить ее движение, когда она оказывалась на животе, разорвать на ней трусики, и, раздвинув ягодицы – вставить в анус свой член. И приняться ебать.

Марина кончала независимо от того, куда вы ее ебали. Если она сосала ваш член – ее пизда смачивалась от испытываемого удовольствия. Если вы трахали ее в попу, вам необязательно было тереть ей клитор. Она кончала и так.

Вы могли посадить ее на свой хуй, а другой, искусственный, вставить девушке в зад. Марина кончала уже от одного осознания в себе сразу двух хуев. От ощущений она кончала еще. От воспоминаний – Марина кончала тоже. Она всегда кончала.

2

Марина была удивительная женщина. Могу сказать, что после нее (мы встречались четыре года) я подспудно подбирал партнерш с такими же вседозволенностями, к которым приучила меня она. Каких-то условностей Марина не признавала. «Ебать, так ебать», считала она. И я был в восторге от подобного настроя к жизни.

Живя с Мариной (она жила у меня) я не отказывался от других женщин. Марина догадывалась об этом. Но никогда не противилась. Я считал – из-за того, что любит. И от этого любил ее еще сильнее.

Можно сказать, у нас была семейная идиллия. Расстались мы оттого, что Марина стала исчезать из дома. Сначала она отсутствовала сутки. Потом стала пропадать на неделю. Самый большой срок, который ее не было – месяц. Я думал она уже не вернется. Взял жить другую женщину. Марина вернулась как-то утром, пьяная и измученная. Я принял ее такой, как она есть. И вынужден был прогнать ту девушку, которая уже осваивалась в роли хозяйки. Я, видимо, слишком потребительски относился к женщинам. Но у меня всегда их было любое количество. Я мог позволить себе быть негодяем.

Как только я прогнал девушку – узнал, что Марина была не против, чтобы мы попробовали троим. Она меня любила. И всегда возвращалась.

Вы думаете у нее не было где жить? У нее было три квартиры. Одну купил ей папа; вторую оставил муж, третью приобрел любовник, который был компаньоном ее папы, и с которым она встречалась в подаренной им квартире. Я подозревал, что когда Марина исчезала из дома, она жила в той квартире. С тем мужчиной.

.....

Оказалось, она обманывала и его. Я с ним недавно познакомился. Пожилой степенный дядя, отец семейства. Жена не подозревала, что у него молодая любовница. Он не подозревал, что у его любовницы был кто-то, кроме него.

– Понимаешь, – вздыхал он, гася в пепельницу очередную сигарету, – она ведь отдавалась всегда с такой страстью. Я старался встречаться с ней каждую неделю. Бизнес, семья, – оправдывался он. – Я видел, как она голодала по сексу. Ждала меня. Но чаще с ней встречаться я не мог...

Мне было неудобно ему признаться, что эта шлюха трахалась со мной по несколько раз на день, и все равно хотела. Марина была рождена для секса. «Для мужчин», мысленно поправил я себя. Ничего кроме мужчин и их хуй ей в этой жизни было не нужно.

– Я выяснил к кому она ушла,-- в очередной раз вздохнул и опустил глаза, когда я посмотрел на него, бывший любовник моей бывшей женщины. – Если хочешь – возьми адрес.

.....

– Накажи его, – скулил мужчина, опьянев (мы пили у меня дома как бывшие любовники единственной на двоих женщины). – Убей. Ты должен убить его.

Я взглянул в остекленевшие глаза несчастного. Подумал, что если бы сейчас Марина вернулась – я бы ее уступил ему. Я мог себе это позволить. Женщины меня любили. Он же, по всей видимости, не мог ни с кем трахаться кроме жены. Марина была для него добрым исключением. С ней у него всегда вставал хуй. И стоял столько, сколько желала Марина.

– Все дело в ее униженности и артистизме, – считал я. Вы могли делать с ней все что угодно. Она все принимала как должное. Ничем никогда мужчину не упрекала. Ни разу не инсценировала скандал. Если была чем-то недовольна – вы истолковывали это как повод к сексу. Она не противилась, когда вы ее насиловали. Она любила, когда ее насиловали. Никаких вступлений и прелюдий было не нужно. Голый секс. Без условностей и ограничений.

Я подозревал, что Марина не только для меня или уснувшего за столом мужчины была пределом желаний и идеалом женщины. Наверняка был еще мужчина, к кому она ушла, бросив нас.

Мне захотелось встретиться с ним. Нет, бить его я не собирался. Мне хотелось только увидеть. Посмотреть, как он выглядит. Я даже мог не разговаривать с ним. Мне достаточно было посмотреть

на него. На его лицо. По лицу я мог сделать более-менее правильный вывод и о нем самом. За моими плечами был законченный с отличием факультет психологии. Через год я планировал защитить диссертацию. Мне достаточно было только увидеть его.

Я его увидел. И все понял. Понял, что я на самом деле ничего не понимаю. А потом подумал, что так в итоге все и должно было быть. К этому все шло. Зерно легло в специально приготовленную для него почву.

Марина жила... с женщиной. С женщиной-лесбиянкой. Я даже знал ее. Я сам когда-то познакомил их. Представив ту женщину как знакомую. И как жену товарища. Товарищ был гей. Его жена лесбиянка. У них был брак по расчету. Живя вместе, каждый занимался сексом на стороне. От людских пересудов их защищал штамп в паспорте.

Сейчас эта женщина оставила мужа и стала жить с Мариной. Им обоим было наплевать на общественное мнение. Это было в их духе. Зерно легло в свою почву. Все было закономерно.

4 октября 2006 год

рассказ

Дура

Ему так хотелось душевной теплоты.

Он понимал, что его нынешняя спутница – дура. Только сейчас он стал понимать, как грустно иметь жену -- дуру.

Жена дура может быть прекрасна во всем. Прекрасно готовить, стирать, встречать гостей, даже более-менее (раз в год по праздникам) обходиться с ним в постели.

Но ведь семейная жизнь складывается из большего, чем стирка, уборка, готовка. И вот тут уже Степан понимал (с ужасом и болью), что жена его попросту проигрывает всем его мечтам о милой спутнице жизни, которая будет ему не только полезна, но и с которой ему будет интересно.

И самое печальное, что как раз того качества, которое бы ему больше всего хотелось, у его жены не было. Да он бы и развелся с ней (сначала попробовал, было, с ней переговорить – но разъяренная супруга все восприняла в штыки), да уже столько раз за свою жизнь разводился, что сейчас было даже как-то грустно идти по проторенной дорожке.

И ведь что обидно -- в иные моменты его супруга становилась вежливой и даже как-то по-особенному обходительной.

Но вот бывало так нечасто. И за каждым таким разом он словно бы уже ждал новой вспышки гнева. Немотивированной агрессии. Ну или -- женской глупости, как мог бы назвать это более мягче.

Но ведь и обидно ему было – что дурой его жена была, как говорится, по жизни. Дурой она была когда злилась. Дурой – когда была доброй. Дурой она была всегда. Невежливой и глупой. И он, бывало, не знал, куда от нее деться. Пытался спастись бегством -- догоняла. И пилила, пилила, пилила... А он мучительно сносил все это женское негодование. Хотя, конечно, пору раз двинул ей по ее лисьей мордочке. Да это было так давно, что он уже об этом и забыл. Хотел ведь как лучше. Чтобы исправилась.

Не исправилась. А даже сейчас, когда прошло уже черте сколько лет их отчаянного брака, его пассия нет-нет да и припоминала ему былое. А он устало смотрел на нее, думая о том, отчего же такая злая судьба. И понимая, что эта бестия попросту отыгрывает на нем всю свою женскую неудачливость. Неуверенность. Депрессивное состояние души.

И больно становилось его душе что это так. Что забирают у него силы – чтобы подзарядиться его энергией. Унизив – возвеличить себя.

А он бы, может, и согласился, по доброте душевной, терпеть все эти ее девиации психики. Да вот на какое-то время после этого действительно выпадал он из жизни. Пусть со временем и научился с подобным бороться (чтобы сократить процесс обратной адаптации к миру). Но ведь супруга его не унималась. А даже через какое-то время расходилась вновь. Унижая его, и обзывая всякими словами, суть которых сводилась к тому, что он ничего не из себя не представлял.

Это он то!

В тридцать семь он защитил докторскую. В тридцать восемь получил звание профессора. В сорок стал членом-корреспондентом академии наук. Недавно (сейчас ему было сорок пять) стал академиком. Являлся автором более двух десятков книг и учебников. Публиковался в журналах всего мира. Имел...

К чему то, что он имел – если все это его злобная супруга ставила не в грош (у супруги, кстати, была только с трудом законченная средняя школа и незаконченное профессионально-ремесленное училище). Причем последние годы она не работала. Да он и сам ее просил не работать, внимая бессознательному женскому вопросу, куда она пойдет работать без образования? И когда ей было плохо – он ее утешал. Словно бы, уже получается, намеренно возвеличивал в ее (да и своих, обманывая себя) глазах.

А проходило время, и за обман приходилось платить. А супруга, словно бы и поверив во что-то, только известное ей, становилась агрессивной, и изводила придирками более успешного мужа.

Ему бы найти любовницу,--как посоветовали как-то студенты, узнав о семейной трагедии.

Ему бы найти новую жену, -- как посоветовали как-то друзья, знавшие о его душевной боли.

Ему бы просто отдохнуть, -- как посоветовали... Ему многие советовали. Советовали большей частью за глаза. Всем как-то неловко было признаться, что они знают о том, что происходит в душе уважаемого ими человека. Также как и все верили (искренне и неосознанно), что когда-нибудь это все закончится. Прекратится женское коварство. А их друг и учитель – наконец-то испытает счастье.

И ведь развестись, просто взять и развестись Степан Григорьевич тоже не мог. Через год с тех пор, когда он стал жить с этой женщиной (жили они уже пять лет), родила она ему дочь. Красивую и независимую. И хорошо, что не такую как мать. Генетическая база все-таки была схожа с ним. И внешне и внутренне. И вот теперь, развод с супругой-фурией грозил и расставание с дочерью. А в сорок пять это все переживается совсем по-другому, чем в молодости. В молодости он уже успел оставить двух детей на попечение их мам. О чем все эти годы неосознанно (да и осознанно конечно. Просто старался не показывать) переживал. И если бы подобное сделал сейчас...

Если бы сделал сейчас – уже может и не пережил бы это. Хотя он тайно и готовил себя к этому. Каждый раз словно бы оттягивая момент, когда предстоит уходить. Не хотел он этого. И терпеть, конечно, уже не мог. Но терпел. Внушив себе, что лучше испытывать это мучение, чем муки совести, которые начнутся, когда он бросит своего ребенка.

Странная и страшная жизнь была у Степана Григорьевича Гаврилова. Странная и страшная. И как будто не было видно впереди просвета.

А все, что нужно и можно было продолжать делать – терпеть. Терпеть...

Но ради кого? Ради ребенка? Ради ребенка...

А жена, его дура жена – видимо осознала (в тридцать семь супруга Гаврилова обладала поразительной женской хитростью) что ее муж уже так и иначе зависим от нее – и уже не стала слезать с него. Понукая, унижая, и все больше откровенно издеваясь.

И что было ему делать? Бросить. Ему бы бросит эту дрянь, эту стерву, эту злобную суку. Да ведь не мог. Может быть он был слаб? Может дело как раз этим объяснялось? Ведь не годы сейчас рабства, да и когда было такое рабство, что мужчина так покорялся женщине. Стремившись угодить, чтобы хоть как-то улучшить ее злобное настроение.

А может жена его была попросту больна. Даже психически больна. И тогда этим-то как раз и объяснялось все это ее негодование. А в душе она была чистый ангел.

Но ведь ангел не мог быть душой. А значит вновь нестыковка. И новые мучения все пытавшемуся найти ответ Степану Григорьевичу. Пытавшемуся и не находившему. И вновь и вновь

терпевшему периодически возраставшие инсинуации супруги. Супруги-дуры. Хоть может как раз это уже было и не важно. Мало ли их таких – и более умных. Да и какая может быть разница, глупа она была или умна. Разве что с умной женщиной было более интересней. Как и была надежда, что она не позволит себе так часто сходить с ума. Хотя?..

12.07.2007 г.

рассказ

Вера в себя

1

Пустырников родился и вырос на постсоветском пространстве. Можно даже сказать, что он предвзято относился ко всему, что связывало его с Родиной.

Проживал он в Москве. Словно бы намеренно никуда не выезжая из столицы. Просто потому что ему там нравилось.

Но вот если начинался какой разговор, где затрагивалась тема Родины, Великтон Романович Пустырников уверенно стоял на своем. Отстаивая свою точку зрения, и словно не замечая другую. А если находился кто-то упрямый, пытавшийся переубедить Пустырникова, то Великтон Романович сердился. И даже иной раз впадал в бешенство. Тогда как в обычной жизни это был человек спокойный. И даже можно сказать – немного заискивающий перед другими. Причем, совсем как будто не нуждался Великтон Романович на самом деле в каких-то защитниках. Он вообще был немного престранной личностью. Но если разобраться, то ведь каждому свое. И Великтон Романович не раз просил (после начала спора) оставить его в покое. Видимо подразумевая под покоем – не спорить, и признать его правоту. Потому как если его действительно оставляли в покое, Великтон Романович начинал все по новой. И, по сути, остановить его можно было, только оглушив,--как пошутил как-то один знакомый Пустырникова. Великтону Романовичу донесли об этих словах. И с тем знакомым он больше не общался.

Вообще, в выборе друзей Великтон Романович проявлял крайнюю непоследовательность. Он, например, мог начинать считать лучшим другом человека, общаться с которым раньше перестал, и даже раструбил об этом кому ни попадя (из общих знакомых), чтобы, видимо, сжечь тогда за собой мосты. И когда подобное случалось, а прежний знакомый даже немного косил на него взгляд (косил взгляд или точил зуб,--это уже было в зависимости от предварительной активности Пустырникова в деле распространения слухов, порочащих прежнего знакомого), Великтон Романович вдруг внезапно шел на попятную. И будь у такого знакомого какой сбой в психике – этот сбой при виде подобного поворота в общении с ним Пустырникова (недавнего врага,

как этого человека уже заверили) только усилился бы, а то и вовсе – привел бы к каким более заметным последствиям.

Но все обходилось. Пустырников теперь источал исключительное благодушие. И радость в общении. Списывая мимоходом наговоры на зависть недобрых людей.

Вопрос – был ли сам Пустырников добрым? Кто-то считал, что был. Продолжал быть, несмотря на серость души и убогость мысли. Большинство же считало, что о Великтоне Романовиче вообще можно было бы не думать, если бы тот был простым человеком. А так как недавно Пустырникова назначили мэром небольшого провинциального городка (в совсем маленьком уезде, ну то есть небольшой области), то вроде как теперь, считали те кто знал Пустырникова, о нем при случае (если бы не нашлось других тем) можно было бы и поговорить. Хотя, по сути, говорить особо нечего. Разве что заинтересоваться, как вязались его прежние слова о синониме Москвы и Родины, и уверенном нежелании замечать жизнь дальше Садового кольца... Ну да метаморфозы, которые дает власть, выделяет с человеком и не такие коленца... К тому же Пустырников так рьяно взялся за выполнение новых обязанностей, что вроде как и совестно стало через время кому-то в чем-то подозревать Великтона Романовича, да тем более чему-то удивляться. Хотя, как говорили тут же появившиеся оппоненты Пустырникова, удивляться в таких случаях всегда есть чему.

И при этом Великтон Романович все равно, несмотря на множество комплексов, затаившихся после его назначения на новую должность, решил, что он теперь уж точно должен непременно измениться. Точнее – начать меняться. Тогда как, произойдут ли на самом деле такие изменения, об этом Пустырников не знал. Но верил в себя от души. И считал, что если он того действительно захочет – сможет добиться многого.

--А то и всего,--сказал сам себе Великтон Романович, и от осознания приобщения к чему-то великому и дорогому, у него выступили слезы умиления. Умиления за себя; за то, что он такой хороший.

Впрочем, как было на самом деле, Пустырников не знал. Но после получения столь ответственной должности, решил соответствовать представлениям о себе.

2

Великтона Романовича иной раз доставали вполне серьезные вопросы окружающей реальности. От незначительной части из них ему, конечно, удавалось избавляться. Но он знал, что на какую-то часть таких вопросов непременно должен был знать ответ. Вернее – найти ответы на те или иные, мучившие его, вопросы.

Причем, это только на первый взгляд вопросы могли иметь какую-то сложную подоплеку. На самом деле Великтон Романович верил, что если внимательно подойти к разрешению любого вопроса, то тот уже не покажется таким сложным. А то и начнет выделяться противоречивый характер подобного вопроса. И все потому, что у Пустырникова, как знал Пустырников, всегда мог иметься в запасе иной вариант (хотя бы один) разрешения вопроса, -- в противоположность ответу, который, как он угадывал, был у задавшего вопрос.

Но Великтон Романович не шел на компромисс с собой. Он вообще (особенно это проявилось после его назначения на должность) стал словно бы намеренно противиться навязыванию общепринятых стандартов и правил. Чем, по сути, обрел новых врагов. Хотя и кого-то из врагов старых – обратил в результате этого если не в друзей, то, как минимум, в тех, кто сочувствовал ему. Потому как они, как считал Пустырников, вероятно разобрались в том, что был за человек Великтон Романович, и после этого стали относиться к нему по-другому.

«По-другому» --- означало не так, как раньше. Но ведь Пустырников понял, что так, как было раньше, -- так ему было уже не интересно. Не интересно еще и потому, что привык идти он к поставленным целям. А если принять во внимание, что многие от него ждали игры по правилам – такие правила становились Великтону Романовичу ненавистны. Он даже подумывал сложить с себя полномочия мэра, да решил, что надо наоборот -- больше верить в себя.

И вот как раз эта вера его в какой-то мере и спасала и выручала, помогая другими глазами смотреть на окружающий мир, да и вообще, в какой-то мере подчинять этот мир себе. Своему порядку, своему взгляду на жизнь. И это нисколько не противоречило вере в себя Великтона Романовича Пустырникова. Ведь с недавних пор он именно такую веру ставил во главу угла. А значит... А значит все, что у него теперь получалось – получалось согласно этой вере. Или – согласно новой установке его жизни. И он был этому, в общем-то, этому рад.

03 мая 2008 год.

рассказ

Происшествие

--Жизнь не такая уж плохая штука, - рассуждал Федор, спускаясь по ступенькам. Жил он на пятом этаже. В квартире осталась подруга. Подруга захотела пива. Только что между Федором и подругой был секс. Поэтому когда она по окончании попросила пива, Федор решил удовлетворить просьбу Александры. Так звали девушку. Девушке было слегка за тридцать. Выглядела она на двадцать. Иногда Федору казалось, что ей уже сорок. «Смотря под каким градусом смотреть», -- усмехнулся Федор. Федор был мечтатель. Он никогда не отказывал себе в удовольствии мысленно порассуждать о чем-то. Это придавало ему силы и приближало к внутренней гармонии. К подобной

гармонии Федор стремился всю жизнь. Для достижения полной гармонии все время чего-то недоставало. Федор предполагал, что виной тому могли быть его размышления. Потому что они только поначалу начинались вполне спокойно. Потом мысли начинали наслаиваться друг на друга. И еще через время Федор начинал понимать, что снова запутался. Снова – потому что так было всегда. Ему редко когда удавалось домыслить до какого-то логического конца. Со временем молодой человек (Федору было двадцать с небольшим) понимал, что запутывался окончательно. Но не переживал. Темы для размышлений находились всегда. Был относительный плюс, что он не заикливался ни какой из них. Хотя это могло говорить и об относительно поверхностном подходе. Как бы то ни было, Федор не расстраивался. Он вообще предпочитал никогда ни о чем сильно не переживать. Ему это было не надо. Поэтому сейчас, спускаясь по лестнице, он мысленно наметил сразу несколько тем для размышлений. И поспешил поскорей купить пива, чтобы отдать его оставшейся лежать в постели подруге, а самому погрузиться в собственные размышления. Чтобы никто не мешал.

В ларьке Федор купил сразу три банки пива, рассчитывая, что подруге на какое-то время этого хватит. Подумав немного, он купил еще две. «Пять банок она будет пить долго», -- распланировал Федор. Потом станет хмельной, расслабится, ее потянет в сон, и тут Федор снова ей овладеет. Федору нравилось овладевать девушками на фоне их небольшой невменяемости. Тогда они были ближе к природе, а значит естественней реагировали не его ласки, допуская любые формы сексуальной близости. Федор любил многие такие формы. В зависимости от того, до какой степени могла идти его очередная пассия, Федор практиковал разное. Это в жизни он был стеснительным человеком. В постели Федор преображался. И даже сама постель ему была не нужна. Он мог овладеть девушкой пока она принимала ванну, мыла посуду, или сидела в туалете. Ему было абсолютно все равно. Даже наоборот, чем нестандартней была обстановка, тем это его больше возбуждало.

Когда Федор пришел домой, подруги не было.

--Вот сучка,--беззлобно подумал парень. Ему не верилось, что она ушла.

Но постель была пуста. В квартире тоже девушки не было. Хотя ее сумочка и даже одежда (удивленно обратил внимание Федор) лежали на своих местах (на полу и на стуле).

--Куда же ты спряталась?— задался он вопросом. Впрочем, скорей всего действительно сбежала. «И даже может быть,-- задумался Федор, потянувшись в легкой истоме,-- даже убежала обнаженной». От таких мыслей он почувствовал легкое возбуждение. Федор еще раз обыскал две комнаты своей квартиры. Заглянул в туалет, ванную, на кухню. Тщательно обыскал кладовку (почему-то была надежда, что Александра спряталась там). Девушки нигде не было.

--Ну и пошла ты,--выругался молодой человек, открыл и залпом выпил сразу две банки пива, достал мобильный телефон и набрал номер подруги. Звонок раздался рядом. Телефон Александры лежал на полу.

--Вот так дела?—поднял вверх брови Федор.—Не могли же ее похитить?

Впрочем, мысли о похищении Федор отменил сразу. А еще через время он набрал в поисковой системе интернета девушек «по вызову», и нащупав в кармане пару тысячерублевых бумажек, рассказал параметры ожидаемой девушки-проститутки, дал свой адрес, и стал ждать.

Через двадцать минут в дверь позвонили. На пороге стоял сурового вида мужчина. Он кивнул Федору, представился, быстро прошел по комнатам, и убедившись что молодой человек один, ввел в квартиру девушку-проститутку. Уточнив на какое время ее оставляет, взял деньги и ушел.

--Раздевайся,--коротко произнес Федор.—Впрочем,--он задумчиво посмотрел на девушку,-- просто подними платье. Ждать у Федора сил уже не было. Поэтому меньше чем через минуту он овладел стоявшей на четвереньках (тут же, в прихожей) девушкой-проституткой. Потом повторил это еще и еще раз. В разных формах и в разные части тела. Федор не любил повторяться. После третьего раза он дал девушке пива, сам взял сигарету, и вышел на балкон. Ему захотелось побыть одному.

Когда Федор вернулся в комнату, девушки-проститутки уже не была. Входная дверь была открыта. Подумав что она ушла (инстинктивно Федор посмотрел на часы, отметив что до окончания заплаченного времени оставался почти час), молодой человек захлопнул дверь, прошел на кухню, достал из холодильника оставшиеся две банки пива, открыл их обе сразу, и стал пить, поочередно прикладываясь то к одной, то к другой.

В дверь позвонили. В дверной глазок Федор увидел суровое лицо охранника.

--Она ушла,-- сказал Федор через дверь.—Ушла, у меня ее нет.

Охранник стал ломать дверь.

Федор прошел на кухню, взял нож, и снова подошел к двери. К этому времени дверь под ударами сутенера в любой момент готова была слететь с петель.

--Что тебе надо?—громко произнес Федор.—Девушка ушла. У меня в квартире ее нет.

Удары об дверь смолкли. Заглянув в глазок, Федор увидел, что охранник набирает номер по мобильнику.

--Вызывает подмогу,--пронеслось в голове Федора. Времени на раздумье не было. Федор распахнул дверь и ударил сутенера ножом в живот. Сутенер увернулся. Федор захлопнул дверь. Дело принимало нешуточный оборот. Федор огляделся. Подпереть дверь шкафом (как это обычно

делали, как он помнил, в фильмах) он не мог по причине отсутствия последнего. Поэтому молодой человек быстро прошел на кухню, взял еще пару столовых ножей, и решил держать оборону.

--Если у меня будет в руках два ножа, и я буду быстро ими махать, охранник ничего не сможет сделать,--подумал Федор.

В это время дверь вылетела и в квартиру вбежал раскрасневшийся сутенер.

Федор спрятался за дверь в кухню. Ножи он держал в руках, готовый их пустить в ход при первой опасности. Такая опасность была. Охранник был на голову выше Федора и почти вдвое шире в плечах. «О таких говорят: косая сажень»,--усмехнулся Федор.

Совсем некстати он заметил, что спокоен. Это его удивило. Он было задумался об этом, но охранник, заметивший что молодой человек скрывается за дверью, бросившись на него.

--Сука,--выдохнул Федор и коротко ударил охранника ножом в живот. Нож прорезал пустоту. Вторым ножом Федор воспользоваться не успел. Охранник скрутил его, привязал к стулу, и стал пытаться. Для этого он накалил ножи на газовой камфорке и медленно прикладывал к лицу Федора, интересуясь куда он дел Ингу («так звали девушку-проститутку»,--понял Федор, вспомнив что так и не успел с ней познакомиться).

--Она ушла,--стоял на своем Федор.

Охранник не верил и повторял вопрос.

--Обыщи комнату,--попросил Федор.—Если она здесь – ты ее найдешь.

Видимо о чем-то подобном догадался и охранник. Он оставил Федора, прошел по комнатам, вернулся, хлестко ударил молодого человека ладонью по лицу, потом кулаком в живот, потом снова по лицу. Уже кулаком. После чего сделал шаг назад, и нанес футбольный удар ногой в голову. Федор упал со стула и потерял сознание. Быть может он потерял сознание даже чуть раньше, а после уже упал со стула. Александра смотрела на тело своего парня и не могла понять что тут произошло. Она отсутствовала в квартире всего несколько часов. Позвонила подруга и попросила срочно приехать. Срочно, потому что подруга неудачно упала, подвернув ногу, и ей нужно было помочь добраться до травмпункта. Сразу после звонка о помощи, Александра выбежала, в впопыхах набросив на голое тело плащ. Теперь она вернулась и увидела картину, когда ее молодой человек лежал без сознания и обнаженный в постели (охранник, подумав что случайно убил, отвязал Федора от стула, перенес в постель, раздел, прибрал все на кухне и ушел, имитируя «смерть во сне»).

--Вот так история?—подумала девушка. Ее рука инстинктивно потянулась к телефону, чтобы вызвать «Скорую», но тут она услышала как щелкнул замок входной двери.

--Я уже пришла,--в прихожей раздался женский голос.—Надеюсь ты меня не потерял?

В комнату вошла девушка-проститутка. Увидев Александру и лежащего без сознания Федора («спит или прикидывается»,--промелькнуло в голове у девушки-проститутки), Инга подошла к Александре и протянула руку.

--Меня зовут Инга,--представилась она.—Я его подруга (она кивнула на лежащее на постели «тело»).

От неожиданности у Александры перехватило дыхание.

--А зачем вы его убили?—буднично поинтересовалась Инга.

--Я... Я никого не убивала...-- с трудом справляясь с дыханием, проговорила Александра.

--Нет, вы его убили,-- в комнату вошел охранник, который все это время прятался за дверью на кухне.—Вы его убили, а мы вас случайно застали на месте преступления. И вас тоже застали,-- охранник повернулся к Инге.—О вас вообще разговор отдельный.

--Это ты его убил,-- догадалась Инга, посмотрев на охранника.

--Да, убил,-- неожиданно признался охранник.—Потому что искал тебя.

--Что здесь происходит?—недоуменно произнесла Александра.

В этом время Федор открыл глаза. Он давно пришел в себя, но лежал, не зная как ему реагировать на происходящее. По всему, был виноват он. Не разобравшись что случилось с Александрой и решив что она сбежала – сразу вызвал проститутку. А когда исчезла и та («интересно, а где она была?»—задумчиво посмотрел на Ингу Федор), он попытался убить охранника («а что если бы убил?»), а теперь вот по всей видимости должен будет объясняться со всеми тремя. Срочно нужно было искать выход из положения.

-- Инга и Михаил (наугад окрестив охранника вымышленным именем) – готовятся стать мужем и женой,-- нашелся Федор, поясняя Александре.—С Ингой мы раньше учились в одной школе. Они должны были заехать за нами чтобы вместе поехать отдохнуть в клуб. А так как тебя не оказалось – мы решили таким образом тебя разыграть.

--Но почему ты голый?—недоуменно спросила Александра.—Голый, в постели, и эта девушка (взгляд на старавшуюся улыбнуться Ингу)...

--Я же тебе говорю—розыгрыш,-- улыбался Федор, понимая, что Александра почти поверила.

--Верно, это был розыгрыш,-- признался охранник.

--Розыгрыш,-- кивнула Инга, у которой наконец-то получилась улыбка.

--Розыгрыш...--разочаровано произнесла Александра, не зная верить ей или нет, но если три человека говорят что так, должна ли она сомневаться?

--Сейчас я оденусь и все вместе поедem куда планировали,-- весело сказал Федор.

--Поедем...-- повторила, присаживаясь на стоявший напротив кровати диван Александра.— Куда поедем?—обеспокоено переспросила она.

--Хорошо, мы уже никуда не поедем,-- схватился Федор за возможность остаться наедине с Александрой и все ей объяснить. По возможности объяснить в постели. Это все-таки лучше у него получалось.

--Да-да, и у нас уже планы изменились,-- воспользовался ситуацией охранник чтобы уйти из квартиры.—Инга, мы уходим,-- сказал он, обращаясь к девушке-проститутке.—Мы уходим.

-- Ну, тогда до встречи,-- улыбнулась Инга и протянула руку Александре. Та автоматически ее пожала. Инга повернулась к Федору, не зная как она должна себя с ним вести.

--Пока, Инга,-- нашел выход из положения Федор.—Миша (взгляд на охранника), в другой раз я обещаю поставить в известность Александру, чтобы не было неожиданностей.

--Если будет другой раз,-- подумал охранник, и пожав руку Федору направился к двери. За ним пошла Инга.

--До свиданья, друзья,-- обернулась у порога Инга.—Звоните,-- сказала она уже обращаясь только к Федору.

--Непременно,-- улыбнулся Федор, потянув за руку Александру.—Я так по тебе соскучился, - нежно произнес он, опрокидывая обмякшую девушку в постель.

19 июля 2009 г.

рассказ

На пути к...

Мужчина, с трудом дождавшись последней остановки электропоезда, – вышел на перрон. Попутчиков было немного. Станция была конечная, казалось, просто так, без особой необходимости, никто не будет ехать так далеко. К тому же было раннее воскресное утро, и уже, по большому счету, все дачники (за счастливым исключением тех, кто жил на своих садовых участках все лето) приехали за день (а то и за два) раньше.

Игорь Арсеньевич Божов молча стоял на облучке кончавшегося асфальта платформы, быть может, и, не решаясь ступить на начинавшуюся грунтовую дорогу, ведущую (через переезд и пару небольших поворотов) к его домику.

Его никто не ждал. Его вообще никто никогда не ждал. Несмотря на возраст, приближающийся к четвертому десятку, Игорь Арсеньевич был по настоящему одинок.

Выросший в детском доме, он почти совсем не знал родителей (по молодости лет, еще пробовал, было, найти; но заведующая детдомом, с материнским порывом прижав к груди все чаще

задававшего ей вопросы повзрослевшего мальчика, призналась, что лучше их совсем не искать. Уже чуть позже он узнал, что родился от одного из соседей, – какого? Никто не знал! – по коммунальной квартире, а мать, лишенная материнских прав, сначала отбывала небольшой срок за тунеядство, а потом и вовсе сгинула на просторах тогда еще Советского Союза), жены у Игоря Арсеньевича тоже никогда не было (была одна женщина, с которой он вроде как и начинал жить, но узнав, что Игорь Арсеньевич, – как оказалось, – был совсем неспособен на какие-то сексуальные отношения, – тут же сбежала от него, обозвав... впрочем, слышать обвинения в свой адрес ему было не привыкать...).

Божов все еще стоял на краю платформы. – Куда он приехал?.. Зачем?.. Начинаясь (словно сами собой) задаваться вопросы были как бы с уже привычным контекстом (заранее безответны, и даже несколько сами собой ничто не выражали), – и, быть может, у них и вовсе была какая тайная цель (так Божову иногда казалось) внести еще большую сумятицу в его израненную сомнениями да беспокойствами душу. И тогда уже Божов, – словно по привычке, – не обращал на подобные вопросы никакого внимания.

Но вот только сейчас, по-видимому, действительно «зацепило»... А потому он (несмотря на начинавшуюся июльскую жару южной полосы России), как-то неумело запахнулся в наброшенный на плечи плащик (еще были сомнения перед выходом: «братъ – не братъ?!»), и словно вслед за первым движением, – решился, ступил на дорогу, и еще секунду-другую помедлив в раздумии, – медленно зашагал по направлению к своему садовому участку.

2

Нет, не сказать, чтобы Игорь Арсеньевич совсем так бы «запутался» в жизни. У него была вполне приличная (по меркам небольшого уездного городка) работа, – Божов был старший сотрудник лаборатории санэпиднадзора, – более менее сносная внешность (позволявшая даже иногда «заглядываться» на него женщин среднего и предпенсионного возраста), – что до семьи, вернее, до ее отсутствия, – то ведь это и не было уж т а к о й большой «бедой» (по крайней мере в эксклюзивном понимании Игоря Арсеньевича); и тогда уже что и беспокоило его... Хотя, пожалуй, слово подобрано не совсем верно... О беспокойстве, вероятно, речи и не шло вовсе. Даже тревоги какой-то (критической, что ли?!) не было. Речь скорее шла о некоем неосознаваемом (по крайней мере, спроси его, – и вряд ли бы ответил) процессе отождествления себя с... совсем другой личностью. Вот, как если бы это были «вы», и... совсем не «вы» вовсе... Или, например, вам как будто заранее известно, что должно произойти какое-то событие... готовитесь к нему... а на деле оказывается, что ничего такого и не должно было быть. (Хотя даже если и должно, – хотя бы

теоретически почему не предположить – оно может состояться, но... как оказывается... вашего участия в этом совсем даже и не предполагается...). И уж совсем сложно (порой, необъяснимо сложно) было судить, как реагировал на это все Игорь Арсеньевич Божов. И, быть может, здесь стоило добавить, что был этот долговязый, нескладный человек еще и невероятно скрытен. Причем уже сама эта так называемая «скрытность», происходила скорее оттого, что Игорь Арсеньевич не хотел ни кому навязывать свое внимание (а нотки рождающегося было – периодически – любопытства, как говорится, гасил на корню, не давая им вырасти во что-то необъяснимо большее – чем следовало)... и вот как раз от этой его неуверенности в себе (интерпретируемой, – кем и: забитостью; и тогда уже эти, последние, готовы были усмотреть в столь нерешительном поведении Божова чуть ли не комплекс неполноценности) и вот от этой вот неуверенности в себе, – в большей мере страдал он сам. Ибо не проходило и дня, как случалось какое-нибудь событие, – заставлявшее его задуматься о безуспешности (а то, иной раз, и ненужности) бытия.

Но вот, опять же, ни о каких страданиях (душевных... душевных...) речь как будто и не шла. По всей видимости, для этого нужно было иметь что-то иное в психике (быть может, какое отдельное подразделение... душевности?.. ну, хотя бы и так... хотя...), чего, впрочем, у Игоря Арсеньевича – даже на кажущуюся внешнюю предопределенность (предрасположенность) к несчастьям – вроде как, и не было.

...А что тогда было?..

За чередой почти бессознательного желания погружения вглубь себя (чего, по большому счету, Божов как будто и не позволял себе делать), скрывалась (вот ведь не объяснимый факт?!) какая-то внутренняя безотказность; стремление поделиться (и притом вполне искренне) иной раз и со всем уж случайными слушателями – какими своим (наболевшими?) умозаключениями...

Но вот что уже я знаю почти наверняка, если что-то подобное и происходило в глубине души Игоря Арсеньевича, то, по всей видимости, там оно и оставалось дальше. По крайней мере, ничего – даже схожего, или хоть как-то об этом напоминающего – я от него никогда не слышал. (Нет, опять же, здесь можно было добавить, что я и не достаточно хорошо его знал. Да и были мы знакомы, – как помнится, – через какого-то (моего?.. его?..) приятеля. Но уж если сейчас мы и не слыли такими уж неразлучными приятелями, то, по крайней мере, одно время общались даже слишком тесно. Был, знаете ли, какой-то у нас – и, пожалуй, уже необъяснимый сейчас, – внутренний порыв... благодаря которому если мы, иной раз, и не встречались каждый день, то уж созванивались точно по несколько раз в сутки)...

И все же, по всей видимости, для меня Игорь Арсеньевич Божов навсегда (уж вряд ли что-то способно изменить это мнение) остался человеком в чем-то более загадочным... да и непонятным...

Вернее, как (когда-то) выпускник мединститута (к тому же успевший после окончания парутройку лет – пока полностью не посвятил себя только литературе – поработать в психиатрическом отделении одной из клиник) я вполне, как говорится, и понимал, и предвидел последствия регрессирующих у Божова изменений в сознаний, но... знаете ли... уже, видимо, брал (внутри самого себя) больше верх литератор, – нежели психиатр... да и так хотелось не замечать чего-то схожего с предметом полученной специальности в своем ближайшем окружении (что, впрочем, не мешало попутно ставить диагнозы)... а быть может, и где-то в подсознании, я еще надеялся, что все образуется...

Не вышло...

Игорь Арсеньевич тем временем дошел до небольшого домика утопающего в зелени (кем-то) высаженных деревьев (дачу он приобрел пару лет назад, когда та последовательно переходила из отчего-то изменявших тотчас после покупки свое решение его коллег, приятелей, да, коллег приятелей, да, приятелей приятелей, – в общем, когда уже казалось, что сам черт готов был «сломать ногу» в переходящих друг к другу «правах собственности», – эта самая дача, оказалась у Игоря Арсеньевича Божова. И, что интересно, в последнюю минуту и сам Божов неожиданно готов был отказаться от покупки. Но купил. А после того как купил – вообще туда не ездил; находя, вроде как, и справедливые доводы отложить поездку до следующего раза; который, в свою очередь, все затягивался и затягивался), проверенным движением (специально тренировался, чертыхаясь и покрываясь испариной, на замке прежних хозяев, пока не выбросил его и не повесил новый) открыл калитку, потом (еще через секунду – другую ходьбы) дверь домика, и... задумался. «А зачем он вообще сюда приехал?». И, ведь, не то что б «дел было невпроворот»... (он вообще сейчас находился в отпуске)... или совсем нечего было делать... (и деревья надо было подрезать, и «колонку» раскатать – вода все время «норовила» уйти поглубже... да, и вообще вполне можно было найти множество, каких-то необходимых, дел в хозяйстве...). Да и речь-то, быть может, шла совсем и не об этом...

Все дело в том, что Игорь Арсеньевич не чувствовал у себя в мозгу осознания необходимости существования... И оттого какие-то собственно дела, – (кажущиеся как будто лишь одним из множества, опять же, лишь следствий – и не иначе – оправданности жизненных механизмов), – разом и вдруг потеряли для него всю значимость... Даже оказались вроде как неуместны... Нет, они вполне могли быть, эти самые «дела»... Но вот если бы их не было – совсем ничто бы и не изменилось...

В общем, еще минуту – другую и Божов готов был запутать сам себя. И тогда уже, видимо, как нечто спасительное и неожиданное, – прозвучал сначала гром..., – а потом и вовсе (почти тотчас

же) полил самый настоящий дождь. Дождь, который еще какое-то время находясь в соседстве с удивленным солнцем вроде как и не решался показать всю свою мощь, но потом видимо что-то изменилось – и тогда уже полил он, не обращая ни на что внимание, включая самые максимальные свои обороты... И началась буря...

Но почти одновременно с этим, такая же «буря» началась в голове Игоря Арсеньевича...

Мысли уже не ходили даже, – как еще быть случалось до того..., – в каком-то подобии порядка, а уже яростно и с каким-то остервенением принялись наскакивать друг на друга... Так что в какое-то мгновение и перемешалось все... а у самого Божова как-то быстро затуманилось сознание... Стало быть может вообще ни до чего... А в какой-то момент ему показалось что их – мыслей – и вовсе не стало... Ну как будто их и вовсе никогда не было... И вот тогда уже в этой самой пустоте, – начинало казаться и самому Божову, что он невероятным образом растворяется во всем этом... И, быть может, он еще и хотел уцепиться хоть за какой обрывок мысли... Но уже перестал понимать – чья она была?... Была ли она как-то связана с сознанием?... Или принадлежала исключительно бессознательному?... Божов не мог это понять... А быть может, и боялся... Ведь случись какой другой ответ (хотя невероятно сложно было угадать какой на самом деле ответ нужен), – и куда-то безвозвратно исчезнет то, что его еще недавно окружало... То, что давало силы жить... И выживать... И выживать...

И тогда уже, более чем сознательно (или бессознательно...), Божов стал ожидать провала в пустоту... Что вскоре и произошло... И тогда он (где-то краем сознания) ухватил остаток последнего момента своего земного существования, и внезапно ощутил окружающий мир, как бы в ином ракурсе изображения... под каким-то, до сего момента не видимым углом изображения... А, быть может, это уже и нельзя было назвать собственно, каким-то изображением... Ибо происходило все в каком-то ином формате восприятия... А быть может (и такая версия, в какой-то момент пронеслась перед ним) ничего похожего и не было... Не было вовсе... Ибо так или иначе, но мы и видим, и чувствуем, и даже предполагаем, – что хоть как-то (в идеале) способны оценить и почувствовать... И тогда уже, – основываясь на какие-то привычные рамки изучаемых позиций (исследования?), – мы начинаем внезапно осознавать (особенно если это происходит не в первый раз, хотя второго, вероятно, и не бывает), что в такой вот суматошной спешке перемещаемых предметов – способно было запутаться воображение, подсознательно проецируемое на мозг Игоря Арсеньевича, затуманенный, да распалившийся от навалившихся на него странностей и лабиринтных загадок – и уже сам Божов, видимо не выдержав подобного напряжения, – как-то неестественно распрямился, словно пытаясь ухватить что-то далекое и неосязаемое, а уже в последующее мгновение – свалился он замертво подле порожка своего дачного домика. Сознание ушло, а бессознательное, в затаенном восторге уже готовое было возрадоваться – враз как-то

сникло, и уже в последующее мгновение – оно отправилось в бесконечное путешествие по неподвластным далям непознанного и непонятого... Непонятого, конечно же, для нас, смертных, но никак не для него...

20 сентября 2004 г.

рассказ

Начало конца

1

Я не знаю, когда это началось. Если отбросить школьно-студенческие годы, и начало моей первой официальной работы в библиотечном архиве, то, пожалуй, и не припомню ровным счетом ничего, чтобы заставило меня о чем-то задуматься... Нет.

Первые чувства тревоги, появились, скорее, когда я, – уже начал писать сам.

Тем более, что как раз к этому периоду, – я отношу ту стадию (насыщения моего мозга информацией), которой, собственно, и уготовано быть первой. В цепи необычайных превращений, – произошедших со мною.

Читал я тогда (как и сейчас, как и раньше) много. Очень много. Однако, если – особенно в юности – мое чтение носило ярко выраженную беспорядочную форму (стремление получить энциклопедические знания?), то в последнее время, оно стало более избирательным; и я (наконец-то) мог позволить себе – несколько упорядочить – это самое чтение; и ввести, – что-то похожее на цензуру. Дав «добро», – на литературу, историю, философию, психологию, право, экономику, политологию, медицину, биологию, естествознание; постепенно сократив список, – до нескольких дисциплин; в которых – чувствую себя: «надлежащим» образом. И (погрузившись по максимуму) – плаваю, как рыба в воде. (Иногда, впрочем, всплывая на поверхность).

Среди моего нового выбора – литература, история и философия. Быть может, – в какой-то мере: психология, политология, и... медицина; и уж совсем малость (самые остатки было увлечения), – право и экономика. Но они вскоре отпали. Сами собой. Недавний интерес – исчез. Куда?.. да, откуда мне знать?..

Но даже, несмотря на столь решительное (и для меня... печальное, ведь любое расставание забирает с собой часть души) разграничение, – я все равно стал замечать, что приближаюсь к какому-то временному периоду (периоду жизни?); когда мозг начинает подавать первые сигналы – о перегрузке информацией.

Так ли это? Быть может – и нет. И мне кажется, что некое процентное отношение задействованных в работе участков мозга вполне можно: увеличить еще. На несколько порядков.

А значит нужно трудиться. Благо, что наличием информации, работая в библиотеке – я ограничен не был. (Более того, – в какой-то мере, – даже готовился: библиотеку – возглавить).

– Станислав Аркадиевич! – обратилась ко мне одна экзальтированная дама неопределенного (легко: и сорок, и шестьдесят) возраста, о которой мне было известно, что с самого своего первого прихода на работу в библиотеку – она просидела в одном отделе, и, насколько я догадывался, уходить никуда не собиралась. – Станислав Аркадиевич! Господин Якобсон!.. – тем не менее, не отставала от меня она. И я вынужден был – что-то ответить ей. (Ни вопрос ее, ни мой ответ – абсолютно неинтересен; а потому и нет смысла – приводить его). Притом, что я, большей частью – был погружен в свои мысли. А потому, вскоре и закрылся в собственном кабинете (заместителя директора библиотеки; а директору – скоро на пенсию), решив – проанализировать сложившееся положение.

Итак. Уже как последние полгода, я явственно ощущал: начавшиеся в моей психике изменения. Нет, пока еще то, чем я мог гордиться по праву – память – оставалась на прежнем уровне. На моем рабочем столе (и здесь, и дома) находились постоянно несколько десятков книг, которые я «проглатывал», запоминая все чуть ли до запятой. (Почти дословно мог цитировать любой только что прочитанный текст в объеме страницы; потом надоедало). Но было все же одно «но»; и именно оно, заставило меня (чуть ли не впервые) серьезно задуматься о «грозящем мне» будущем. А будущее, – могло быть в психиатрической лечебнице. Ибо внезапно стал я ощущать, что поток запоминаемой информации начинает «съедать», разрушая меня – изнутри; и извлекая наружу, различные – и страшные по своей сути – «побочные» эффекты. Как-то: страх, тревогу, неуверенность, ощущение... близкого конца. Смерти.

Видимо, до сей поры, мой мозг работал в таком авральном режиме, что теперь и стало возможным – возникновение тех проблемы, от которых, как вроде бы, не знал я – как и избавиться.

Нет, конечно, догадывался, что может быть: нужно просто остановиться. Подождать, – пока все придет «в норму»; и лишь потом, – «по новой» начать: «вкачивать» в себя информацию.

Но, вот, остановиться-то я уже не мог! Стоило даже на миг замедлить бег (искусственно, ох, как искусственно) и я уже буквально изнутри начинал разрываться от неудовлетворенности; и проходило это чувство только тогда, когда я заканчивал изучение – отведенных на день – полутора десятков книг (в большей мере научных); когда мой мозг, – способен был: работать «по максимуму»; только тогда наступало внутреннее успокоение... И все было бы ничего, если бы я не заметил, что попал в своего рода зависимость; и теперь просто не возможно иначе. К тому же, достаточно трудно было прощупать грань самодостаточности; и в последнее время поток (непрерывно вливающейся в меня информации) – начинал «перехлестывать» через край; неся в себе, все те же: разрушительные воздействия для психики, для сознания (выводя на первые роли –

бессознательное; потакание ему); и в какой-то период я уже перестал понимать: где грань – между сознанием и бессознательным; и мне все труднее удавалось «загнать» свое (все чаще вырывающееся наружу) бессознательное; оно уже начинало править, властвовать, довлеть над сознанием; и это – могло привести куда к более печальным последствиям (чем даже предполагалось). Да и – предполагалось ли?..

Но я уже не мог и остановиться. С каждым начинавшимся днем, мозг требовал все новой и новой работы для себя; и я – благо, что работа позволяла – давал ему ее. Передо мной до сих пор оставались нетронутыми десятки тысяч томов. И радость мою – вполне можно было сравнить: с радостью наркомана (того наркомана, который знает, что у него в запасе – несколько многокилометровых помещений, заставленных мешками с маковой соломкой, опиум или гашишем). Подобная радость была и у меня. Нескончаемый поток знаний. И это притом, что я сам: отвечал за формирование «запасников» библиотеки. А значит – мог достать любую книгу, о которой мечтал. (И в библиотеке, – было действительно «все». Все, что мне было нужно).

2

Но как же быть с... с каждым днем я все явственней ощущал, что близиться час, когда придется (просто-напросто) делать выбор... и это притом что сам выбор сделать просто невозможно. А значит... Значит, меня не станет. Нет, не умру. (От этого не всегда умирают). Мозг просто, – чтобы «не разорваться», – включает некие защитные механизмы. И человек – начинает все сначала... (Ибо, словно, очищается все, куда он прежде записывал информацию). И теперь, мозг готов вновь – к записи новой. (И что до того, что кто-то называет дураком и умалишенным!?. Они ошибаются. Просто человек начинает жить – в несколько ином измерении. Не понятном другим).

Но... я боялся этого. Так же, как и знал, что у меня – подобного не будет никогда. Просто потому, что я не допущу – подобного.

Но... насколько – нам вообще: уготовано что-то знать. И не есть ли наши знания – некий итог, завершение жизни?..

Или – это начало?... Начало – конца...

01 апреля 2004 г.

рассказ

Все счастливы

Можно было, конечно, удивляться многому. Но как-то так вышло, что за свою жизнь Вера Нежина удивлялась так много раз, что незаметно для себя прекратила удивляться вовсе. И словно бы стала принимать жизнь такой, как есть. Как та была. Как та, быть может даже, могла быть. Особенно если бы Вера Нежина ничего не знала про то, какой эта жизнь должна бы быть. Но она ведь знала. В том и вопрос что знала. И тогда уже ее нынешняя позиция не больше чем подстраиваемость под какое-то настоящее. Тем более что прошлое она знала. А будущее предполагала, какое-то могло быть при подобных раскладах. От которых, надо заметить, Нежина все время старалась как-то дистанцироваться. И у нее даже получалось. Не всегда, конечно. Но иной раз это было так. Потому и оставалась она, в последнее время, довольна собой. И считала, что многое у нее может получиться вообще исключительно замечательно. Ну, если, разумеется, она не будет излишне подгонять судьбу. Сводя жизнь к единой спешке. Которая была ей на самом деле не только не нужна, но и в какой-то мере даже противопоказана. Ведь так выходило, что совсем не знала она... Она вообще тут поймала себя на мысли, что знает неприлично мало. И пошла учиться.

Подруги и муж качали головой в легком недоумении, а Вере как-то вдруг стало безразлично и до их мнения и до их недоумения. Потому что она совсем неожиданно нашла себя. Да еще и влюбилась, до кучи, в преподавателя. Который ей поначалу даже и не понравился. Ну, или вернее, она просто не обратила на него внимания, подсознательно полагая, что не было в нем ничего существенного (ничего - заслуживающего ее внимания).

А тут вдруг присмотрелась, разглядела, и полюбила самой отчаянной любовью, на которую только могла быть способна тридцатисемилетняя женщина. Женщина, надо заметить, весьма симпатичная. Стройная, чуть выше среднего роста, черненькая. Ну в общем, жить бы ей и жить (муж, ребенок, любимая свекровь и свекор, который тайно был в нее влюблен), а тут на тебе. Что-то нашла в невзрачном очкарике-преподавателе. Который был и ростом чуть пониже ее, и почти вдвое шире, и прическу носил какую-то непонятную, и взгляд имел вечно недоуменный, да и не любил видимо себя вовсе. Так показалось Вере. А она (словно для эксперимента, точнее - убедив себя, что в случае неудачи это можно списать на неудачный эксперимент) решила присмотреться к нему получше. А присмотревшись, поняла, что на самом деле все не так плохо. Особенно если вставить вместо очков линзы, посадить на диету, причесать, подогнать мешковатую одежду по росту и размерам, и следить чтобы не горбился. Ведь тогда чем черт не шутит - может получиться даже очень неплохой мужичек. Тем более открылось Вере, что был Тихон Васильевич (преподаватель) мужчина вежливый и обстоятельный. Ну а взгляд и манера шутить ни к месту, как-то быстро объяснилось тем, что у него долго не было женщины. А если мужчина долго без женщины, да еще если и думает все время о том, что он без женщины, то становится похож он на эдакого дурачка. В том плане что иной раз ведет себя... Ну в общем, в поступках своих совсем забывает о возрасте, при

котором, в мнении окружающих, вполне уже должна была проявляться степенность. И даже если не степенность (не каждому это и дано), то уж в сорок три (столько было Тихону Васильевичу Хренникову) таким придурком было выглядеть как минимум глупо.

Но оказалось что он вовсе не придурок. А если и казался таковым, то исключительно от переполнявшей его радости. Притом что вскоре он и вовсе преобразился. И еще даже не переспав с Верой (Вере почему-то тоже захотелось переспать с доцентом Хренниковым), Тихон Васильевич стал как будто совсем другим. И что уж точно, он почувствовал внимание к себе со стороны женщины. Особенно после того, как, однажды провожая его (шел провожать он, получилось наоборот), она на прощание, словно случайно, вложила в его руку свою грудь. И хоть грудь была под одеждой, но Вера явно ощутила, как инстинктивно сжались пальцы Тихона Васильевича. И она уже ожидала продолжения, да доцент Хренников вдруг как-то смутился, извинился, и чуть не убежал. Вера быстро поцеловала его в щеку (для Хренникова по воздействию на его сознание это было равносильно миньету) и ушла. А он стоял в недоумении, размышляя о том, какая начинается у него счастливая жизнь.

А на следующий день доцент Хренников признался Вере в любви. Причем по внешнему виду Тихона Васильевича было заметно, что он не спал всю ночь. А он и действительно не спал. Он всю ночь анализировал случившееся с ним. И при любых расчетах именно прощальный Верин поцелуй перевешивал все. Словно козырным тузом перекрывал он любые сомнения. А ведь жизнь Тихона Васильевича состояла почти исключительно из сомнений. А тут вдруг как-то быстро, разом, и словно бы даже независимо ни от чего, разрешились эти сомнения. Отчего становилось все ясно. Сразу и бесповоротно. Ну и хотелось, собственно, жить дальше.

.....

Давно уже доцент Тихон Хренников не замечал в себе желания жить дальше. Он, конечно, жил. И о смерти вроде как не думал. Но вот если бы спросили его, живешь ты с радостью или с печалью, наверняка задумался бы Хренников. Ибо обманывать не привык, а правду говорить не хотел.

.....

А вообще по жизни он был неудачник. По накатанной закончив школу--институт--аспирантуру, защитив диссертацию и получив звание доцента, Тихон Хренников как бы старался и не задумываться о том кто он есть. Потому как знал, стоит ему задуматься, и тотчас же на жизнь начинала опускаться маска печали и тревоги. Хотя и тревожность, развивающаяся в его душе, была на самом деле неким катализатором, помогающим сдерживать излишне наслаивающиеся на

сознание обстоятельства жизни. Превращая эту жизнь попеременно то в тягость, то в праздник. И фактически все время держа Тихона Васильевича в некоем подвешенном состоянии. Потому как не мог он в полной мере распоряжаться своей жизнью. Была она у него расшатана, разболтана, да и вообще, не такой, какой он хотел ее видеть.

Притом что в душе Тихон Хренников стремился исключительно к порядку. Даже, быть может, и сам состоял из порядка.

Но вот порядок, на самом деле, в его душе редко когда наступал. А что наступало? Да сущее безобразие. Всякая ерунда, в общем, шла в его лысую голову (по недоразумению - Вера попросила подстричься, он состриг все волосы - Тихон Васильевич стал вдруг совершенно лысый). И если бы только эта ерунда... Вера давно уже подозревала, что доцент Хренников придурок, каких свет не видывал. Но она и не могла ничего изменить. То ли своей тревожной нервозностью, то ли еще каким психопатологическим безобразием, но Тихон Васильевич притягивал девушку к себе; и даже если бы она захотела, то вряд ли смогла бы так просто соскочить с крючка. Притом что глупо было бы подозревать Тихона Васильевича в разбрасывании каких-то крючков, наживок и проч. Это действительно был придурок каких мало. Но точно так же он и действительно обладал какими-то чертами (то ли во внешности, то ли в характере) после чего люди, раз-два пообщавшиеся с ним, уже не могли так просто избавиться от мыслей об этом человеке. Словно тревога накатывала на них в таких случаях (в случае принятия решения послать Хренникова к черту). И они вновь и вновь были вынуждены умирять себя. И чуть ли не на поклон идти к этому человеку. Который, создавалось впечатление, и не понимал оказываемого им на других влияния. По крайней мере внешне ничем не выражал. А как только видел в зоне внимания какого знакомого, тут же принимался рассказывать ему очередную белиберду из собственной жизни. После чего тот знакомый улучал момент и бежал сломя голову. Коря себя за неистребимое желание показываться на глаза этому недотепе. Потому что такими же придурками (пусть и только на какое-то время) становились они. И это им не нравилось.

.....

Вере удалось посредством невероятных усилий изменить отношение Тихона Васильевича к жизни. Теперь он не был уже настроен так отрицательно к этой самой жизни. И даже мог признаться себе, что не только любит женщину (в минуты кризиса он, было, уже начал посматривать на мужчин), но и желает ее. О чем пока, конечно, не мог признаться Вере Нежиной. Но дарил ей такие раздевающие (и совращающие ее) взгляды, что Вера Нежина запланировала в самое ближайшее время переспать с доцентом Хренниковым. Посчитав, что лучше переспать с ним добровольно, чем он будет при каждой встрече насиловать ее взглядом.

На удивление, в постели Хренников не показал ничего того, что Вера уже было намечтала. Ей, если честно, вообще не понравилось. И хотя она улыбалась и говорила что все в порядке, и он очень хороший любовник, по тому, сколько раз она это повторяла, Тихон Хренников понял, что он вообще ни на что не способен. И уже хотел, было, опуститься в омут депрессии, да Вера как-то ловко сделал ему миньет. Причем на этот раз у Тихона Васильевича все получилось. Правда, он не смог бы признаться Вере, что для того чтобы все получилось, представил на месте ее другую женщину. Но это, быть может, было и неважно. Сам ведь процесс прошел удачно. И завершился тем, чем должен был. Чему подтверждение Вера, сидевшая перед ним, и наносившая на свои губы новый слой помады взамен съеденной во время сеанса любви.

Тихону Васильевичу даже показалось что он герой. Не герой-любовник, конечно (пока такой статус если и виделся Хренникову, то только в самых смелых снах, да и то, если честно, было подобное только один раз, когда он смешал какие-то алкогольные напитки, уснул, а во сне стал вдруг таким, что готов был брать пример с себя), но то что было, видимо тоже было неплохо.

И еще. После произошедшего с Верой, у Тихона Хренникова внезапно прошли те многочисленные сомнения, которыми доселе была с избытком насыщена его жизнь. И ему уже через время стало казаться, что какого-либо душевного негатива у него и вовсе не было. А что было? Да то что и сейчас: безмерная радость и счастье. Счастье для доцента Хренникова являлось производным его духовного общения с женщиной, с Верой Нежиной. Радость давало ему половое общение с ней. И на удивление как-то быстро у Тихона Васильевича все выравнилось и сравнялось. И он даже подумал, что вполне может рассчитывать на продвижение, на карьерный рост. Притом что об этом как-то не мог он даже задумываться ранее. Потому что раньше не жил, а выживал. Теперь же все стало удивительным образом наоборот. И его бывшие многочисленные стремления к достижению какого-либо результата подкреплялись вниманием к нему Веры Нежиной. И это поистине вносило успокоение в его больную, ну или точнее - выздоравливающую, душу. И ни о чем другом он старался не думать. Поэтому когда однажды Вера внезапно отменила их встречу, сославшись на день рождения мужа (встречу отменила внезапно; когда назначала - забыла про праздник рождения мужа), Тихон Васильевич очень огорчился. Но вскоре успокоился, и понял, что попросту должен отбить свою любимую женщину у другого мужчины.

И при этой мысли он был преисполнен решимости действительно сделать это. Причем, наверное, готов был даже силой забрать ее. И мужу...

Реальность, к сожалению, была другой. Доцент Хренников как-то никогда не занимался ни спортом, ни даже физкультурой. А муж Веры был крепкий и немного тупоголовый мужчина. То есть, как понял Хренников, была вероятность того, что, узнав о нем, муж Веры Нежиной вообще поколотит его. А может даже и избьет. Как собаку. И потому...

Ну, в общем, какое-то время в голове доцента Хренникова рождались различные идеи, от киллеров до переезда в другой город; а потом он внезапно понял, что Вера Нежина ему не нужна. Просто не нужна.

И уже стало приходиться в его голову все, что могло убедить его в подобной мысли. Среди выдвигаемых доводов лидировало мнение, что Вера Нежина является женщиной легкого поведения. А с ним, с доцентом Хренниковым, решила не только переспать, но и влюбиться его по причине своего обучения в вузе, в котором он являлся преподавателем (Хренников к тому же был ее научным руководителем, фактически написав ей диплом и уже давно окучивая возможных членов комиссии, формируя в их подсознании положительный образ студентки Веры Нежиной). И все это вдруг как-то разом отвратило Хренникова от желания общаться с Верой. И он даже перестал ей звонить. А на занятиях был подчеркнуто корректен. Мысленно говоря ей - "отстань, бесовка"...

Не помогло. Когда Вера, уловив момент и сделав доценту Хренникову миньет прямо в аудитории, после чего выпорхнула, оставив его наедине с его мыслями, Тихон Васильевич признался, что продолжает любить Веру Нежину. И будет любить, даже если она будет продолжать оставаться женой другого. И никогда не станет женой его. "Вера Нежина - не жена моя", --повторил Хренников напросившийся каламбур и ему стало даже как-то весело. И что уж точно, он успокоился и стал готовиться к следующему занятию.

А что до Веры, так ее вполне устраивало то состояние, когда ее любили сразу два мужчины. Тем более что муж как вроде бы ни о чем не догадывался. А если бы и догадывался, то он, верила Вера, был цивилизованный человек (хоть и по виду варвар), и вполне, считала она, способен был допустить адюльтер супруги.

"Да и сам гуляет как конь", --подумала Вера, вспоминая о том, сколько раз ей уже говорили, что муж изменяет.

Но она не считала это изменами. Да и какие это были измены, если подобное, на ее взгляд, только укрепляло брак. Выкристаллизовывая чувства. И сопровождая на пути к прекрасному.

А доцент Хренников вскоре стал профессором. Докторскую диссертацию он успешно подготовил и защитил. И сейчас готовил Веру Нежину к защите кандидатской. В женщине вдруг проснулось стремление к знаниям. А может ей просто хотелось быть все время рядом с профессором Хренниковым. Ведь вполне так могло получиться, что, забрав то единственное, что скрепляло их (интуитивно Хренников полагал, что это все-таки учеба),-- и не виделись бы они уже так часто. И каждый принялся бы жить своей жизнью. И еще совсем неизвестно, нашел бы он в этой жизни место для другого. А так - все были довольны и счастливы.

02.09.2007 год.

рассказ

Душевный праздник

1

Гоше очень хотелось душевного праздника. Причем чтобы так – и навсегда. Да и чего-то понарошку он не любил. Не любил половинчатость. Хотя и совсем был не похож на какого-то злодея, который хотел всего и сразу.

Гоше было сорок пять. Гоша был умный, скромный, в меру застенчивый, и столь же умеренно веселый.

Притом что иногда он и веселиться умел, и после каких-то ситуаций никто бы не сказал об его застенчивости. Но бывало это столь редко, что об этом уже мало кто и помнил.

.....

Гоша любил женщин. Любил порой до одури. В отдельных случаях, впрочем, ему после этого становилось стыдно. Хотя и до какого-то самогрызства не доходило. Ну, быть может, Гоша просто умел контролировать ситуацию.

Когда-то, в одной из прошлых жизней, Георгий Мартиньянович был большим человеком, занимал ответственный пост в партии. Правда, «порулить» не успел. Через несколько месяцев после его назначения, СССР распался. А сам Георгий Мартиньянович сделал большую ошибку, сравнивая вновь наступившее тогда время – со временами НЭПа. Мол, все в истории повторяется,--бывало, бубнил он, когда кто-либо из особо недоуменных знакомых начинал сетовать, что Георгий Мартиньянович совсем не устроен в новом времени.

А он и не хотел в нем устраиваться. Во складу характера Георгию Мартиньяновичу была ближе система, которая была раньше. И веря, что все новое на самом деле быстро кончается, Георгий Мартиньянович искренне ждал возвращения старых добрых времен.

Не дождался.

В начале 2007 года Георгий Мартиньянович окончательно смирился с тем, что уже ничего не вернется, пошел работать на завод (к знакомому, руководившим этим заводом), и попросил называть себя Гошей.

С тех пор так его все и звали – Гоша.

Гоша был высокий, немного сутулый мужчина, с седой проседью у висков, длинными свисающими усами (как у казаков, пишущих письмо султану), несколько понурым взглядом, и в иные случае – удрученным видом.

Почти никто из новых знакомых Гоши не знал, кем он был раньше.

Почти никто из новых знакомых Гоши не знал, что он мог веселиться, и брать от жизни все.

Он мог. Но пока не хотел. А все отчего-то решили что он не может (брать у жизни все), да и вообще, видимо, поставили на нем крест. Хотя сам Гоша так не думал (не думал о том, что они думали так). И вообще-то... Вообще-то никто не знал, что думал Гоша на самом деле. Ведь это только поверхностному наблюдателю может показаться, что люди не меняются. Предоставьте большинству из этих людей соответствующие условия, и вы сами удивитесь тем преобразованиям, которыми станете свидетелями. Да и на самом деле, люди иной раз могут так начать чудить, что иной раз и диву даешься за них, и больше даже за себя – что не замечали, как будто бы, раньше в них склонности к этому.

А надо было замечать. Чтобы не думать потом лишний раз, что открываются такие люди перед вами с другой, новой, стороны. Изменяются. А они – на самом деле такими были и раньше. Просто как-то не было ситуаций, при которых они могли раскрыться.

Надолго Гошу не хватало. В большинстве ситуаций он по-прежнему оставался тихим, скромным, застенчивым. И немного даже грустным. Таким, каким не хотел никогда быть. Таким, каким и не мог бы раньше подумать, что станет.

Стал.

И от этого, должно быть, грустил еще больше.

Но в душе Гоша хотел праздника.

В такие минуты (собственного внутреннего подъема) Гоша величал себя Георгием Мартиньяновичем. Заметно преображался. Надевал свой лучший костюм (обычно Гоша ходил... да так. Ничего примечательного), черные туфли (костюм тоже был черным), брал у товарища (директора завода) его «БМВ», заказывал в элитном салоне девушку по вызову (эскорт), и приезжал в самый лучший ресторан в городе на Неве. Где начинал кутить.

Видимо Гоша реализовывал то, что не успел реализовать раньше, когда он занимал высокую должность в райкоме партии.

И на другой день состояние Гоши напоминало еще остатки дня вчерашнего. А потом... потом он уже окончательно смирился с настоящим. Снова надевал свою робу, и плелся на завод.

И, казалось, ничто не может окончательно заставить этого человека веселиться. А то ведь, сбрось, забудь старое,-- да и начни новую жизнь. Ту, которая, быть может, и должна бы у него быть, если бы не наступили новые времена. И все бы у него вышло по другому.

Да Гоша и не жил сейчас. Существовал.

2

Как-то случилось так, что Гоша влюбился.

Женщину звали Анюта. Анюте было двадцать три. Анюта была стройная и красивая. Пусть и не очень умная, но как-то Анюта затащила Гошу в постель, и он подумал тогда, что, такой как Анюта, ум совсем и не нужен. Секс перевешивал в этой женщине все. А Георгий Мартиньянович (он снова стал звать себя Георгием Мартиньяновичем, быть может поначалу и незаметно для себя, просто повторяя за Анютой, а потом привык) радовался, что все у него в жизни самым неожиданным образом пошло совсем не так. Не так как было еще недавно, и не так, как он думал что уже будет всегда.

Нет. Анюта взяла в свои руки жизнь Гоши (Георгия Мартиньяновича). А Гоша, как-то интуитивно рассудив, что так и надо, стал жить новой жизнью.

Да,-- в душе его теперь всегда был праздник. Душевный праздник.

И иного его душа уже не хотела.

03. 07. 2007.

рассказ

Влюбленные...

Она любила его. Он тоже любил ее. Кроме него, – ее любил ее муж. А его – жена. Но кроме жены – его любили еще две женщины. Которые искренне ему были признательны за что-то, известное только им. Но у них тоже были мужья. И мужья ни о чем не знали. Как ни знали и сами женщины – о существовании друг друга.

А он действительно любил их всех. Любил их той отчаянной любовью, на которую только был способен. И он делал все, – чтобы сохранить эту любовь. И любовь его – к ним. И любовь их – к нему.

И почти невозможно было сказать – у кого из всех невольных действующих лиц этого театра любви – любовь была сильнее. И к кому – у кого – любовь была больше.

Каждый думал – что к нему. Но точно так же, мог думать и другой. И что самое удивительное – все это было правдой. Судьба словно специально запутывала сама себя. И ни у кого из участников этого любовного многоугольника – не было никакого желания что-либо изменять. Потому что, конечно же, кто-то из мужей – догадывался о существовании «соперника». И, наверное, каждая из этих влюбленных женщин – догадывалась, что у ее любимого мужчины – есть

«кто-то еще». Но ведь так неприятно признаваться в этом. (И тем более – самому себе). И может это покажется удивительным – но и не нужно... признаваться...

Пусть это был обман. Но обман это слишком резкое, обидное, в чем-то даже грустное слово. И на самом деле, – совсем не отвечающее тому мироощущению, которое привносила в отношении с жизнью, – каждая из этих женщин. Да и мужчин тоже.

Но самое удивительное (и то, что с легкостью могло реабилитировать любого из «застигнутых врасплох влюбленных», – если допустить, что они могут быть когда-нибудь «застигнуты врасплох»), – это то, что в подобной связи – совсем не было чего-то «телесного». Все происходило в некоем возвышенно-воздушном эквиваленте мирских ощущений.

Каждый из них – любил другого. Но любовь у каждого была какая-то своя. Кто-то любил душу другого. Кто-то любил образ (быть может, и во многом выдуманный) другого. Кто-то любил другого за что-то, в чем не мог признаться и самому себе...

И каждый из них – дорожил своей «связью» с другим.

Пусть и в некоторых случаях это была незримая связь. Когда вас что-то неодолимо влечет к другому человеку, но вы совсем не знаете (или действительно боитесь признаться себе), – что – это?..

Но когда делаете невольную попытку как-то изменить судьбу, нарушить складывающееся течение жизни (скорее уже напоминающее бурный поток этой самой жизни), – что-то удерживает вас. И вы вроде как совсем не подозреваете – что – это?.. Но только любые попытки действительно что-то изменить – заканчиваются неудачей...

Вы просто не сможете так-то уж взять – и прервать – то, что складывалось, как будто бы даже совсем, – без вашего участия. Потому как сознательно, – вы, конечно же, не сделали бы ничего этого.

Но вот в том-то и дело, – что в жизни происходит что-то и без прямого участия нашего сознания. И словно бы сознание – совсем даже и не противится этому. Признавая, что есть что-то, – где оно, сознание, совсем бессильно. Где оно (пусть и на миг, – но этого мига-то, зачастую, как раз и достаточно), – теряет «свою власть». И, конечно же, не пропадает совсем. Но и уже не вмешивается; почти что молча (и даже с каким-то волнением) наблюдая за тем, что происходит по другую сторону его, сознания. Что происходит неосознанно, бессознательно...

И даже можно признать, – сознание, – радуется этому. Оно довольно этим, – быть может, и потому, что в какой-то мере кто-то другой, – за нее делает то, что давно бы уже нужно было сделать

ему самому. Но ведь оно знает – что ничто не допустит (не допустит – самим устройством психики), – что бы что-то подобное – происходило осознанно. Потому что, – как бы сознание (каждого из участников влюбленных треугольников), быть может, и не желало, чтобы что-то подобное происходило в реальности, – на самом деле этого бы никогда не произошло осознанно. Потому как такое и не может происходить осознанно. Это – видение бессознательного. И сознание здесь на самом деле бессильно.

И никто не вправе мешать всем этим «влюбленным».

И никто не в праве давать какие-то советы.

И никто не в праве вмешиваться, желая чтобы что-то, – происходило так, а не иначе.

Хотя бы потому – что это жизнь.

А в жизни – всякое бывает...

22 октября 2005 год.

рассказ

Ощущение счастья

Непонятное чувство порой захлестывало меня. Я мог бы списать это на какую-то усталость, или иную непонятность, но ведь подобное продолжалось с невероятной частотой. И создавалось впечатление, что это может продолжаться вечно.

В один из дней Ивар Переделкин задумался над тем, почему он живет так, а не иначе. С одной стороны, это, конечно, совсем не вопрос. Даже просто не вопрос. но вот с другой... С другой стороны Ивар Переделкин понимал, что слишком часто все что делал он смахивало на бег в никуда. Да, он всегда возвращался из этого бега, из этого непонятного движения в бесконечность. Но вот с другой стороны... С другой стороны подобное уже так или иначе стало его настораживать. Шутка сказать, дожить до сорока лет, и толком ни к чему не прийти. Работа его давно уже не занимала. Должность младшего научного сотрудника была тем максимумом его карьеры, через который он не мог перешагнуть. Да и не пытался. Холост, никогда не был женат. Женщины вообще его не интересовали. Так, иной раз воображение начинало рисовать какие-то чудеса, но не больше. И ни в какое реальное воплощение это не вырисовывалось. Можно сказать – пустое все. Ивар так и говорил.

Папа Ивара был латыш, мама русская. Родители виделись всего раз в жизни, после мама вышла замуж за человека, которого не любила. После как-то быстро развелась. Потом выходила замуж еще несколько раз и каждый раз брак заканчивался в течении года. Когда Ивару исполнилось семнадцать, она призналась, что совсем не знала его отца. Познакомились на дискотеке, провозая ее домой, отмечали знакомство около каждого ларька, и так бы до утра передвигались к дому

перебежками (новый знакомый провожал девушку к ее дому), если бы после очередного выпитого обоим не захотелось любви, день был майский, ночь теплая, и парочка завалилась делать любовь под ближайшим кустом.

После того как юноша кончил, он уснул. Мама Ивара встала и ушла. А через время узнала что беременна. Родители девушки аборт делать запретили, она родила Ивара и стала искать мужа, да как мы уже знаем безрезультатно.

Ощущение ненужности пришло к Ивару слишком рано, чтобы он мог как-то с этим справиться. Он и не справился, и стал влачить столь жалкое по духовным качествам существование, что вскоре махнул на себя рукой. Да и что ему оставалось. Характера не выработал, генетика видимо была еще та, и получалось так, что он как-то быстро стал не нужен даже себе. А когда человек не нужен себе, он автоматически не нужен никому.

.....

В один из дней Ивар проснулся с невероятным желанием начать новую жизнь. Можно сказать, он бы ее и начал, да в который раз что-то ему помешало, он погрузился вглубь себя, а когда он погружался вглубь себя, обратно возвращаться ему было очень-очень трудно. И потому он обычно оставался в своем состоянии на несколько дней, пока что-то не отвлекало его. Это что-то рисовало загадочные перспективы, казалось, что все станет хорошо, он наконец-то обретет себя, но проходило еще какое-то время и все возвращалось на круги своя. А жизнь его так и была бегом по кругу. Ну или бегом в бесконечность. Ту бесконечность, которая уже порядком ему приелась, надоела, и вообще, давно уже была безразлична.

Преисполненный решимостью начать новую жизнь, Ивар решил начать с себя. Он понял, что должен поменять себя, поменять свой ритм жизни, поменять быть может и саму жизнь. Но при этом, сколько он не пытался сделать это раньше, ему не удавалось. Почему же должно было получиться сейчас?

Он и сам не знал ответа. Да, весь ответ быть может сводился к самому простому, но вот как нащупать это самое простое, он не знал. А потому промучившись какое-то время, решил оставаться таким, каким он был. Да, тщедушным в душе, да, слабым внешне, да, неуверенным, с неустойчивой психикой, но все-таки самим собой. Ибо понял он, что попросту не надо ничего менять, он должен быть таким, какой есть. И как только пришло понимание подобного, тотчас же стало легче в душе, а за легкостью как-то незаметно подкралось и ощущение счастья. Он и сейчас живет с этим ощущением. Ощущением счастья. Да и разве этого мало? Такое бы ощущение каждому, так может и жизнь казалась бы полней, и не было бы душевных мук да страданий, а люди стали бы добрее.

Хотя кто знает. Жизнь слишком многогранна, чтобы сводить ее к каким-то формулам да житейским правилам. Ну а что до Ивара, сейчас он был счастлив. И это было главным.

31 марта 2011 года.

рассказ

Загадка Максима Анисимова

Он не хотел придумать большее, чем было в самой жизни. Да и надо ли было придумывать? Он не знал. Он действительно не знал, а еще вернее не стремился о чем-то говорить более точно, чем у него были сформированы предположения относительно совершаемого. Он много совершал поступков, которых может и не надо было совершать, но это только с одной стороны, потому что с другой – именно в совершении этих поступков он находил себя. Находил какую-то обязательную необходимость совершать именно эти поступки. Находил какую-то особую предопределенность, которую даже не мог пока точно сформировать, и она долго еще оставалась такой как была, не имея окончательной определенности. И поначалу он вроде как еще давал себе установку возвратиться назад и довершить начатое. Но вскоре понял, что это уже не нужно. Прожил ведь он какое-то время без этой самой завершенности. И наверняка еще проживет. А если что-то нарушит его бег по жизни, так он не обидится, он поймет. Он все поймет. Он вообще был способен понять если не все, то многое. Даже очень многое, если предположить, что в подобном понимании часто не понимал он что, собственно, должен понимать. А когда, по прошествии времени, пытался вернуться к тому, на чем остановился – очень быстро запутывался и прекращал попытки. Убеждая себя что «не надо». Что все и так хорошо. Что можно продолжать жить как жил, и совсем не задумываться о том, что так жить ему не стоило. Что могло существовать еще что-то, что способно было изменить его нынешнее движение. Хотя с другой стороны, что это могло быть?..

...Он не знал. Не знал, не догадывался, и если честно – как-то по-особенному и не пытался. Все выходило само собой. Как будто так и должно было быть. А если не было – то и не надо.

Хотя, видимо, он и не знал, как это должно быть. Не знал, и не понимал этого.

.....

Подобное с ним уже происходило. Случаи, правда, возникали эпизодически, и даже может не следовало в этом искать какую-то определенность, да он наверное толком и не искал, предпочитая если не плыть по течению жизни, то что уж точно, не вступать с ней в слишком явные противоречия. И если разобраться, сам Максим считал что был прав. Вернее, прав был в гораздо большей степени, чем не прав. И вот считая так, как бы полагал он, что может и не стоит ему так-то уж излишне глубоко задумываться над происходящим. Да, он верил в свою исключительность. И

даже если не совсем исключительность, то точно, что Максим не сомневался, что когда-то найдется та истина, которая ему по-настоящему необходима. И вот тогда уже найти ее, считал он, будет на самом деле для него как открытие чего-то поистине уникального; того, что если и было до него, то оно затерялось вдали; среди полных равнин безбрежных пустынь человечества.

Максима подмывало сказать самому себе, что он не прав. Он частенько наблюдал как так делали остальные, другие. Но другие – это не он. Он и действительно был не такой. Высокий, статный, с кудрявой рыжей головой и белозубой улыбкой, Максим многим казался таким инопланетным существом.

Отчего они считали так, никто не знал. А может и узнали бы, если бы задумались. Да вот не задумывались. И это по настоящему было любопытно, казалось таковым, да и вообще, могло бы при случае сойти на правду, если бы сама правда была не такая до странности загадочная, как ее представляли большинство из тех, кто знал Максима.

А его на самом деле не знали. Точнее, люди знали его, но знали как бы поверхностно. Да и все их знания сводились к чему-то такому, о чем бы Максим сам удивился: как так? Почему они видят в нем именно такие черты, да не замечают другие? Отчего выходит так, что сам Максим может и удивился бы, открыв в себе какие-то загадочные способности, о которых если и подозревал что они существуют, да не придавал им серьезного значения. А тут как будто прорвало. В один день Максим вдруг узнал о себе столько, что заставило его разом пересмотреть собственные взгляды на жизнь. А саму жизнь представить в ином свете, чем она казалась ему раньше.

Но он сумел взять себя в руки. Максим видел и понимал, что все на самом деле не так. Что пусть он в чем-то еще серьезно заблуждается и не понимает, но не все в действительности так. На самом деле все было не просто. Да, иной раз, он не понимал себя. Но так было раньше. Сейчас, когда прошло время, сейчас, когда он действительно стал совсем другим, Максим как-то до странности удивлялся происходящему; и верил – что это все лишь временное явление. Это вот непонимание. Вернее, люди как раз понимали его (как казалось им). Но он-то видел иное. Он видел, что никто из них даже не попытался приблизиться к осознанию его истинной масштабности. А если кто и пытался, и даже приближался, то на каком-то этапе сворачивал в сторону; и уводило его тогда туда, откуда, как шутил Максим, уже не возвращаются.

И не знал он как выровнять ему этот путь. Причем сам путь был до удивления странен и загадочен, а иной раз как будто и вовсе вел не туда. И понимая, что может даже и дороги невозможно будет отыскать обратно, Максим все равно шел. И находил. Каждый раз Максим находил обратный путь. И находя его, понимал, что еще не слишком много потеряно, за то время пока сворачивал он в сторону. И если видел что заблуждался – сам это признавал. И тогда все начиналось по новой. И нельзя было сказать чтобы как-то (и когда-то) растерялся он или

опечалился. Нет. Такого не наблюдалось.. Максим Анисимов знал верный путь. И двигался по нему, лишь иногда, в качестве то ли забавы, то ли исключительной душевной доброты, снисходя до чего-то такого, чего зачастую и сам не мог постичь. Видимо так было необходимо. Даже у самых сильных и внешне непогрешимых людей могла существовать в чем-то слабинка, что-то такое, что заставляло его или поворачивать обратно, или чувствовать себя не совсем в своей тарелке. Вот ведь как,-- иной раз задумывался Максим, но, по сути, старался особенно долго не размышлять над всем этим.

А иногда Максиму казалось что он сам все запутывал до невероятности. И в том, что это было так, вроде как и не приходилось сомневаться. И уже тогда, лишь изредка он делал попытки разобраться в том, что с ним происходило. Но вскоре такие попытки оставил, решив как-то особенно сильно не погружаться в свое состояние. Мол, пусть будет, как будет. Пусть будет как есть,-- говорил он тогда, и почти тут же понимал, что именно это и есть самое нужное, что было.

«Мне нужно именно такое состояние»,--тогда говорил он, и нисколько не старался, чтобы мысль пустилась дальше в свой забег; ибо в таком забеге было все, кроме реального окончания. Да и какое-то окончание в тот момент даже не казалось Максиму существенно важным, и тем более необходимым. «Пусть все идет, как идет»,--повторял он, и видимо был недалек от истины. Да и что такое истина? Истина – это субъективный взгляд конкретного человека в конкретный период времени на конкретный жизненный эпизод. «Тогда как на самом деле все могло быть иначе»,-- задумавшись, отвечал себе Максим, с удовлетворением отмечая собственную правоту.

Хотя так было не всегда. Не всегда...

Быть может поэтому слово «всегда» Максим старался не произносить. Оно было как бы излишне объемным, масштабным, не нужным. Да Максим и вообще старался не произносить слишком много слов, по которым можно было бы установить какую-то конкретику. И пусть неопределенности он тоже не любил, все-таки вынужден был признать, что в определенных жизненных ситуациях такая неопределенность была предпочтительнее. Для него, по крайней мере.

В один из дней Максим Анисимов решил жениться. Поначалу собственное решение не вызвало в нем сильного энтузиазма. Хотелось даже что-то такое сказать о себе нехорошее. Но Максим не спешил экспериментировать с собственным разумом, подумав, что вполне допустимо, чтобы все шло своим чередом. И если действительно он должен потерять свободу в обмен на узы брака, то пусть это случится как бы без ведома его сознания. Так бы ему было спокойнее.

Все дело в том, что кандидатуры на брак у Максима еще не было. Он вроде как и порывался переговорить с какой-нибудь из понравившихся ему девушек, да подумав так и сяк, понял что сейчас этого делать не стоило; следовало подождать.

«Надо немножечко подождать»,--сказал он тогда себе, и решил ждать.

«Ждать у моря погоды»,--предположил приятель Максима, Григорий, но Максим уже давно привык не прислушиваться к какому-то мнению, чтобы всегда оставаться самим собой, то есть не терять, по его мнению, индивидуальность. В чем быть может и был в какой-то мере прав,--рассуждали те, кто хоть иногда думал о Максиме. Но так как думали о нем очень мало; и даже можно сказать совсем не думали, то Максим вскоре понял, что он может так попросту загнать себя. А потому решил, как когда-то читал у Карнеги, просто жить. А перед этим перестать беспокоиться.

--Да разве я так-то уж серьезно о чем-то волнуюсь,--насторожился вдруг он, подозревая, что если все-таки волнуется, это могло бы привести к печальным последствиям.

--Нет, я ни о чем не волнуюсь,--ответил он сам себе, и тут же что-то сладкое засосало под ложечкой.—Видимо я все-таки прав,--задумавшись, прошептал Максим Анисимов, и понял что все эти размышления, и даже сама необходимость их, есть великая загадка, которую так и можно было назвать: загадка Максима Анисимова. С чем он был, в общем-то, согласен.

Декабрь 2008-Июнь 2009 гг.

рассказ

Двойной человек

Смотрел он, конечно, на этот мир, и недоумевал.

--Отчего,--спрашивал себя Ираклий,--так все несправедливо? Отчего,-- недоумевал он,--приходится постольку раз думать над тем, как пробиться на пути, по которому должны идти многие, если не все? Хотя если пойдут все,--тут же замечал он,--начнется что-то совсем не то.

Ираклий обычно дальше не продолжал свои размышления, потому как появлялось тогда уже совсем нечто весьма печальное в его представлении и мире. И даже если предположить, что он ошибался... Хотя, Ираклий в этих вопросах как раз и хотел ошибаться. Уж очень ему было бы непонятно в ином случае думать о чем-то, от чего наверняка стало бы грустно, как знал он. Ираклий вообще о многом знал. И при этом – как-то неохотно делился своими знаниями. То есть можно было конечно предположить, что он и не знал вовсе, но ведь знал. А в его нежелании делиться, Павлик, знакомый Ираклия, угадывал невроз.

Павлик учился в институте психотерапии, каждые полгода добросовестно ездил на сессии в Москву, но работать Павлик собирался в родном Питере; да и к тому же, в Питере жил Ираклий. А по Ираклию Павлик с недавних пор собрался писать диплом. Рассчитывая даже (если повезет), взять Ираклия с собой на защиту диплома. Как бы представить перед комиссией того наяву, на случай если у кого-то возникнут скептические вопросы по поводу того, что такие личности как Ираклий не могут адаптироваться в социуме. А Ираклий адаптировался. И даже неплохо

пристроился, что, учитывая то, что он был глубоко патологической личностью, было весьма и весьма непросто.

Прежде всего, Ираклий был психопат.

Но он настолько уверенно скрывал свою болезнь, что сумел устроиться на ответственную должность. И хотя кем он на самом деле работал, предпочитал не распространяться, уезжал на работу он на служебном авто. Это же авто привозило его обратно.

Но что, пожалуй, было наиболее интересно, так это то, что Ираклий был вовсе и не Ираклий. Звали этого человека Федор Васильевич Коростылев. Был он директор научно исследовательского института. Помимо служебной «Волги», было у Коростылева еще два авто ведущих иностранных производителей. Да и вообще, если разобраться, Коростылев был вполне удачливым человеком. Но... Но вот становился он иногда просто Ираклием. Вместо строгого костюма надевал совсем уж демократическую одежду. Да еще и как бы сходил с ума, выпуская наружу все то безобразие, что скрывалось у него внутри. И отчего Павлик Скороспелов звал его «двойной человек».

Причем вскоре Павлик сам отметил некую сумбурность подобного названия. Но уже как бы не собирався ничего менять. Рассчитывая вероятно на то, что те, кто знает Ираклия и Федора Коростылева – поймут все сами. А тем, кому станет интересно – тоже поймут, как только Павлик немного расскажет об этом загадочном человеке, Ираклии.

В иные разы Павлик тяготился общением с Ираклием. И даже стремился снизить это общение до минимума. В то время как знал, что уже не сможет без Ираклия. И даже не потому, что ему нужно было заканчивать диплом (материала он набрал достаточно, и вполне мог обойтись уже без него). А было еще нечто, что заставляло Павлика самого набирать номер Ираклия, и терпеливо ждать, пока тот снимет трубку и ответит...

В зависимости от ответа Ираклия, Павлик мог понять кто перед ним – Ираклий, или Федор Васильевич. Потому как если это был Ираклий, то следовал беспечный ответ уверенного в себе человека, этакое неформала, интересующегося, кому он вдруг понадобился.

Если же в трубке слышался вкрадчивый голос, и по голосу уже было понятно, что этот человек боится самого себя, то тут как бы тоже все становилось понятно. Федор Васильевич Коростылев вообще был осторожным человеком. И предпочитал лишний раз ни с кем не общаться, чтобы не показывать свое патологическое состояние, в котором с недавних пор все чаще пребывал.

И вот эта раздвоенность Федора Васильевича, наверное, внушала и некий трепет Ираклию. Потому как многие стали замечать, что в иных случаях Ираклий начинал вести себя не так, как предписывалась роль, принятая им раньше. И Ираклия вдруг становился другим. Причем сам,-- когда кто-то его внезапно спросил,-- признался, что да, мол, все так и есть. Ему неловко вести

жизнь Ираклия. Из чего почти следовало, что он может навсегда остаться лишь в роли Федора Васильевича. Хотя?.. Вопрос тут был все же спорным. И все заключалось в том, что Федор Коростылев просто не мог уже в силу собственного привыкания к образу Ираклия – от Ираклия отказаться. Что, опять же, означало, что он и впредь будет совмещать две роли своего «Я». Причем, если уж говорить совсем откровенно (как, впрочем, и любил всегда Коростылев), Федор Васильевич не смог бы без Ираклия выжить. И не потому, что он так-то уж вжился в роль. Скорей всего тут причины были такого любопытного характера, что Коростылев попросту вынужден был продолжать пребывать в двух образах.

Кто-то мог сказать, что он хорошо играл, но, тут вопрос скорее оказывался спорным. Да, Федор Коростылев играл в определенные дни недели роль Ираклия, причем играл действительно талантливо. Например, он умудрялся даже имитировать его уклад психики. И если Федор Коростылев пребывал на людях как бы слегка в «прибытом» состоянии, то в образе Ираклия наоборот – он казался разнузданным даже себе. Отчего смущался, а в иные разы удивительным образом и тяготился подобным.

Тогда как случалось и как бы наоборот – он проявлял себя исключительно закомплексованным субъектом. Отчего через какое-то время начинал бояться самого себя. Что, конечно же, не могло ему понравиться. Потому и отказался с течением времени Коростылев от той модели излишне скованного человека, взяв за правило уверенность, хотя, как говорится, против природы не пойдешь, а против собственной психики тем более.

Оттого и стал со временем тяготиться Коростылев образа Ираклия. А Ираклию было стыдно, что иногда вместо него приходит коростылевский образ. И в такие разы Ираклию приходилось становиться по загадочному задумчивым. Но и даже в этой внутренней тщедушности, в душе Ираклия все равно проскакивало нечто, что могло бы, при иных раскладах, изменить его жизнь. Вопрос только, что не так-то просто было ему сразу перестроиться. Верил он, конечно, в то, что не все так просто; но и даже при этой вере существовало нечто еще, что как бы напоминало ему о прошлом. О том прошлом, когда он еще смотрел на мир в одном лице; и ему не приходилось так расслаиваться, являя собой иной раз и вовсе нечто загадочно-неповторимое, но при этом какое-то излишне мучительное, да и вообще – печальное.

Печальным могла быть вообще вся жизнь Коростылева. Поэтому он и придумал себе образ Ираклия. И погружаясь в этот образ, он отыгрывал в нем весь накапливающийся в душе негатив. После чего становилось ему относительно легко и свободно.

Относительно, потому как со временем стало Коростылеву трудно бороться как с желанием вообще остаться в образе Ираклия, так и никогда больше не использовать тот, потому как – уж слишком мучительным было возвращение. И при этом...

При этом Ираклий тоже со временем начал противиться. Ему стало казаться, что как раз образ Ираклия Коростылев и должен принять за основу. И больше не изменять, начав жить в соответствии с теми правилами внутреннего поведения, который установил уже Ираклий.

Ну а Коростылев противился. Ему хотелось вернуть все обратно. Он даже подумывал о том, чтобы окончательно изжить образ Ираклия из своей души. И при этом видел он, конечно, как тот противился. Как выпирало все время из подсознания Коростылева все то скверное, что он так охотно стал приписывать Ираклию. И что на самом деле было присуще ему,--как заметил ему Павлик, который все больше и больше, видя происходящие метаморфозы с Ираклием-Коростылевым, заинтересовывался наблюдаемым. И по сути, ничто уже не могло его так-то отвернуть от подобного наблюдения, так как это было и на самом деле интересно.

А еще это помогало в какой-то мере понять жизнь. Ираклий и Федор Коростылев, это были те люди, наблюдая за которыми Павлик в какой-то мере постигал жизнь, природу психики индивида, ну, в общем, все то, что было уже так или иначе необходимо ему и по учебе.

А учился Павлик хорошо. Он даже подумывал после окончания вуза пойти дальше, в аспирантуру, например. И при этом (об этом Павлик никому, конечно, не говорил), мучился он серьезными внутренними проблемами. Чтобы заглушить которые, быть может и выдумал образы и Ираклия и Федора Васильевича Коростылева. Тогда как на самом деле, вместо них был всего лишь один человек. Павлик Скороспелов. Сумасшедший...

16 апреля 2008 г.

рассказ

Актер поневоле

Он мучился от бездны внутренних страданий, заполнявших его внутреннее состояние до того безобразия, когда уже как будто и ничего не оставалось, как только без эмоционально взирать на происходящее.

Сейчас это действительно было. И можно сказать повторилось. Хотя говорить так, означало просто в очередной раз подтвердить свои предположения, сделанные когда-то давно. В юности, например. Когда Филипп Миртах впервые столкнулся с чем-то подобным, еще не до конца сумев осознать, что это уже никогда никуда не уйдет. И если случилось с ним, то периодически будет возникать всегда, продолжаясь всю жизнь.

Он становился старше. Взрослел. Но вся эта взрослость как будто совсем ни к чему не обязывала. В контексте того состояния, которое уже его не отпускало. Вынуждая смириться. А он сопротивлялся.

Подобное вполне было в его характере. Сопротивляться. Как будто бы он и на самом деле был уверен, что достоин лучшей участи. И потому (уже, быть может, потому) был преисполнен решимости идти до конца. До победы.

А победа все отдалялась, и смеялась отзывавшейся страданиями болью в его душе. Душе, которая всегда была более чем ранимой. Несмотря на внешнее безразличие, которым Филипп научился со временем облекать себя. В маске этого внешнего безразличия скрывался и его страх. Страх -- как нечто такое, что никогда не требовало ни доказательств присутствия, ни возможности избавления от себя. Состояние, которое пришло раз и навсегда. И со временем Мирбах понял, что он может как угодно пытаться скрывать свой страх, камуфлируя его под что угодно, но сам, в душе своей, Филипп Мирбах понимал, что страх действительно пришел раз и навсегда. Не зависимо от того, что происходило в жизни. И даже самое печальное, что все что происходило – уже было как бы неким подтверждением этого страха. И вероятно – следствием его.

Если бы когда-то Филипп Мирбах не понял, что должен играть, он мучился бы всю жизнь.

Но так уже вышло, что когда-то он действительно осознал, что нашел некий способ выживания, заключающейся, конечно, в простейшей приспособляемости к жизненным обстоятельствам. И это, конечно же, была игра (ни больше, ни меньше). Но со временем Филипп даже сам не заметил, как эта игра слилась с его жизнью. И жизнь, подстраиваясь под определенные (раз и навсегда установленные) правила игры – удивительным образом наконец-то стала изменяться.

Но, конечно же, нельзя было говорить, что все что пришло – было раз и навсегда. Нет. Со временем Мирбах почувствовал, что ему необходимо приспособляться к обстоятельствам. Строить жизнь, корректируя правила уже исходя из того, что происходило в его жизни. Ну, или в жизни сначала что-то происходило, начинало происходить, а Мирбах уже интуитивно угадывал, какого рода должны быть изменения; и подстраивался под них. Изменяя себя. И фактически, иной раз, ломая то, что, как полагал, пришло раз и навсегда (переходя даже в определенную жизненную установку).

Так это действительно было.

Мучился он конечно от подобного необычайным образом. Ведь со временем получилось так, что Филипп Мирбах уже как вроде бы и не хотел играть. Хотел быть собой.

Не получалось. Не получалось хотя бы потому, что тогда со всей безжалостностью его начинало раздавливать что-то тревожное, что мучительно разрывалось начинавшейся болью в его душе.

И скулила тогда душа. Умоляя о пощаде.

Пощада могла наступить, если бы Мирбах вновь начал играть. Он и играл. Что ему еще оставалось, как не играть. Играл. Играл, проклиная себя за соглашательство с врагом, и за вынужденную подстраиваемость к обстоятельствам. Словно бы не замечая, что это они фактически вынуждали его, а его вины как будто и нет.

Да и ничего такого уж страшного не было в том, что приходилось Мирбаху бороться. А если вспомнить, то и по юности Филипп Георгиевич пытался проделать что-то подобное.

Но после условной победы – долго болел. И в это время страх уже окончательно расправлялся с ним. Поселившись в душе, казалось, надолго или даже навсегда.

Мирбах готов был согласиться с чем угодно. Принять любые условия. Если навсегда – пусть навсегда,--говорил сам себе, стремясь все равно выскользнуть из пут обволакивающего его безумия.

Не получалось. У него никогда не получалось, если он не шел на компромисс. Компромисс становился возможен только когда он начинал играть, да еще и был при этом искренен.

В таком случае мучительное доселе состояние в психике выравнивалось. И становилось как будто спокойнее.

.....

Проходило времени. Иногда Мирбаху начинало казаться, что весь негатив вообще исчез из его души. И там уже никогда не будет боли.

Он ошибался. Словно бы зная о таких его мыслях, страх и ужас осознания собственной жизни тот час же как-то разом заполнял его душу. И трепетала та в боли и безрадостности бытия. Умоляя о пощаде, скуля, валяясь в ногах, и постепенно уже будучи готовая смириться со всем происходящим. Без какого либо стремления от этого происходящего избавиться.

Такое было. Подобное происходило каждый раз, стоило только Филиппу Георгиевичу почувствовать свою мнимую силу. Силу и желание высвободиться от разрывавших его душу мучений. Заявить о каких-то своих условиях. Сказать всем, что ему не нужны ни контролеры души, ни советчики разума. Что он сам, исключительно сам -- хозяин собственной жизни. И никто ему не нужен...

Как бы не так. Стоило Филиппу Мирбаху только подумать о чем-то подобном, как тут же он начинал захлебываться в накатившей на него волне обрекавшего на страдание безумия. И он срочно начинал играть вновь. Вынужденно играть. Ведь только в этом случае куда-то уходила боль. Скрываясь, прячась, и ни за что ни показываясь до поры до времени наружу.

А может и не было этой боли? Может просто, когда-то давно, Филипп Мирбах уж слишком откровенно вошел в роль. А на самом деле, если бы не играл он ее, а заставил бы, например, свою психику прийти в адекватное состояние иным способом, то и закрепился бы такой способ в его подсознании. А потом бы и вовсе Филипп Георгиевич приучил бы это состояние контролю. Необходимости контроля. Возможности при всякой попытке возникновения – образумливаться.

Что толку говорить о том, чего не было.

Факты сейчас говорили о другом. И эти самые факты словно бы свидетельствовали, что Филипп Георгиевич Мирбах всегда (и навсегда) должен был приспособливаться, играть, подстраиваться. Если хотел, чтобы его психика не испытывала каких-то уж слишком мучительных последствий.

И кто же он тогда был? Актер. Он был актер. Актер поневоле,--как кто-то когда-то сказал о Мирбахе.

А Филипп Георгиевич давно уже понял, что это так. А разве у него был выход?

02. 08. 2007 г.

рассказ

Покорение пути

Он не думал, что когда-нибудь попадет в такую зависимость.

Он делал все аккуратно.

Но это было раньше.

Раньше он был скромн, в меру обаятелен, и весьма застенчив.

Но проходило время, и Руслан сам не заметил, как и где набрался всей этой гадости да суровости (как отхарактеризовала его как-то одна из случайно встретившихся бывших знакомых). Причем еще до последнего сам он этого старался не замечать. А тут как бы посмотрел (и увидел!) себя другими глазами.

И стало сразу как-то забавно от всего этого.

--Забавно - это странно,--сказал приятель Руслана в разговоре с другим приятелем (они обсуждали Руслана).

Так повелось, что Руслана многие обсуждали. При этом кто-то его искренне любил, кто-то ненавидел, кто-то относился к нему нейтрально-незаметно, а то и старался вовсе не замечать.

Но даже не замечая, все -- все равно относились к Руслану Довгаеву с долей того любопытства, которое не только позволяет общаться с таким человеком, но и даже встречаться через многие годы расставания; причем такие встречи обычно проходили в теплой, дружеской обстановке.

Руслан Довгаев знал и любил других людей.

У него был обширный круг знакомств (от официанток - до министров). Сам он работал...

Руслан был тусовщиком. Он посещал различные мероприятия Питера и Москвы. Ему было двадцать семь лет. Его кормил папа. А Руслан, прогуливая деньги родителя, стремился завести побольше знакомств. Как будто рассчитывая, что когда-нибудь они ему пригодятся.

Руслан Довгаев заканчивал факультет международных отношений в Санкт-Петербургском университете. Папа его трудился в нефте-добывающей отрасли. Мама вышла замуж за араба и уехала в Пакистан. Брат, промотавшись всю молодость по горячим точкам, исчез. Ходили слухи, что он поддался к ваххабитам. Кто-то, впрочем, слухи эти опровергал, намекая, что Довгаев-старший (папа у братьев носил другую фамилию) осел где-то за границей и живет своей жизнью, а не бегает по горам, как свидетельствовали слухи.

Довгаев слухам не верил. Как не верил никому.

Ну а так как он привык полагаться на себя, то откладывало это весьма своеобразный отпечаток на его душу (проецируясь на внешность поведения и образ мыслей). Поэтому иногда Руслана понять было невозможно. А иногда - он представлял чистым своими помыслами, и незамысловатым поведением указывал на то, что с ним можно быть откровенным, не опасаясь какого предательства.

Был ли он таким на самом деле - вопрос.

Но уже можно сказать, что как раз внешне Руслан выглядел весьма интересным человеком. С ним хотелось общаться. И, наверное, даже было возможно - поделиться с ним какой государственной тайной. Как бы услышав мнение о ней - но и зная при этом, что больше о таком его мнении никто не узнает.

И при всем притом - Руслан Довгаев являл собой противоречивую личность.

Получалось подобное потому, что в разное время он был разным. Веселым и добрым, стремившийся к нравоучениям, и до глупости открытым, разным, в общем.

Впрочем, правду не знал никто. Кто-то из знакомых папы, когда тот, находясь на севере, попросил доверенных лиц сделать о сыне свое мнение, полагал, что происходит подобное от того, что в какой-то момент у Руслана сбилось понимание собственной роли и места в жизни; кое-кто предположил, что он просто не определился каким ему быть; говорилось еще о маске,

присутствующей у каждого индивида, но голоса по этому поводу оказались самыми малочисленными, и всерьез папой не воспринимались.

Где крылась истина?

Где скрывалась она - папа не знал.

Он лишь подумал, что никому нельзя верить. Потому что даже не находясь рядом с Русланом, знал, что тот совсем иной, чем представляют его "доверенные лица". А кое-кто из доверенных - через время таковым быть перестал. После чего оставшиеся проследили подобную тенденцию - и стали папе говорить о сыне только хорошее. Тем самым выявив свою ложную сущность и предательско-подхалимское мышление, и с ними папа Руслана расстался тоже.

У него уже почти никого не осталось из тех, на кого он бы мог положиться.

И вовремя остановившись - папа махнул ("временно", --решив про себя) на Руслана рукой, повысил вдвое его денежное содержание и будучи намерен на какое-то время оставить сына в покое.

.....

Можно предположить, что Руслан Довгаев думал о жизни даже более серьезнее, чем кто-либо из его сверстников.

Однако, даже думать так, означало бы как минимум не верить простому ходу вещей; когда образовывалось некое непонимание ситуации - вследствие факта ошибок, совершенных от неправильного видения ситуации. Когда упускалось главное. Когда что-то действительно необходимое - отходило в тень. А вместо этого, на первый план выходила всякая мерзость. От которой становилось, иной раз, больно и обидно самому Довгаеву. Хотя и было ясно, что внешне он старался не показывать своих душевных переживаний, находя это поводом для еще больших нападков со стороны врагов. А враги Довгаеву были не нужны. Потому как отвлекали на ненужную борьбу. Борьбу с ветряными мельницами, как их называл Довгаев по примеру Сервантеса; притом что до конца Руслан не ведал как ему следует поступать на самом деле. Он только сомневался, иной раз, через чур. Понимая, что смотрит на ту или иную ситуацию не с той плоскости. И при этом верил он во что-то свое. В то, что все каким-то образом изменится. Ну, или -- может измениться в любой момент. А он, получается, если окажется к этому не готов - то будет в минусе.

Он и готовился.

--Знать бы еще к чему,--шутил Довгаев...

Впрочем, видимо нечеткость в его цели действительно удручала Руслана. Но и выбирать свой путь в окончательном варианте он был еще не готов. Потому как предстояла Руслану борьба. Он это знал. Он стремился к единой победе. Он стремился покорить какие-то свои пути, достигнув

вершины, которые стояли перед ним, но которые, быть может, он еще пока не видел. Не находил. Не находил, что они необходимы ему.

.....

Случилось так, что Руслан Довгаев вдруг понял все.

И как бы осознал весь свой путь, который скрывался до этого за завесой тайны. А теперь словно бы предстал перед ним, и...

Легче стало от этого Руслану. Почти наверняка легче.

Хотя пока он (можно предположить) еще и не подозревал, что может произойти от всего этого в его дальнейшей жизни; но что уж точно - жизнь казалась ему (стала казаться) уже совсем не такой шаткой, как раньше. Как раньше - если рассматривать все происходящее с ним по настоящему. То, что было на самом деле, а не так, как он хотел - чтобы это было.

И уже получалось, что он совсем теперь не переживал что будет это так. Потому что разом уверовал во все, окружающее его.

.....

Прошло еще какое-то время, и Руслан получил благодарность от папы.

Благодарность была в виде новенького "Мерседеса", и... девушки.

Причем девушка оказалась такая, о которой Руслан мечтал всю жизнь. А папа, получается, угадал чаяния сына.

Помимо внешних данных у девушки (Линда, ее звали Линда) была патологическое подчинение мужчинам. Вернее - тому мужчине, которому она принадлежала. Руслан, было, подумал, что раньше Линда принадлежала папе,-- да папа, предусмотрев это "искаженное мнение" (как он сказал) - обставил все так, что Руслан вскоре уверовал в исключительную правду, исхившую от девушки. К тому же она оказалась девственницей. И это настолько понравилось Руслану, что он принял предложение от папы - взять девушку в жены.

Двадцатитрехлетняя Линда была согласна заранее. И она действительно проявила полное подчинение мужчине. Не перечила ему, и честно исполняла все его извращенные желания. Он даже не знал, что в нем царил такой разврат.

Со временем (времени прошло немного) Руслан остепенился.

К тому же подошли остальные изменения в жизни. Он закончил университет. Почти тут же поступил в аспирантуру, и за год, пройдя ее экстерном, защитил диссертацию. (Ходили слухи, что помогли деньги папы.)

И Руслана родился сын (Самвел). А потом и дочь (Лера).

Жена к этому времени стала еще красивее. И по-прежнему беззаговорочно подчинялась любому желанию своего мужчины. Который к тому времени стал уже полноправным партнером папы (папа решил что пора). И будущее предполагало быть только хорошим.

Ну а самое главное, Руслан Довгаев действительно нашел свой путь. Нашел вершину - и покорил ее. После чего зажил в мире и комфорте.

23.11.2007 год.

рассказ

Накатило...

1

Колесов понял, что он "достояние республики". Странность подобные мысли могли произвести на кого впечатление, но только не на самого Василия Аркадиевича. Который был добрым малым, искренним и беззлобным, подкупающим других открытым честным взглядом и соответствующими манерами поведения.

Это-то сейчас и смущало больше всего. Кто-то даже предположил, что Вася Колесов сошел с ума. Что означало -- и относиться к нему надо было как к сумасшедшему.

Что, впрочем, противоречило трезвому взгляду на Василия Аркадиевича. Роста у него было чуть ли не под два метра. Носил кучерявую шевелюру. В его сорок лет волосы уже были кое-где с проседью. Зубы имел большей частью вставные, и они блестели цветным металлом, отражаясь, например, в бокале. Пил Колесов много. Он пил каждый день, заходя после работы (работал в руководстве одного из питерских вокзалов) в кафешку, где садился за столик, и выпивал традиционную бутылку легкого вина. После чего шел домой. Дома ждала жена-стерва, которая тоже где-то работала, но для Колесова никогда ее работа не имела принципиального значения, и даже можно было предположить, что он как-то и не вдавался в подробности, где работала его супруга. Знал только, что проституткой она не была. Слишком невзрачная внешность у нее была для проститутки. И Колесов, который периодически пользовался услугами путан, считал, что те все были красивые, сексуальные, и доступные. Причем о том, что из всех качеств, которым он бессознательно их наделял, было верно только третье - не задумывался.

Он вообще старался меньше задумываться.

А тут вдруг как прорвало. И в голову Василия Аркадиевича стали приходиться столь ужасные мысли, что он не знал, как от них избавиться. Пытался, конечно. Но пока мог признать, что у него мало что получается.

2

Случилось так, что Колесов нашел выход из положения, в которое попал таким незавидным образом. Выход заключался в признании легитимности своих новых ощущений.

И вскоре оказалось так, что они ему и действительно оказались очень нужны. Да и вообще важны, наверное, для продолжения жизни. Хотя жизнь обычно продолжается в детях (которых у Колесова не было), или в прижизненном возведении себе памятника в виде чего-то, что останется (или только будет) актуальным после смерти.

Никакой особой актуальности в своих занятиях на вокзале Колесов не видел. С детьми тоже продолжалась затянувшаяся незадача. Жена иметь детей не могла. Да и, признаться, не особо любила вообще сексуальную форму жизненных отношений. Считая, что намного важнее простые человеческие чувства. "Была фригидная в общем",-- считал Колесов, и был в общем-то прав. А не только оправдывал свои походы по проституткам, которые всегда встречали его с лаской и заботой, и в течении оплаченного времени были готовы на многое, а некоторые (за отдельную плату) и на все.

Итак, Василий Аркадиевич вдруг как-то неожиданно осознал, что для того, чтобы избавиться от своих душевных терзаний, должен просто-напросто принять себя таким, как есть. "То есть чудачком",--как сказал бы кто-то. "Или шизиком",-- вторил бы ему другой. "Нет,-- воспротивился бы этому третий,--Василий Аркадиевич был загадочной личностью. И все что не делал - было тайно обоснованно им. А чтобы подобное стало понятно и другим - требовалось время".

На самом деле Колесов был вполне обычным человеком. И видимо как раз это в итоге повлияло на его решение в принятии жизни во всех ее красках, несчастьях, соблазнах, и пустых мечтаниях, вкупе с нереализованными фантазиями. Которыми порой предавался Василий Аркадиевич, хотя и старался не злоупотреблять.

Выработав для себя определенную модель поведения, Колесов стремился всячески ей соответствовать. И иногда у него даже получалось.

Да и не оставалось ему уже ничего иного. Смириться с собой,-- и пытаться изменить себя. В этом, по его мнению, был залог выживания. И стремления к достижению еще большего результата, а равно закрепления результата уже имеющегося.

3

Однако периодически в Василия Аркадиевича словно вселялся бес. И тогда его невозможно было унять, как только если бы кто попытался треснуть его по башке (чтобы образумился).

Но с внешними данными Колесова желающих сделать подобное пока не нашлось. И он так и жил в этом мире, идя на уступки с судьбой и совестью (Колесов брал взятки, и активно давал их другим чиновникам, вышестоящим), если бы как-то не встретил двух девушек, которые не только были неразлучными подругами, но и были настолько неразлучны, что даже в постель к Колесову ложились вдвоем (для любовных утех Василий Аркадиевич специально снимал квартиру).

Вскоре Колесов поймал себя на мысли, что влюбился. Причем сразу в двух. Потому что по одной своих девушек он не олицетворял. Два в одном - это было вернее.

Влюбившись, Колесов попытался было попробовать изменить жизнь, признавшись двадцатилетним красавицам (красота - понятие относительное) в любви, и предложив официально оформить отношения (и уже представив, как родится у него сразу не один, а двое детей, а то и больше, если у кого-то будет двойня).

Но девушки (Люба и Наташа) почему-то не согласились. А чтобы Василий Аркадиевич (они называли его по имени-отчеству) не обиделся, да не подумал чего-то совсем уж плохого, сказали, что уже имеют официальных женихов. Которые работают в газодобывающей отрасли, и, несмотря на молодость, имеют неплохие перспективы по работе.

Колесов тут же вспомнил, что в отличие от этих славных женихов он не имел перспектив. И уже пять лет пребывал в одной должности. Причем ту - ходили слухи - собирались со временем упразднить.

Может показаться странным, но в итоге именно это подтолкнуло Василия Аркадиевича к необходимости достижения большего в этой жизни. Причем он пока продолжал жить с девушками (предоставляя им любую свободу и продолжая заниматься любовью). Но уже знал, что в скором времени с ними расстанется. Это будет особый жест, свойственный барам, -- как считал Колесов, рассчитывавший получить повышение, а значит и прибавку материальных ресурсов, хотя и так получал достаточно неплохо по российским меркам, а с учетом взяток - ежемесячный доход его уже давно превысил планку в несколько тысяч долларов США, хотя и пока никогда не превышал десяти тысяч в той же валюте.

В США, кстати, Колесов со временем планировал уехать. Жить. Но сначала решил, что должен максимальный доход извлечь со своей Родины. "Уже хотя бы для того, -- размышлял Василий Аркадиевич, -- чтобы по приезду в Соединенные Штаты приобрести там недвижимость, автомобиль, и оставить сумму, необходимую на вполне сносное существование хотя бы в течении года". За год он намеревался в Штатах пообжиться, выучить язык, да и вообще - проникнуться любовью к новой Родине. О которой пока имел довольно поверхностное мнение. Но это пока.

Это было только пока еще и потому, что Василий Аркадиевич усиленно занимался самообразованием. Читал он действительно много. Хотя и чтение носило скорее поверхностный

характер. Например, он с равным интересом читал книги и по философии, и по историю, и при этом каким-то незавидным образом перемешивал это с чтением бульварной литературы, всяких желтых газет, гламурных журналов, и прочей беллетристической ерунды. От которой иной раз ему становилось не очень хорошо, а главное - стиралась грань между реальностью и ложным, абстрактным существованием. Которое он иной раз принимал за чистую монету, а после отплевывался, да и вообще старался всячески откреститься от полученных подобным путем знаний.

Путных знаний он и на самом деле не приобретал. А те, что заполняли его мозг, были в большинстве - исключительно вредны. И что уж точно - весьма и весьма поверхностны.

И тогда уже если за что-то Колесов продолжал держаться в этой жизни, то только за свою мечту. Которая, как знал, когда-то непременно должна осуществиться. И тогда он изменится до неузнаваемости. А пока...

А пока Василий Аркадиевич Колесов был простым человеком. Таким же, каких много можно встретить на просторах Руси. И каждый из этих простых людей жил своей жизни. На что-то надеялся, чего-то добивался в жизни, совершал ошибки и после стремился их исправить. В общем - ничего примечательного. Разве что Колесов знал, что остается он таким только до поры до времени. А потом станет другим. Другим...

Но это уже будет после.

Когда? Когда - не знал и сам Колесов. Решивший оставаться простым человеком столько, сколько потребуется.

"Тем интересней будут изменения",--подумал он, и стал набирать телефон знакомых девушек. Они ему сейчас были нужны. Он хотел снять напряжение от своей слишком простой жизни. От которой в душе стремился все больше и больше дистанцироваться. Уже будто бы и не принимая ее. И веря, что скоро ее уже не будет...

14.08.2007 г.

2004-2011 гг.

Сергей Зелинский

© С.А.Зелинский. Чудак-человек. Сборник повестей и рассказов.

